

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

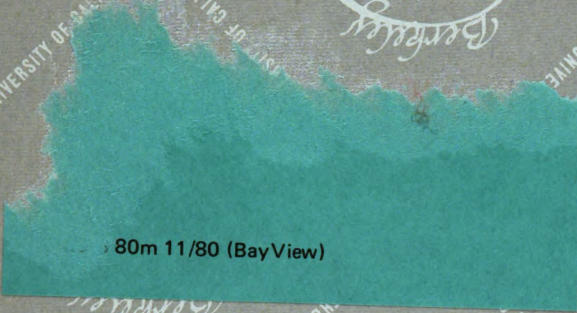
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

D
1
K3
v.12:3

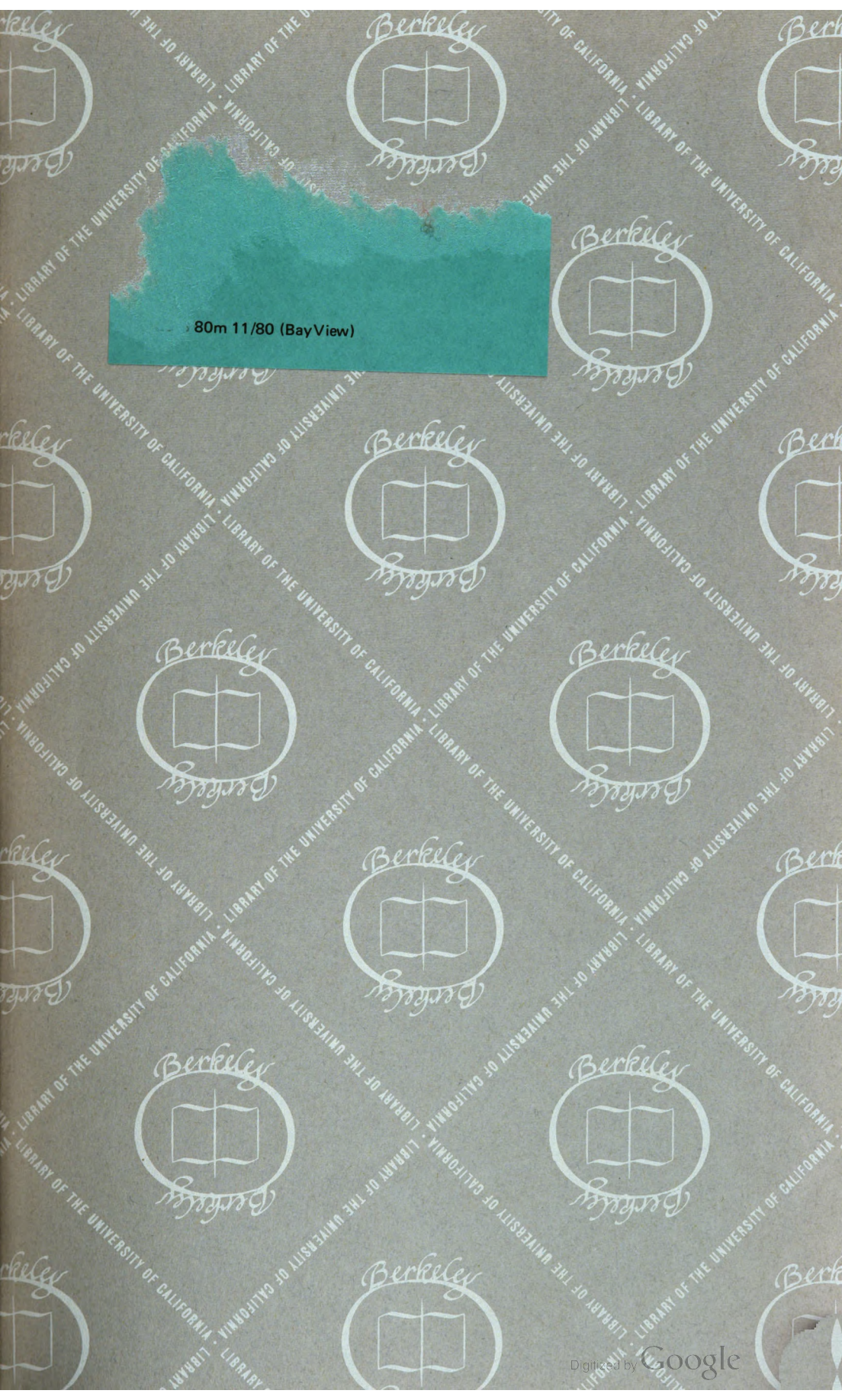
UC-NRLF

B 3 156 519

80m 11/80 (BayView)

сир 6422

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XII, вып. 3.

СОДЕРЖАНІЕ.

О сассанидскихъ блюдахъ. Я. И. Смирнова.	195—202.	Библиографія. Матеріалы для археологіи В. Россіи, А. А. Спицына. 1893. И. Н. Смирнова	256—262
Поѣздка въ село Квасниковку. Ф. В. Духовникова.	203—208.	Приложенія I. Двухсотлѣтней памяти И. И. Неплюева. Рѣчи Н. А. Өирсова, В. Н. Витевскаго и Н. Н. Өирсова.	1—50.
Киргизскій батырь Джанходжа Нурмухаммедовъ. И. В. Аничкова.	209—237.	II. Отчетъ и составъ Общества за 1893 годъ.	51—63.
Хроника. Татары Тамбовской губ. по даннымъ 1893 года. 238—239.		III. Черемисско-русскій словарь В. И. Троицкаго.	85—87.
Матеріалы. Разсказъ о батырѣ Джанходжѣ Нурмухаммедовѣ. И. В. Аничкова.	240—255.		

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1894.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Н. Катановъ.

D 1
K 3
v. 12:3

О САССАНИДСКИХЪ БЛЮДАХЪ.

Прошлый 1893 годъ былъ особенно богатъ поступлениями въ Императорскую Археологическую Коммиссію древнихъ серебряныхъ сосудовъ, постоянно находимыхъ въ Сѣверо-восточной Россіи.

Мѣстная администрація доставила вещи двухъ случайныхъ находокъ: изъ нихъ главная сдѣлана была въ концѣ Іюля Ник. Вахр. Бузмаковымъ, крестьяниномъ починки при р. Томызь, Афанасьевской волости, Глазовскаго уѣзда: кладъ состоялъ изъ 5 блюдеъ, четырехъ чашъ, поломанной чашки и 6 шейныхъ обручей и вѣсилъ болѣе 16 фунтовъ ¹⁾. Другой кладъ, блюдо и сосудъ продолговатой формы, найденъ былъ въ половинѣ Августа близъ дер. Кулагышъ, Асовской волости, Кунгурскаго уѣзда крестьянкой М. Ст. Гордѣевой.

Кромѣ того два блюда пожертвованы въ Императорскій Эрмитажъ Соликамскимъ купцомъ Григ. Макс. Касаткинымъ и сыномъ его Ник. Григ.; одно изъ нихъ найдено было въ Маѣ 1893 же года въ дер. Керчевой, Шакшерской волости, Чердынскаго уѣзда, а другое нѣсколько лѣтъ тому назадъ близъ села Половодова, Соликамскаго уѣзда.

Такимъ образомъ прошлый годъ увеличилъ и безъ того богатѣйшее собраніе произведеній Сассанидской торевтики Импе-

¹⁾ См. о немъ замѣтку А. Спицына въ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1893.

раторскаго Эрмитажа еще семью блюдами и шестью сосудами иныхъ формъ.

Изъ всего числа этого лишь одно блюдо—западной работы, всѣ же остальные вещи происходятъ съ Востока, изъ Сассанидской Персїи, и такимъ образомъ явно обнаруживаютъ ту главенствующую роль Востока въ древней торговлѣ сѣверовосточной Россїи, которая обнаруживается и прочими находками въ этихъ областяхъ какъ вещей, такъ особенно монетъ.

Массивное блюдо греческой работы изъ Томызскаго влада отличается отъ персидскихъ уже одною своей формой: вогнутость его гораздо менѣе, чѣмъ персидскихъ—при диаметрѣ въ 0,26 лишь въ 0,025. Вся орнаментація ограничивается небольшимъ вращкомъ въ центрѣ (ок. 0,05 въ диаметрѣ), образуемымъ простымъ плетеніемъ, причемъ частямъ фона между лентами плетенія при помощи нарубокъ по краямъ приданъ характеръ листьевъ. Судя по сходству орнамента этого съ нѣкоторыми орнаментами византійскихъ рукописей ¹⁾ и по аналогіи съ другими серебряными блюдами греческой работы, найденными по обѣ стороны сѣвернаго Урала, можно полагать, что и Томызское греческое блюдо принадлежитъ вѣку V—VI по Р. Х. Находящіяся на нижней сторонѣ блюда четыре греческихъ клейма по неясности ихъ пока не прочтены, но общій характеръ ихъ тотъ-же, что и клеймъ на иныхъ ранѣе найденныхъ блюдахъ греческой работы ²⁾.

Блюда восточной работы отчасти обнаруживаютъ близкое сходство съ нѣкоторыми изъ найденныхъ ранѣе, но отчасти представляютъ то въ композиціи, то въ содержаніи изображеній новыя и потому особенно интересныя черты.

Одно блюдо Томызскаго влада (діам. 0,25) ближайшимъ образомъ сходно съ найденнымъ еще въ прошломъ вѣкѣ блюдомъ Строгановскаго собранія въ Петербургѣ ³⁾: центръ обоихъ

¹⁾ Именно извѣстной Вѣнскаго рукописи Диоскорида ок. 500 г. по Р. Х.

²⁾ См. Отчеты Имп. Археологич. Комм. за 1867 годъ, стр. 52 и 211; за 1878 стр. 148, 157 и 158.

³⁾ См. Köhler's Gesammelte Schriften, т. VI, табл. 6.

блюды заняты изображеніемъ лежащаго горнаго козла, столь любимаго въ искусствѣ передней Азіи: сходны и позы животныхъ, сходны и характерныя для Сассанидской орнаментики широкіе листья или луковицы, выростающіе изъ бордюра и заполняющіе фонъ. Разница лишь въ томъ, что горный козель Строгановскаго блюда изображенъ лежащимъ на скалѣ, на Томызскомъ-же скалу замѣняютъ растительные разводы; а кромѣ того на шеѣ—козла ошейникъ съ откинутыми назадъ лентами: повязка эта и отсутствіе скалъ указываютъ, повидимому, что этотъ горный козель—не дивій, быть можетъ, даже ручной или, по крайней мѣрѣ, принадлежащій царскому охотничьему парку („парадизу“, „звѣринцу“).

По величинѣ (діам. 0,27), стилю плоскаго рельефа и отчасти по содержанію къ Томызскому блюду подходит найденное у села Половодова: центръ этого блюда занимаетъ изображеніе льва, стоящаго на повергнутомъ молодомъ оленѣ и намѣреющагося перегрызть ему горло, задравъ правою переднею лапой голову его вверхъ. Рисунокъ животныхъ, изображенныхъ сбоку (только морда льва повернута въ три четверти), хотя и не свободенъ отъ многихъ условностей и представляетъ борьбу не съ достаточной живостью, но прекрасно передаетъ характерныя черты обоихъ животныхъ, какъ и прочіе памятники персидскаго искусства эпохи Ахеменидовъ и Сассанидовъ. Фонъ между фигурами и каймою круга заполненъ побѣгами обычныхъ въ Сассанидскомъ орнаментѣ широколиственныхъ растений.

Блюдо, слегка поломанное, найденное у дер. Керчевой (діам. 0,28) содержаніемъ изображенія, занимающаго всю вогнутую поверхность, входитъ въ самую обширную группу Сассанидскихъ блюдовъ съ изображеніями царскихъ охотъ. Но это пожертвованное Гр. М. Касаткинымъ и долженствующее украсить Эрмитажное собраніе блюдо отличается оригинальностью композиціи отъ большинства блюдовъ съ изображеніями того же содержанія, въ которыхъ цари являются въ довольно однообразныхъ и торжественныхъ позахъ.

На этомъ же блюдѣ царь изображенъ не спокойнымъ истребителемъ выгнанныхъ на него загонщиками дивихъ львовъ и кабановъ или робкихъ антилопъ и оленей, а въ опасный моментъ, когда ему пришлось выказать всю свою силу и ловкость.

Поэтому и композиція этого изображенія живѣй и смѣльчѣй, чѣмъ на прочихъ блюдахъ. Изъ тростниковъ выскакиваютъ два громадныхъ кабана; одинъ бросается со своими страшными клыками подъ брюхо царскаго коня, который поднимается на дыбы; царь, чтобы не скатиться съ него, охватилъ лѣвой рукою его шею, поджалъ правую ногу, уберегая ее отъ кабаньихъ клыковъ, и правой рукой успѣваетъ выхватить мечъ и поражаетъ имъ кабана въ лѣвую лопатку, очевидно, направляя ударъ прямо въ сердце. Въ этой композиціи особенно оригинальны конь, вставшій на дыбы, и поворотъ головы царя въ профиль. Оригинальный головной уборъ царя въ видѣ круглой шапки съ двумя золотыми бараньими рогами по сторонамъ напоминаетъ ту золотую баранью осыпанную камнями голову, которую носилъ вмѣсто шлема царь Сапоръ ¹⁾.

Но при всей оригинальности композиціи этого блюда изображенія кабановъ на немъ гораздо ниже изображеній тѣхъ же животныхъ на иныхъ блюдахъ; техника довольно высокаго мѣстами рельефа ничего новаго не представляетъ. На нижней сторонѣ блюда вырѣзана пехлевійская не разобранныя еще надпись, начинающаяся тамгою.

Болѣе оригинальны и интересны по содержанию изображеній два другія блюда. Всю вогнутость одного блюда Томыскаго вклада (діам. 0,22) занимаетъ изображеніе въ весьма плоскомъ рельефѣ женщины въ длинной одеждѣ, играющей на какой то трубѣ или флейтѣ, сидя на крылатомъ чудовищѣ. Стилъ всего изображенія, орнаментація бордюра ²⁾ и типъ женщины не оставляютъ сомнѣній въ Сассанидскомъ происхожденіи

¹⁾ Въ 359 году. См. Амміана Марцеллина. XIX, 1, 3.

²⁾ См. такую же въ Отчетѣ Арх. Комм. за 1878 годъ, стр. 155.

и этого блюда, хотя подобного изображенія на другихъ Сассанидскихъ памятникахъ указать мы не можемъ. Лишь довольно отдаленныя аналогіи можно замѣтить между этимъ изображеніемъ флейтщицы на крылатомъ чудовищѣ и крылатымъ гениемъ-гитаристомъ на львѣ одного Эрмитажнаго ковша ¹⁾ и между рогатымъ и крылатымъ чудовищемъ этого блюда и звѣремъ, на котораго опирается нагая богиня блюда Парижской Національной Библіотеки ²⁾ съ другой стороны. Еще болѣе близкое по содержанію изображеніе женщины, играющей на гитарѣ, сидя на безкрыломъ правдѣ чудовищномъ звѣрѣ, находимъ мы среди древнѣйшихъ памятниковъ Пенджаба ³⁾. На золотая на обратной сторонѣ блюда пехлевійская надпись, пока неразобранная, объясненію изображенія не поможетъ, такъ какъ она заключаетъ, вѣроятно, имя владѣльца, а потому истолкованіе этого изображенія принадлежитъ знатокамъ персидской мифологіи.

Персидскимъ эпосомъ объяснится, быть можетъ, изображенная на вогнутой поверхности блюда, (діам. 0,22) найденнаго у дер. Кулагышъ, схватка двухъ усатыхъ бойцовъ въ панцырныхъ чешуйчатыхъ кафтанахъ и въ оригинальныхъ головныхъ уборахъ, защищающихъ голову, шею и плечи, съ тремя узкими ушами, находящими себѣ лишь отдаленное подобіе въ головномъ уборѣ одного Сассанида ⁴⁾, якобы Бахрама V (417—438).

Это исполненное обыкновеннымъ плоскимъ рельефомъ изображеніе едва ли представляетъ сцену изъ какой либо битвы Персовъ съ непріятелями, такъ какъ одѣяніе, столь оригинальное, обоимъ противникамъ совершенно одинаково. Думать объ изображеніи усобицы нельзя, такъ что остается выбирать между борьбою потѣшныхъ бойцовъ или богатырей. Крайняя ожесточен-

¹⁾ См. Отчетъ Арх. Комм. за 1881 годъ, табл. II, рис. 10.

²⁾ См. Русскія Древности, изд. гр. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. III, рис. 85.

³⁾ См. Albert Grünwedel. Buddhistische Kunst in Indien, рис. 32.

⁴⁾ См. Kiash. Ancient Persian Sculptures, pl. XLVI.

ность схватки напоминаетъ описанія богатырскихъ схватокъ въ нашихъ былинахъ: между бойцами на землѣ валяются брошенные небольшіе круглые щиты, притупленные топоры и сломанные пополамъ мечи и палицы. Борьба продолжается уже не ровнымъ оружіемъ: одинъ (лѣвый) боецъ пускаетъ изъ лука стрѣлу въ грудь противника, куда онъ уже вонзилъ ранѣ двѣ стрѣлы, но самъ протѣнуть насвободу его копьемъ. Является недоумѣніе, почему онъ не воспользовался своимъ лукомъ своевременно, издали, а пустилъ его въ дѣло на такомъ близкомъ разстояніи, что его могло достягнуть вражеское копье.

Два остальныхъ блюда лишены фигурныхъ изображеній: одно блюдо Томыскаго влады (діам. 0,21) имѣетъ только въ центрѣ золоченую розетку о восьми лепесткахъ, выбитую съ обратной стороны; богаче орнаментировано другое маленькое блюдо (діам. 0,16) того же влады. Растительные, повидимому виноградные, разводы на стѣнкахъ блюда названы собственно для разсматриванія снаружи (т. е. съ нижней стороны блюда), но при тонкости стѣнокъ украшаютъ одновременно, хотя и обратнымъ, вогнутымъ рисункомъ и внутренность блюда. Въ тѣхъ же, вѣроятно, видахъ обычное заполненіе фона орнаментовъ рядами кружковъ замѣнено здѣсь выбитыми углубленными точками, которыя ясно проступаютъ и на фонѣ орнаментовъ внутренней стороны.

Къ блюдамъ по назначенію близокъ сосудъ изъ дер. Кулагыша оригинальной формы (вѣсомъ 30 зол.) какъ-бы раскрытой и растянutoй въ одномъ направленіи цвѣточной чашечки. Давно извѣстенъ уже сосудъ такой же формы Строгановскаго собранія¹⁾, который богатствомъ фигурныхъ украшеній лишаетъ вновь найденный сосудъ почти всякаго значенія: единственное украшеніе его — рельефное изображеніе рыбы, припаянное нѣкогда внутри на днѣ, отломано и утеряно, равно какъ и ножка; только по формѣ припайки угадывается эта фигурка, указывающая, быть можетъ, на назначеніе блюда такой формы.

¹⁾ См. Köhler's Gesammelte Schriften, т. VI, табл. 7.

Остальные сосуды всё одинаковаго назначенія, но по формамъ представляютъ три типа, которые всё можно называть чарками или чашками: это сосуды для питья, очевидно, вина, на ножкѣ съ одною ручкой, которая у всёхъ одинаковаго устройства: съ однимъ круглымъ отверстіемъ для продѣванія указательнаго пальца, съ выступами, препятствующими вращенію ручки около него, и съ горизонтальною треугольной плоскостью сверху для большого пальца. Тождество работы всёхъ этихъ чашъ указываетъ на принадлежность всёхъ ихъ одному періоду, а рельефное изображеніе на ручкѣ одной изъ нихъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что мѣстомъ изготовленія ихъ была Персія времямъ Сассанидовъ.

Наибольшая чара (выс. 0,9, верхній діам. 0,12) украшена по верхней разложистой части, вродѣ широкаго горлышка, весьма удобнаго для питья, повторяющимися восемь разъ характерными завитками, а по широкому выпуклому брюшку разводами растительнаго орнамента, выходящаго изъ четырехъ стеблей и сросшагося въ неразрывную сѣть повторяющихся разводовъ, фонъ между которыми заполненъ обычными въ произведеніяхъ Сассанидской торевтики рядами кружковъ, набитыхъ однимъ пунсономъ. На плоской части ручки находится рельефное изображеніе бородатаго Перса въ серьгахъ, пьющаго, закинувъ назадъ голову, изъ плоскаго блюда, подобнаго вышеописаннымъ, и держащаго на лѣвомъ плечѣ, повидимому, винный мѣхъ. Типъ лица и стиль изображенія явно указываютъ на время Сассанидовъ, но отсутствіе всякаго головнаго убора на пышно завитыхъ длинныхъ волосахъ, а также значительное опьяненіе, не позволяютъ считать головы этой за царскую.

Меньшая чарка Томызскаго клада формою (выс. 0,06, діам. 0,08) сходна съ чаркою средневѣковаго отдѣленія Эрмитажа ¹⁾, но стѣнки украшены лишь въ верхней половинѣ узкимъ поясомъ съ изображеніемъ характернаго широколиственнаго растенія, длинные побѣги котораго щиплютъ съ обѣихъ сторонъ павлины.

¹⁾ См. Отчетъ Археологич. Коммисіи за 1890 годъ, рис. № 69.

Два остальные сосуда того-же вида составляютъ пару и по величинѣ (выс. 0,06 и 0,05, діам. 0,1) и по оригинальной формѣ: верхній край чашекъ не круглый, а изогнутый, какъ края розетки о шести лепесткахъ, вслѣдствіе чего и стѣнки чашекъ имѣютъ выпуклые суживающіеся книзу выступы въ верхнемъ поясѣ и подобные же, но повернутые острымъ концемъ шесть выступовъ нижняго пояса. Каждый изъ этихъ выступовъ занятъ у одной чашки однообразными растительными разводами; а у другой на ряду съ орнаментами, и отчасти вмѣстѣ съ ними, изображеніями порхающихъ по большей части птичекъ. Въ одномъ большемъ (верхнемъ) полѣ этой чашки представлена птица, грозно выступающая противъ змѣи, подбирающейся въ ея гнѣзду съ двумя птенцами, а въ одномъ маломъ—нижняго ряда—птица-побѣдительница летитъ, держа змѣю въ клювѣ. Каждое поле обведено особымъ бордюромъ, фонъ заполненъ, какъ на прочихъ чаркахъ, рядами кружковъ; орнаменты и птицы второй чашки позолочены.

Такимъ образомъ, орнаментація этой чашки ближайшее сходство имѣетъ съ однимъ плоскимъ блюдомъ эрмитажнаго собранія, имѣющимъ въ центрѣ богиню съ оленемъ¹⁾, а кругомъ и по бордюру подобные же растительные разводы съ различными звѣрями и птицами въ нихъ.

Всѣ перечисленныя вещи, разумѣется, по времени и мѣсту изготовленія могутъ принадлежать разнымъ мѣстамъ и разному времени, кромѣ развѣ двухъ послѣднихъ, очевидно, парныхъ чашекъ; по времени всѣ вышеописанныя вещи можно относить въ предѣлы V—VII вѣковъ по Р. Х., такъ какъ никакихъ основаній возводить ихъ ко временамъ болѣе древнимъ (III—IV вв.) не имѣется; совершенно никакихъ основаній не представляется также пока для попытокъ указать мѣсто или время изготовленія этихъ и прочихъ серебряныхъ издѣлій, зашедшихъ въ Приуралье изъ обширныхъ предѣловъ царства Сассанидовъ, простиравшагося отъ Евфрата до Туркестана.

Я. Смирновъ.

¹⁾ См. Русскія Древности, изд. гр. Толстымъ и Кандаковымъ, вып. III, рис. 86.

ПОЕЗДКА ВЪ СЕЛО КВАСНИКОВКУ.

Новоузенскій уѣздъ Самар. губ. изобилуетъ древностями. По рассказамъ, въ одной рощѣ, около какого-то села, очень часто находятъ бронзовыя стрѣлы ¹⁾. Въ новоузенскомъ уѣздѣ есть и пещеры, вѣроятно, татарскаго происхожденія.

Но въ особенности много въ этомъ уѣздѣ кургановъ. Ихъ встрѣчаютъ по берегамъ рѣчекъ и рѣкъ, впадающихъ въ Волгу и въ частности въ рѣку Еруслань. Хотя они разбѣяны по всему уѣзду, но все-таки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно замѣтить, что они идутъ непрерывною цѣпью, какъ бы вдоль дороги. На однихъ курганахъ были постройки изъ кирпича и камня, на другихъ каменные бабы, третьи представляли и представляютъ изъ себя однѣ только насыпи. Старожилы помнятъ, что во многихъ селеніяхъ на дворахъ и улицахъ у домовъ можно было встрѣтить каменные бабы, привезенныя съ кургановъ, какъ напр. въ Покровской слободѣ, что противъ Саратова и Екатеринштатѣ. Въ курганахъ находили золотыя, мѣдныя и желѣзныя вещи, а также деньги. Одна очень богатая старушка ²⁾ имѣетъ у себя много какихъ-то золотыхъ древнихъ монетъ. По описанію одного лица студента-естествовѣда, видѣвшаго у старушки монеты, онѣ квадратныя; на одной сторонѣ монетъ выпускаемыя точки, на другой—у однѣхъ монетъ изображенія или змѣи, или же оленя. У одного торговца въ г. Новоузенскѣ въ 1891 неурожайномъ году находилось въ залогѣ много золотыхъ древнихъ вещей.

¹⁾ Мѣстность эту общались мнѣ указать.

²⁾ Фамиліи и мѣстожителства этого лица не помнятъ.

Жителямъ Квасниковки очень знакомы многія части Новоузенскаго уѣзда, даже отдаленныя. Когда они прекратили возку соли, то всѣ силы свои устремили на занятіе земледѣліемъ. Дѣйственныя степи Н. уѣзда, дававшія баснословные урожаи, заставляли квасниковцевъ снимать земли для посѣва хлѣбовъ верстъ за сто, за двѣсти отъ Квасниковки; тамъ они въ курганахъ или другихъ мѣстахъ находили случайно при паханіи золотыя и мѣдныя (вѣроятно, бронзовыя) вещи, и выгодно ихъ сбывали.

Около села Квасниковки тоже есть древности, почти уничтоженныя какъ временемъ, такъ въ особенности человекомъ. Если ѣхать изъ Квасниковки къ сѣверу по направленію къ Покровской слободѣ, то замѣтимъ, что мѣстность очень повышается. На этой-то плоской возвышенности, въ саженьяхъ двухстахъ отъ Квасниковки и въ саженьяхъ восьмидесяти отъ обрывистаго берега Волги, видны съ дороги выпуклости. Первая выпуклость, имѣющая форму четверугольную, не имѣетъ на своей поверхности ни обломковъ кирпичей, ни мусора; во многихъ мѣстахъ видны свѣжія ямки, образовавшіяся отъ копанія; въ нихъ тоже не видно кирпичей. Пробовалъ я рыть землю, но тоже не дорылся до кирпичей. По словамъ извозчика, жителя Квасниковки, тутъ была когда-то каменная постройка, давно разобранная жителями. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ къ сѣверу замѣтна другая четверугольная выпуклость, имѣющая на своей поверхности въ нѣсколькихъ мѣстахъ обломки кирпичей и мусора. Въ длину выпуклость 38 шаговъ, въ ширину 28, а въ высоту не болѣе двухъ аршинъ. Это было каменное зданіе, которое давно было разобрано какъ для добычи изъ него кирпича, такъ съ цѣлю отыскать кладь. Старожилы помнятъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ жители, желая отыскать золотого коня, который по преданію тутъ зарытъ, снова разрывали эту выпуклость, но ничего тамъ не нашли. Въ послѣдніе годы даже обломки кирпичей выкапываются старухами для своихъ нуждъ. Со стороны Волги выпуклость эта имѣетъ продолговатую выемку, на мѣстѣ которой, по словамъ извозчика,

былъ выходъ (входъ), разобранный недавно. Хотя я не могъ найти и разрыть ни одного цѣльнаго кирпича, но, по описанію жителей, зданіе было построено изъ квадратнаго тонкаго кирпича, очень твердаго и хорошо обожженнаго. Находили тамъ синяго и голубаго цвѣта кафели. Одинъ kwasниковскій житель увѣрялъ меня, что не все зданіе разрыто, а только часть его, почему думаетъ, что раскопка этой выпуклости будетъ не бесполезна.

Въ саженьяхъ трехъ, четырехъ отъ этой выпуклости къ востоку на совершенно ровномъ мѣстѣ виднѣются выкопанныя недавно ямки, въ которыхъ тоже находились обломки старинныхъ татарскихъ кирпичей. Очевидно, и тутъ было когда-то зданіе. На мой вопросъ объ этихъ ямкахъ молчаливый хохоль ничего не отвѣтилъ, но словоохотливый сынъ его объяснилъ причину появленія ямокъ: по повѣрью, существующему въ народѣ, жители Кwasниковки, особенно молодые парни во время пасхальной заутрени смотрятъ съ церковной колокольни, не свѣтится ли гдѣ-нибудь въ степи огонекъ, и если увидятъ его, то, стало быть, тамъ будетъ кладъ. Въ нынѣшнюю пасхальную заутреню видѣли нѣсколько мѣстъ, гдѣ свѣтились огоньки, и одно изъ такихъ мѣстъ было только что описанное, почему оно оказалось изрытымъ, но клада тамъ не нашли. Въ этой мѣстности находили прежде много татарскихъ старинныхъ денегъ, за что эту мѣстность называютъ Грошове, но теперь изрѣдка находятъ тамъ деньги мѣдныя и серебряныя, татарскія деньги находили и находятъ также въ улицѣ села Кwasниковки, прилегающей къ обрывистому берегу Волги: вѣтры, раздувая песчаный верхній слой, обнажаютъ деньги. Я хотѣлъ было приобрѣсть здѣсь монеты и вещи, но ни у кого не оказалось, кромѣ четырехъ монетъ: двухъ серебряныхъ и двухъ мѣдныхъ.^{*)} Татарскія мѣдныя деньги, которыя попадаютъ чаще серебряныхъ, отдають старичку слесарю, который

---

^{*)} Которыя при семъ прилагаются.

изъ нихъ дѣлаеть, какъ говорили мнѣ, гвоздики, служащія для починки котловъ. Вообще татарскимъ деньгамъ тутъ не придаютъ никакой цѣны.

Проходя по этой крайней улицѣ, я замѣтилъ на ней въ землѣ обломки и старинныхъ татарскихъ кирпичей, но занесены ли они сюда изъ „Грошоваго“; или представляютъ изъ себя жалкіе остатки бывшихъ когда то на этомъ мѣстѣ каменныхъ построекъ,—на это никто мнѣ не могъ дать отвѣта.

Такимъ образомъ улица, идущая вдоль обрывистаго берега Волги, и Грошове должны оставить на себѣ вниманіе археолога. Изъ этихъ двухъ мѣстностей только о Грошовомъ положительно можно сказать, что тамъ были каменные зданія на томъ мѣстѣ, гдѣ замѣтны теперь двѣ выпуклости, пересѣкаемыя овражками, но были ли постройки на ровномъ мѣстѣ, которое находится рядомъ съ выпуклостію и гдѣ теперь при копаніи обнаруживаются кирпичи,—трудно рѣшить.

Я намѣренъ былъ ограничиться осмотромъ Грошоваго, но совершенно случайно изъ разговора съ крестьянами узналъ, что у собственнаго названія Грошоваго есть нарицательное могола, которымъ называются какъ остатки зданій, такъ и курганы, и тогда оказалось, что, кромѣ Грошоваго, есть и другія древности въ окрестностяхъ Квасниковки.

Въ дачахъ села Квасниковки, Аниськина хутора и слободы Покровской, что противъ Саратова, находится нѣсколько кургановъ, или, по мѣстному выраженію, моголъ, всѣ они давно уже разрыты мѣстными жителями. Самый большой изъ нихъ, по словамъ однихъ, не превышаетъ сажени, а, по увѣренію другихъ, въ дачахъ Аниськина хутора есть курганы вышиною около двухъ сажень. Я могъ осмотрѣть только одинъ курганъ, находящійся къ сѣверовостоку отъ Квасниковки, въ саженяхъ 300 отъ нея. Въ діаметрѣ онъ тридцать семь шаговъ; поверхность его почти плоская оттого, что его не разъ разрывали. Надъ окружающею мѣстностью онъ возвышается не болѣе аршина полтора или два. Этотъ курганъ, подобно другимъ курганамъ, окруженъ ровомъ.

Кромѣ кургановъ, въ дачахъ Квасниковки, въ верстахъ двухъ, трехъ отъ нея къ востоку, тамъ, гдѣ была старая Квасниковка, находится городище, котораго я не осмотрѣлъ, такъ какъ осмотра древностей въ Новоузенскомъ уѣздѣ мнѣ не было поручено. Городище это представляетъ изъ себя, по словамъ Квасниковскихъ жителей, груды кирпичей; это остатокъ бывшей здѣсь когда-то мечети, о существованіи которой на этомъ мѣстѣ напоминаютъ только названія рѣчки Мечети да Сухаго барака (буерака) Мечетки. Въ городищѣ находили татарскія монеты, кувшины и деньги. У того городища когда-то была расположена цѣлая деревня—Старая Квасниковка, жители которой были переселены въ село Квасниковку.

Наконецъ въ Квасниковскомъ займищѣ есть интересное въ археологическомъ отношеніи небольшое озеро Кладовое, названное такъ потому, что, по повѣрью жителей, въ немъ зарыто нѣсколько кладовъ. Говорятъ, въ немъ находили не только русскія деньги (пятаки), но и татарскія. Желая воспользоваться кладами, Квасниковцы хотѣли было спустить изъ озера воду, для чего прорыли изъ него канаву, но озеро оказалось очень глубокимъ, такъ что эта попытка потерпѣла неудачу.

Отъ Квасниковскихъ жителей я узналъ еще о слѣдующихъ городищахъ, находящихся на лѣвомъ берегу Волги:

1) Къ сѣверу отъ Квасниковки, у хутора Аниськина, гдѣ проходитъ полотно Рязанско-Уральской желѣзной дороги. Въ прошломъ году въ этомъ мѣстѣ желѣзнодорожные рабочіе, какъ мнѣ извѣстно, выкопали два татарскіе кувшина, купленные однимъ жителемъ Аниськина хутора.

2) Другое, тоже къ сѣверу, за Аниськинымъ хуторомъ, въ верстахъ восьми отъ Квасниковки.

3) Третье—къ югу отъ Квасниковки, въ верстахъ 12 отъ нея, у села Узморья. На этомъ городищѣ находили монеты и вещи; одну вещь мнѣ хотѣли доставить.

Можетъ быть, есть и еще гдѣ-нибудь на берегу Волги въ окрестностяхъ Квасниковки городища, но крестьяне или

умалчиваютъ объ археологическихъ мѣстностяхъ, или не считаютъ многія мѣстности заслуживающими вниманія въ археологическомъ отношеніи.

Ф. Духовниковъ.

КИРГИЗСКІЙ ГЕРОЙ (БАТЫРЬ)

ДЖАНХОДЖА НУРМУХАММЕДОВЪ.

Очеркъ изъ первыхъ шаговъ русскихъ на Сыръ-Дарьѣ (посвящается Ольгѣ Николаевнѣ Бутаковой, женѣ покойнаго начальника Аральской флотиліи А. И. Бутакова, перваго изслѣдователя Аральскаго моря и р. Сыръ-Дарьи)

I.

Хотя Абуль-Хаиръ, ханъ Малой Орды, еще въ 1730 г. принялъ подданство Россіи, но ко времени утверженія русскаго владычества на Аральскомъ морѣ и р. Сыръ-Дарьѣ, т. е. когда въ 1847 г. было построено Аральское укрѣпленіе, часть Малой орды, кочевавшая по нижнему теченію Сыра, пескамъ Кара-Кумъ и Малымъ Барсукомъ, считаясь номинально подвластною Россіи, не вошла вполнѣ въ сферу русскаго вліянія, подвергаясь постояннымъ нападеніямъ и завоевательнымъ попыткамъ или со стороны хивинцевъ или кокандцевъ; какъ тѣ, такъ и другія имѣли притязаніе утвердить свое вліяніе надъ кочевавшими по Сыру киргизскими родами, а потому постоянно нападали на нихъ, требуя уплаты со скота-закета, съ хлѣба-усура, насилая женщинъ и отбирая дѣвицъ, для своихъ гаремовъ; даже передвиженіе въ 1845—1846 гг. Оренбургской линіи южнѣе и основаніе на р. Иргизѣ-Уральскаго, а на р. Тургаѣ-Оренбургскаго укрѣпленій, не устрасило начальниковъ хивинскихъ и кокандскихъ шаекъ, продолжать

свои насилія надъ киргизами, считавшимися подъ покровительствомъ Россіи. Между тѣмъ караванные пути изъ Ташкента, Бухары и частью изъ Хивы, проходили черезъ Сыръ и Кара-Кумы и оттуда уже выходили на Оренбургъ или Троицкъ, такъ что подобнаго рода безпорядки въ степи, на главномъ торговомъ пути между средне-азиатскими ханствами и Россіей, отражались крайне невыгодно на нашей степной и азиатской торговляхъ: караваны постоянно задерживались на Сырѣ или Куванѣ, подъ предлогомъ уплаты зякета и вовсе не были гарантированы отъ насилій и грабежей со стороны киргизъ, подвластныхъ Хивѣ или Коканду, или же подчиненныхъ мятежному султану средней орды, Кенисарѣ Касимову, присвоившему себѣ около 1840 г. званіе хана всей Алаши, т. е. трехъ ордъ. На самомъ дѣлѣ, если мы посмотримъ на карту того времени и проведемъ линію отъ Уральскаго (г. Иргиза) до Оренбургскаго (г. Тургая) укрѣпленій, то увидимъ, что пространство за этою чертою, ограниченное Аральскимъ моремъ, Сыръ-Дарьею ниже соединенія двухъ его рукавовъ Кара-Узекъ и Джаманъ-Дарьи, рѣками Тургаемъ и Сары-Су, до конца сороковыхъ годовъ, было фактически свободно отъ какого либо вліянія и находилось среди трехъ владѣній: русскаго, хивинскаго и кокандскаго, а съ востока было открыто для набѣговъ Кенисары Касимова. Русскія укрѣпленія придвинулись уже почти къ пескамъ Кара-Кумъ и Барсукамъ, кокандскія протянулись до соединенія двухъ рукавовъ Сыра, при слияніи которыхъ находилось укрѣпленіе Косъ-Курганъ, на островѣ Кара-Узакъ, хивинскія укрѣпленія Джанъ-Кала, Ходжа-Ниязъ и другія начали вытягиваться по Кувану и лѣвому берегу Сыра; такимъ образомъ заключенная между ними площадь, занятая кочевьями киргизъ Малой Орды, поколѣніемъ Алимъ съ его родовыми подраздѣленіями: Кара-Гисекъ, Чиеты, Тюръ-Кара и Кара-Сакаль и поколѣніемъ Чумекей, считавшимися въ сферѣ русскаго вліянія, фактически не была еще никѣмъ занята и представляла по этому полный просторъ, для при- тазаній владѣльцевъ Хивы и Коканда или степныхъ султановъ,

вродъ Кенисары, стремившихся утвердить свое господство на Сырѣ, чтобы держать въ рукахъ караванные пути, изъ Средней Азіи въ Россію и т. д. Очевидно, что Оренбургское начальство, въ рукахъ котораго сосредоточивалась средне-азіятская политика, вынуждено было обратить вниманіе на такого рода положеніе вещей, въ этой части степей, тѣмъ болѣе, что отъ него прямо страдала наша торговля съ Средней Азіей: кокандцы подвигались все дальше и дальше внизъ по Сыру, имѣя операціоннымъ базисомъ крѣпость Агъ-Мечеть, хивинцы не стѣняясь собирали зякетъ и усуръ съ киргизъ на Сырѣ, и тѣ и другіе позволяли себѣ даже дѣлать набѣги отдѣльными шайками на киргизъ, въ Кара-Кумахъ и Барсукахъ, и Кенисары Касимовъ, объявивъ себя ханомъ всей Алаши, дѣлалъ поборы въ свою пользу, грабилъ караваны и аулы, непризнававшихъ его власти киргизъ.

Естественное желаніе сдѣлать безопасными торговые пути, обезпечить благосостояніе такъ называемыхъ мирныхъ киргизъ, имѣвшихъ честь считаться подъ покровительствомъ Бѣлаго Царя, дать почувствовать кокандцамъ и хивинцамъ, поднявшимъ голову послѣ несчастнаго хивинскаго похода графа Перовскаго 1839—1840 гг., что русскіе не потерпятъ пренебреженія къ добрымъ сосѣдскимъ отношеніямъ и хищничества, допускаемаго по азіятскимъ, а не по европейскимъ, международнымъ понятіямъ, наконецъ рыбная ловля на Аральскомъ морѣ, давно уже привлекавшая взоры нашихъ рыбопромышленниковъ,—все это вмѣстѣ взятое вынудило тогдашняго Оренбургскаго военнаго губернатора и командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса генерала отъ инфантеріи Обручева просить разрѣшенія въ Петербургѣ положить конецъ такому состоянію дѣлъ занятіемъ позиціи на Сырѣ и Аральскомъ морѣ; разрѣшеніе, несмотря на противодѣйствіе государственнаго канцлера графа Нессельроде, было Императоромъ Николаемъ I-мъ дано, при этомъ русскимъ отрядамъ строго было воспрещено переходить на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи, считавшійся хивинскимъ, чтобы не навлекать неудовольствія ихъ и не давать повода предпо-

лагать въ занятіи Райма какихъ либо завоевательныхъ попытокъ со стороны Россіи, запрещеніе это въ послѣдствіи постоянно подтверждалось, но не всегда могло быть исполняемо, ввиду враждебнаго настроенія хивинцевъ, имѣвшихъ на Куванъ-Дарьѣ крѣпостцу Ходжа-Ніязъ, отсюда они постоянно волновали мирныхъ киргизъ по обомъ берегамъ Сыръ-Дарьи; наконецъ 30 іюня 1847 года русскій отрядъ, подъ начальствомъ самого Оренбургскаго военнаго губернатора генералъ отъ инфантеріи Обручева, занялъ на Сыръ-Дарьѣ, въ 60 верстахъ отъ Аральскаго моря, возвышенность, на которой былъ построенъ фортъ Раймъ, въ послѣдствіи переименованный въ Аральское укрѣпленіе; Раймъ былъ избранъ въ слѣдствіе рекогносцировочной экспедиціи капитана Шульца въ 1846 г. ввиду своего возвышеннаго положенія и большаго числа, до 6 т. кибитокъ, кочевавшихъ здѣсь киргизъ, а также для защиты караванныхъ путей, изъ Бухары, черезъ Майлибашъ и изъ Хивы, черезъ Аманаткуль и Тасбугутъ, проходившихъ по старой татарской дорогѣ (ногай-джолъ) вдоль берега Аральскаго моря, въ Оренбургскую степь. Занятіе Райма произошло вполне мирнымъ путемъ, всѣ „ордынцы“, кочевавшіе по пути слѣдованія отряда и на Сырѣ, выказывали вполне мирное настроеніе и даже батыръ „кешкене-чикильцевъ Джанходжа“, по словамъ генерала Обручева „не смотря на свою дикость, прибылъ, чтобы „меня привѣтствовать“. Самъ генералъ отъ инфантеріи Обручевъ вскорѣ вернулся въ Оренбургъ, а комендантомъ былъ назначенъ полковникъ Ерофѣевъ, ранѣе обратившій вниманіе начальства своею распорядительностью, опытностью и знаніемъ службы въ степныхъ укрѣпленіяхъ и уже отличавшійся въ разныхъ экспедиціяхъ, противъ мятежнаго султана Кенисары Касимова на рѣкѣ Тургаѣ.

Съ этого момента Россія стала твердою ногою на Аральскомъ морѣ и Сырѣ и, придвинувшись ближе къ средне-азіатскимъ владѣніямъ, могла уже имѣть на нихъ большее вліяніе, а въ послѣдствіи даже рѣшать ихъ судьбу, часть же малой орды, кочевавшая въ районѣ форта, окончательно вошла въ

сферу русскаго вліянія. Заслуга этого важнаго шага вполнѣ принадлежитъ генералу Обручеву, понявшему, что безъ такого рѣшительнаго поступка правители Хивы и Коканда всегда будутъ имѣть возможность нарушать международныя права и волновать киргизъ Оренбургскаго Вѣдомства. Послѣдствія этого движенія русскаго отряда и постройки Раима извѣстны: основаніе Косъ-Аральскаго форта, образованіе въ 1848 г. экспедиціи лейтенанта Бутакова, для обозрѣнія и изслѣдованія Аральскаго моря, на двухъ шкунахъ „Николай и Константинъ“, въ которой принималъ между прочимъ участіе въ качествѣ нижняго чина—поэтъ Шевченко, занятіе въ 1850 г. урочища Казалы, для наблюденія за двумя главными переправами черезъ Сыръ-Дарью Кара-Тюбе и Джанъ-Кала, взятіе Косъ-Кургана, штурмъ 28 іюня 1853 года графомъ Перовскимъ Акъ-Мечети, образованіе фортовъ № 1, 2, Перовскаго и Сыръ-Дарьинской линіи, сформированіе Аральской флотиліи и походъ Бутакова и Черняева на судахъ Аральской флотиліи въ Кунградъ, къ устью Аму-Дарьи, организація управленія туземнымъ населеніемъ въ лицѣ особаго русскаго чиновника, поселеніе на Сыръ-Дарьѣ 30 семей Оренбургскихъ казаковъ, какъ первый опытъ русской колонизаціи и другія мѣропріятія,—свидѣтельствовавшія, что русскіе, по словамъ одного стараго мѣстнаго батыря Изетлеу, очевидца и современника всѣхъ этихъ событій, не поступаютъ, какъ киргизы, т. е. возьмутъ, разграбятъ и уйдутъ, а взявъ, не разграбятъ, но и не уйдутъ, дальнѣйшее поступательное движеніе русскихъ войскъ, имѣвшее цѣлью соединеніе Сыръ-Дарьинской и Сибирской линій, завершившееся взятіемъ въ 1864 г. генераломъ Веревкинмъ Туркестанта и наконецъ въ 1865 году, въ ночь съ 14 на 15 іюля, генераломъ Черняевымъ Ташкента,—общеизвѣстно и непосредственно отношенія къ предмету настоящаго изслѣдованія не имѣетъ, а потому мы опять обратимся къ 1847 году, т. е. къ моменту занятія русскими Раима.

Утвержденіе русскаго господства на Сырѣ не обошлось однако безъ враждебныхъ дѣйствій, Хива не могла примириться

съ мыслью, что русскіе стали твердою ногою на Раимѣ, а потому ханъ отправилъ скопище около 6 т. подъ начальствомъ султановъ Джангазы Ширгазіева, Илекѣя Касимова и Кушбеги Ходжаніза, для наказанія подчинившихся окончательно Россіи киргизъ, кочевавшихъ по правому берегу Сыра; комендантъ Раима полковникъ Ерофѣевъ, узнавъ объ этомъ, вынужденъ былъ выйти изъ форта, взять и разрушить 21 августа 1847 года хивинскую крѣпость Джанъ-Калу, на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, и разсѣять хивинскія скопища; къ русскому отряду присоединились и киргизы со своимъ батыремъ Джанходжею Нурмухаммедовымъ, который, пока русскій отрядъ стрѣлялъ по Джанъ-Калѣ изъ орудій съ лѣваго берега Сыръ-Дарьи, переплылъ со своимъ киргизскимъ отрядомъ вплавь черезъ рѣку, ворвался въ крѣпость, произвелъ въ ней пожаръ, прогналъ хивинскій отрядъ, преслѣдовалъ со своими джигитами разбитыхъ хивинцевъ и отбилъ захваченный хивинцами у нашихъ киргизъ скоть, въ количествѣ 3 т. верблюдовъ, 500 лошадей, 2 т. рогатаго скота и 52 т. барановъ; помимо того въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ того же года были разсѣяны хивинскія скопища уже въ количествѣ 8 т. человѣкъ, совершившія набѣгъ, за Сыръ-Дарью, въ Кара-Кумы и дошедшія даже до горы Калмась; но своевременно принятыми мѣрами эти скопища, бывшія подъ начальствомъ тѣхъ же султановъ и хивинскихъ бековъ, не были допущены полковникомъ Ерофѣевымъ до р.р. Иргиза и Тургая, куда онѣ имѣли намѣреніе проникнуть, вѣроятно, чтобы отрѣзать немногочисленный Раимскій гарнизонъ отъ фортовъ Оренбургской линіи. Больше со стороны Хивы открытыхъ попытокъ помѣшать утвержденію русскаго господства на Сыръ-Дарѣ не было сдѣлано. Въ дѣлѣ подъ Джанъ-Калой русскіе встрѣтили въ батырѣ Джанходжѣ вѣрнаго союзника, который послѣ дѣла пожертвовалъ даже на продовольствіе Раимскаго гарнизона изъ своей добычи 100 барановъ. За содѣйствіе въ разбитіи и преслѣдованіи хивинцевъ, батыръ получилъ по Высочайшему повелѣнію чинъ есаула, при весьма лестномъ письмѣ отъ военнаго губернатора, въ которомъ онъ

названъ почетнѣйшимъ биемъ, батыремъ и пр., другіе киргизы изъ его приближенныхъ и сородичей за дѣло 21 августа были тоже награждены медалями, халатами и денежными подарками. Очевидно, что въ это время русскимъ удалось привлечь на свою сторону батыря, враждовавшаго съ хивинцами, послѣ убіенія послѣдними его старшаго брата Акмурзы, такъ что хивинскій ханъ писалъ даже въ 1844 году извѣстному Исету Кутебарову письмо, прося доставить ему живымъ или мертвымъ Джанходжу, разграбившаго хивинское укрѣпленіе на Куванъ-Дарьѣ, обѣщая облагодѣтельствовать за это весь Тлеукабакскій родъ, къ которому принадлежалъ Кутебаровъ, содѣйствіе батыря и сочувствіе его русскимъ, можетъ быть, и не было искренно и безкорыстно, но во всякомъ случаѣ въ то время гарнизонъ, весьма немногочисленный, заброшенный въ такую даль и, окруженный со всѣхъ сторонъ врагами и степями, могъ спокойно выполнить свою миссію, сразу вставъ въ хорошія отношенія съ мѣстнымъ туземнымъ населеніемъ, въ первые увидѣвшимъ у себя чужеземцевъ, пришедшихъ не съ цѣлью грабежа, а съ наилучшими намѣреніями—водворить, по волѣ своего могущественнаго государя, миръ и спокойствіе въ низовьяхъ древняго Яксарта; батырь, который на Сырѣ и въ Кара-Кумахъ былъ несомнѣнно очень вліятеленъ, принявъ сторону русскихъ, показалъ своимъ сородичамъ и соплеменникамъ примѣръ того, какъ нужно было отнестись къ русскому господству; это то мирное занятіе Сыра и расположеніе къ намъ батыря въ первое время было мнѣ, кажется, очень важно для нашихъ начальныхъ шаговъ въ новомъ краю: гарнизонъ и первые русскіе піонеры могли не опасаться противо-дѣйствія или враждебныхъ дѣйствій со стороны туземцевъ и сейчасъ же заняться изученіемъ края и всецѣло отдаться своей ближайшей задачѣ—наблюденію за дѣйствіями хивинцевъ и кобандцевъ и охраненію торговыхъ каравановъ отъ разныхъ хищниковъ. Эти добрыя отношенія для начала нашего поступательнаго движенія въ Ср. Азію очень знаменательны и служатъ лучшимъ доказательствомъ умѣнію русскихъ ладить съ

туземцами и заслуживать ихъ уваженіе и симпатіи. Чтобы воспользоваться добрымъ расположеніемъ къ намъ батыря и укрѣпить его дружбу, показавъ всѣмъ туземцамъ, что мы цѣнимъ ихъ преданность, онъ былъ назначенъ начальникомъ, т. е. управляющимъ всѣми киргизами, кочующими по правую сторону Сыръ-Дарьи, въ Кара-Кумахъ и Барсукахъ, какъ это видно изъ слѣдующей выписки изъ письма начальника Аральскаго укрѣпленія (фортъ на Раимѣ) подполковника Матвѣева командиру отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса 1848 года 9-го апрѣля: „я осмѣливаюсь полагать, что возведеніе бія Джанходжи въ званіе правителя здѣшной части орды и вслѣдствіе того назначеніе къ нему двухсотеннаго отряда были бы мѣрами благодѣтельными. Не назначая ему, какъ прочимъ управителямъ, постоянного мѣста пребыванія, можно бы настаивать черезъ начальника Раимскаго укрѣпленія, на пользу имѣть такое пребываніе при устьѣ рѣчки Казалы (рѣчка Казала вытекаетъ изъ Сыра и впадаетъ въ эту же рѣку, составляя бассейнъ озеръ Табанкуль, Анетей, Тальбугутъ, Раимъ, Джаналакъ до Аманаткуля), что отсюда верстахъ пятидесяти, противъ урочища Кара-Тюбе, выше Джанъ-Калы, версть 14, дабы такимъ образомъ наблюдать разомъ двѣ обычныя переправы хивинцевъ на Кара-Тюбе и у Джанъ-Кала, такъ какъ переправясь при послѣдней необходимо переѣзжать черезъ Казалу, именно близъ устья, не далѣе трехъ верствъ оттуда, а между тѣмъ этимъ обезпечить для укрѣпленія болѣе удобныя сѣновосомъ мѣста, какъ это можно судить, по произведенной съемкѣ“, подписалъ подполковникъ Матвѣевъ. На это послѣдовало предписаніе Оренбургскаго военнаго губернатора отъ 4 мая 1848 года за № 610: „вслѣдствіе тѣхъ свѣдѣній, какія сообщены мнѣ вашимъ высокоблагородіемъ отъ 9-го минувшаго апрѣля о батырѣ Кешкене-Чивлинскаго рода Есаулѣ Джанходжѣ Нурмухаммедовѣ я предложилъ вмѣстѣ съ симъ Оренбургской пограничной комисіи назначить его управляющимъ всѣми киргизами, кочующими по правую сторону рѣки Сыръ-Дарьи, въ Каракумѣ и пескахъ Барсукахъ, и вообще въ окрестно-

стяхъ укрѣпленія на Раимѣ, подобно тому и на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ управляетъ сотникъ султанъ Миргайдаръ Темировъ. Джагалбайлинскимъ родомъ и вмѣстѣ съ симъ опредѣлить батырю Джанходжѣ ежегодное содержаніе по двѣсти рублей серебромъ изъ штатныхъ суммъ комиссіи. Извѣщая о семъ ваше высочество, я предписываю выдачу этихъ денегъ, начавъ съ 1-го текущаго мая, производить батырю Джанходжѣ черезъ каждые полгода, изъ суммъ укрѣпленія, съ подлежащими росписками, взаимнѣ того пограничною комиссіей будетъ высылаемо ко мнѣ тоже количество денегъ, для приобщенія къ суммѣ, ассигнуемой на содержаніе укрѣпленія“. Подлинное подписалъ генераль отъ инфантеріи Обручевъ. Это было весьма тактично, со стороны военнаго губернатора, такъ какъ такимъ образомъ достигались двѣ цѣли: расположеніе батыря было закрѣплено за русскими и населеніе, привывшее видѣть въ его лицѣ своего авторитетнаго и вліятельнаго родовича, получало его отъ русскихъ какъ начальника; конечно предполагалось черезъ его вліаніе руководить ордынцами въ желательномъ направленіи. Однимъ словомъ батырь ничего не потерялъ съ приходомъ русскихъ и въ первое время между нимъ и киргизскими родами, кочевавшими здѣсь, съ одной стороны и русскими на Раимѣ съ другой стороны, установились наилучшія отношенія.

II.

Въ дѣлѣ подѣ Джанъ-Калой въ 1847 году мы первый разъ встрѣчались съ батыремъ Джанходжею, являющимся съ самаго начала въ роли союзника нашего противъ общаго врага Хивы, мы объ этомъ эпизодѣ потому и упомянули въ самомъ началѣ, чтобы показать, при какихъ обстоятельствахъ пришлось русскимъ познакомиться съ интересующею насъ личностью. Но прежде чѣмъ перейти къ передачѣ тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя удалось собрать объ этомъ вліятельномъ киргизѣ, я долженъ объяснить, откуда я ихъ почерпнулъ. Удалось мнѣ

собрать ихъ изъ двухъ источниковъ: первый, это архивъ комендантскаго управленія форта № 1-го, что теперь городъ Казалинскъ, въ которомъ оказались свѣдѣнія, имѣющія отношенія до разныхъ событій, въ которыхъ игралъ роль батырь, хотя отрывочныя, но проливающія нѣкоторый свѣтъ на дѣятельность батыря и его отношенія къ начальству; ими я обязанъ любезности Казалинскаго военнаго начальника подполковника И. М. Иванова, съ полною готовностью разрѣшившаго мнѣ воспользоваться архивомъ, за что я считаю своею пріятною обязанностью принести ему мою глубокую искреннюю признательность; второй источникъ — это устные рассказы, пересказы и воспоминанія изъ жизни батыря, которыя хотя и носятъ подчасъ фантастическій характеръ, но довольно интересно очерчиваютъ личность батыря; почерпнуть мнѣ ихъ удалось отъ стараго батыря Изетлеу Байджанова, сподвижника Джанходжи, ходившаго съ нимъ подъ Сузакъ, принимавшаго участіе въ дѣлѣ 21 августа 1847 года подъ Джанъ-Калой и бывшаго въ числѣ киргизъ, въ составѣ русскаго отряда при взятіи въ 1850 г. кокандскаго укрѣпленія Косъ - Курганъ (нынѣ фортъ № 2) и затѣмъ раненнаго подъ Арыкъ-Балыкомъ въ 1857 году при усмиреніи бунта Джанходжи, въ которомъ онъ принималъ участіе, теперь мирно проживающаго въ своемъ аулѣ на Джанъ-Арыкъ пика, всегда воткнутая въ землю у его кибитки, служить послѣднимъ воспоминаніемъ о былой удалой жизни“; затѣмъ отъ одной изъ женъ Джанходжи, находящейся еще въ—живыхъ и проживающей у Джумабая, сына Бека, близкаго родственника батыря, наконецъ отъ его ближайшихъ родныхъ и сородичей, среди которыхъ сохранилось о немъ много рассказовъ и воспоминаній,—соединенію всѣхъ ихъ въ одно содѣйствовалъ мнѣ джирау ¹⁾ Муса-бай, подъ—отдѣленія Майданъ, сородичъ батыря; немогу еще не упомянуть объ одномъ лицѣ, знавшемъ и видѣвшемъ батыря, это Казалин-

¹⁾ *جر او*—пѣвецъ на двухструнномъ инструментѣ въ родѣ балалайки (домбра).

скій купецъ И. И. Ивановъ, мѣстный старожилъ, степнякъ, прекрасно владѣющій киргизскимъ языкомъ, захваченный во время бунта Джанходжи въ плѣнъ, но своевременно освобожденный; отъ него мнѣ тоже удалось кое что почерпнуть. Неудивительно, что мнѣ пришлось натѣнуться на интересующую насъ личность батыря,—она до сихъ поръ еще пользуется среди киргизъ на Сырѣ такою извѣстностью, что рассказы о ней приходится слышать постоянно и, едва ли найдется кибитка, въ которой не знаютъ имени этого мѣстнаго героя, умершаго уже около 50 лѣтъ тому назадъ.

Необходимо прежде всего познакомиться нѣсколько съ родословною батыря.

Киргизы, кочующіе на Сырѣ и Куванѣ, а также въ Кара-Кумахъ, принадлежатъ главнымъ образомъ къ двумъ поколѣніямъ малой орды: Алимъ и Чумекей, существуютъ обрывки и другихъ поколѣній, но главная масса принадлежитъ къ выше-названнымъ двумъ. Батырь былъ изъ поколѣнія Алимъ, отъ котораго пошли роды: кара-гисекъ, чигеты, тюртъ-кара и кара-сакаль; батырь былъ изъ рода чигеты (чигелинцы), родословная его слѣдующая: чигеты

1. Орусъ, 2. Джанъаимъ 3. Джанглышъ
Исенали
Кешкенә

1. Дженә, 2. Джульчара, 3. Курманай, 4. Куттукъ, 5. Уйсюнъ, 6. Ассанъ

Майданъ
Куль джаманъ
Киекбай
1, Нурумбетъ, 2, Утегенъ
Биебаули
Кулбарарагъ

1. Акмурза, 2. Джанходжа, 3. Джаугачаръ 4. Бекъ
Итчемисъ

Недалеко отъ города Казалинска, верстахъ 15—20, среди озера Кара-Куль находится песчаный бугоръ, на которомъ стоятъ мазарки, по имени Утегень и Нурумбетъ, гдѣ находятся могилы ближайшихъ сородичей батыря, нѣтъ только могилъ: его, такъ какъ она находится въ Кизиль-Кумахъ, по дорогѣ въ Даукару, недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ былъ убитъ, вблизи Аральскаго моря, Джаугачара, убитаго во время какой то баранты, Аемурзы, брошеннаго хивинцами въ Дарью и Бикбаули, по имени котораго названа вторая станція отъ города, по Орско-Казалинскому почтовому тракту, отравленнаго въ Хивѣ, по приказанію хана ¹⁾; отецъ Нурумбета и Утегена-Кіикбай, погребенъ въ другомъ мѣстѣ и по его имени зовется довольно большая мѣстность, верстахъ 10—15 отъ города, по дорогѣ въ Кара-Кумы. Всѣ чиклинцы назывались въ официальныхъ бумагахъ того времени Кешкенэ-Чикты, въ отличіе отъ другихъ чиклинцевъ Джакаимы и Джанглышъ. Сынъ батыря, еще находящійся въ—живыхъ, тоже называемый батыремъ, Итчемись, 80-ти лѣтній старикъ, кочуетъ на мѣстности Авгирекъ и въ Кара-Кумахъ, не имѣетъ большаго состоянія, но пользуется большимъ почетомъ среди всѣхъ киргизъ, у него есть потомство отъ нѣсколькихъ женъ; въ память своего отца заплетаетъ въ косичку свою сѣдую бороду. Покончимъ съ родословною и потомствомъ батыря и перейдемъ теперь къ тому, что намъ удалось о немъ узнать.

III.

О томъ, что Джанходжа былъ въ то время, когда былъ занятъ Раймъ самымъ вліятельнымъ лицомъ на Сырѣ и какимъ образомъ русское начальство воспользовалось этимъ, было сказано раньше. Интересно при этомъ отмѣтить, на сколько начальство старалось быть съ нимъ осторожнымъ, такъ напр.

---

¹⁾ Впрочемъ и его прахъ недавно, кажется, перевезенъ изъ Хивы, къ мазаркамъ его отца и дяди.

когда онъ получилъ чинъ Есаула, то долженъ былъ быть по закону приведенъ къ присягѣ, но изъ возникшей по этому поводу переписки видно, что комендантъ не рѣшался привести въ исполненіе эту церемонію, для чего надо было бы вызывать батыря въ фортъ, боясь этимъ раздражить и задѣть религиозное чувство его, такъ онъ и не былъ приведенъ къ присягѣ и присяжный листъ, не подписанный до сихъ поръ, сохранился въ дѣлахъ бывшаго Раимскаго укрѣпленія. Станнымъ является однако поведеніе батыря, хотя бы въ томъ отношеніи, что онъ не показывался въ фортъ за полученіемъ жалованья, и изъ переписки, возникшей по этому поводу, видно, что разъ только комендантъ выдалъ его сыну Итчемису 100 р., дальнѣйшая же выдача была запрещена изъ Оренбурга, если батырь самъ не пріѣдетъ за деньгами; послѣдній однако въ одномъ своемъ рапортѣ коменданту просить его оставить деньги у себя, такъ какъ онъ, благодаря многочисленнымъ жалобамъ и распрямъ между киргизами не имѣетъ времени пріѣхать въ фортъ за деньгами, „пускай же онѣ хранятся пока въ вашихъ рукахъ“; изъ дальнѣйшей переписки видно, что жалованья скопилось около 600 рублей и комендантъ запрашивалъ, какъ ему быть съ деньгами ввиду того, что батырь не пріѣзжаетъ за ними. Какая на это послѣдовала резолюція высшаго начальства, въ Оренбургѣ не удалось найти. Изъ всей переписки по управленію киргизами въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ видно, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ сотникъ Бемурза Альдѣевъ, родственникъ батыря, управлявшій отъ его имени. Не можетъ быть, чтобы коменданту форта не было объ этомъ извѣстно; объяснить это можно очевидно тѣмъ, что батырь былъ настолько вліятельною личностью, что трогать его и беспокоить не считали удобнымъ, а смотрѣли сквозь пальцы на его странное поведеніе; подтверженіемъ этому можетъ служить слѣдующій фактъ: какъ то въ Оренбургѣ стало извѣстно, уже при графѣ Перовскомъ, что хивинскій ханъ посылаетъ на Сыръ, въ кочевымъ біямъ и вліятельнымъ лицамъ, между прочимъ и къ батырю, тайно письма; въ одномъ, обращенномъ къ батырю,

онъ напоминаетъ, что они всѣ—мусульмане, братья, что старыя обиды надо забыть, что мусульмане должны помогать другъ другу противъ невѣрныхъ, что онъ по этому надѣется на батыря, что онъ своимъ вліяніемъ поможетъ ему, хану, выгнать русскихъ изъ Райма и съ Сыра и т. д. Письмо было послано съ какимъ-то киргизомъ Изетлеу и по свѣдѣніямъ дошло до батыря; ввиду этого Оренбургскій генераль-губернаторъ графъ Перовскій, предписывая коменданту познакомиться съ содержаніемъ письма черезъ лазутчиковъ и о томъ впечатлѣніи, какое оно произвело на настроеніе духа батыря, строго рекомендуетъ при этомъ сдѣлать это тайно, чтобы не навлечь подозрѣнія со стороны батыря, будто русское начальство сомнѣвается въ его преданности; вотъ подлинныя слова графа Перовскаго: „пока слѣдуетъ ласкать и не раздражать батыря, онъ намъ еще нуженъ“.

Затѣмъ officialный матеріалъ не даетъ болѣе никакихъ интересныхъ свѣдѣній, проливающихъ свѣтъ на отношенія батыря къ русскому начальству; есть нѣкоторыя указанія, относящіяся къ 1850—1851 гг., что набѣгъ, совершенный кокандцами на урочище Казалу, гдѣ кочевали кешкене-чиклинцы, подъ начальствомъ батыря Бухарбая, при чемъ угнано было 555 верблюдовъ, 934 лошади, 139 коровъ, 20800 барановъ, а увезено имущества всего на сумму 40352 руб., вызвавшій движеніе русскаго отряда, для преслѣдованія хищниковъ, къ Косью-Кургану въ 1850 г. разгромъ этой крѣпости, взятіе въ плѣнъ начальника ея Мурза Райма и нѣсколькихъ кокандцевъ, былъ совершенъ Бухарбаемъ, въ отмщеніе, за убійство, во время набѣга, нашихъ такъ называемыхъ мирныхъ киргизъ, подъ начальствомъ Итчемиса и Джаугачара,—одного родственника названнаго выше Бухарбая батыря Байкадама; къ этому заключенію можно прійти, если сопоставить устные рассказы, повѣствующие, что Байкадамъ былъ дѣйствительно убитъ батыремъ или его сородичами, съ однимъ очень интереснымъ письмомъ бывшаго начальника крѣпости Аъ-Мечеть вполсѣдствіи эмира кашгарскаго, извѣстнаго Якубъ-Бека, къ коменданту Раймскаго

укрѣпленія, по поводу этого набѣга, которое удалось намъ найти въ архивѣ; вотъ переводъ его: письмо кокандскаго бека крѣпости Акъ-Мечеть, препровожденнаго при рапортѣ завѣдывающаго Раимскимъ (Аральскимъ) укрѣпленіемъ Оренбургскому военному губернатору и командиру Отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, отъ 9-го апрѣля 1851 г. за № 979 „начальнику Раимскаго укрѣпленія. Отвѣчаю вамъ на письмо ваше, которое отправили къ правителю города Ташкента и которое вмѣстѣ съ послемъ попало въ мои руки. Въ письмѣ этомъ вы говорите, что къ батырю Бухарбаю присоединились 10 человекъ Акъ-Мечетскихъ кокандцевъ, съ 400 киргизовъ ограбили киргизовъ чиклинскаго рода, угнавъ при этомъ столько-то скота и увезя столько-то имущества. Сами же вы не постигаете, какъ противозаконны ваши поступки; ибо сперва грѣхъ произошелъ отъ вашихъ же чиклинскихъ киргизъ, которые, пришедъ во владѣніе ваше, разграбили мирныхъ нашихъ киргизъ, угнали скотъ и увезли имущество, убивъ при этомъ батыря Байкадама, извѣстнаго четыремъ владѣніямъ: Русскому, Бухарскому, Кокандскому и Хивинскому, человека благонамѣреннаго. Не вытерпя такихъ неспріязненныхъ поступковъ, батырь Бухарбай, изъ среды семейства батыря Байкадама, вооружась, отправился къ чиклинцамъ, взялъ ихъ скотъ и имущество и жестоко наказалъ самихъ; вы же, вмѣшавшись во вражду двухъ хищниковъ-киргизовъ, нарушили дружбу кокандскаго хана съ русскимъ господствомъ, заняли крѣпость нашу Косъ-Курганъ, убили нашихъ людей и взяли самого начальника ея Мурзу Раима Алимова въ плѣнъ. Развѣ это несамовольство? но я, не смотря, на не добрые ваши поступки и дѣйствія, не довелъ еще объ этомъ до свѣдѣнія нашего хана и равно вашего государя, опасаясь, чтобы между ними не случилась какая-нибудь вражда, которая еще до сего времени не происходила. Что же касается до этихъ двухъ враждующихъ хищниковъ, которые, убивъ другъ друга, ведутъ между собою грабительства, то мы совершенно къ нимъ не прикосновенны. Не нарушайте правъ двухъ владѣтелей, обдумайте о поступкахъ своихъ,

освободите начальника нашего Мурзу Раима Алимова, напишите съ посломъ обязательное письмо, что вы не будете дѣлать намъ непріятности; въ противномъ случаѣ также не оставьте дать знать о враждѣ своей съ кокандами, о которой я обязанъ довести до свѣдѣнія своего хана и просить отвѣта. Какая же будетъ послѣ того воля Всевышняго Бога, увидимъ“. 1268 года отъ Гиджры 6-го дня Реби-эль-Ахаръ¹⁾ начальникъ вѣрности Акъ-Мечеть Якубъ бекъ Мухаммедъ Ляшиновъ, печать приложилъ. Перевелъ переводчикъ Хорунжій Шариповъ, башкирскаго войска. Настоящее письмо доставлено въ фортъ Раимъ киргизомъ Тюртъ каринскаго рода Докэ Кузеровымъ, захваченнымъ въ 40 верстахъ отъ Акъ-Мечети съ письмомъ Раимскаго коменданта къ правителю г. Ташвента и представленнымъ Якубъ-Беку. Письмо получено на Раимѣ 4-го апрѣля 1852 года. Затѣмъ около того же времени, т. е. начала 50-хъ годовъ, есть указаніе на то, что батырь или бій, управлявшіе отъ его имени, притѣсняли киргизъ отдѣленія Джакаимъ, бій которыхъ жаловались на отнятіе у нихъ арыковъ, около озера Камышь-Лабашъ; чѣмъ дѣло кончилось, неизвѣстно, но тянулось оно до 1853 года. Затѣмъ какъ вообще управлялъ батырь ввѣреннымъ ему населеніемъ, какъ и чѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе начальства—выяснить не удалось, но въ концѣ концовъ изъ официальныхъ свѣдѣній мы узнаемъ, что въ 1853 году батырь былъ лишенъ званія есаула за неповиновеніе и очевидно не былъ уже начальникомъ киргизъ, которые перешли въ завѣдываніе сначала офицера башкирскаго войска, а затѣмъ особаго чиновника Оренбургской пограничной комиссіи. Вѣроятно вліяніемъ и положеніемъ батыря, уже тогда бывшаго въ преклонномъ возрастѣ, злоупотребляли его приближенные и этимъ ставили его въ неловкое положеніе передъ русскимъ начальствомъ, вслѣдствіе чего возникали недоразумѣнія и непріятности, возбудившія въ батырѣ чувства неудовольствія, а можетъ быть и сожалѣнія

¹⁾ Соответствуетъ 30 янв. 1852 г. по нов. ст. (Н. Катановъ).

о томъ, что онъ покорился русскимъ и что болѣе не господинъ на Сырѣ. При этомъ надо полагать, что агенты хивинскаго хана, разсылаемые въ киргизскія кочевья по рр. Сыру, Эмбѣ, Илеку, Уралу, Иргизу и Тургаю не дремали и при всякомъ удобномъ случаѣ старались разжечь религіозный фанатизмъ киргизъ, ихъ бievъ и другихъ вліятельныхъ лицъ, чему примѣромъ можетъ служить письмо хана къ батырю, котораго общій смыслъ былъ приведенъ выше. Можетъ быть этимъ отчасти можно объяснить бунтъ батыря въ 1857 году, къ которому мы и перейдемъ, такъ какъ болѣе никакихъ официальныхъ свѣдѣній о батырѣ за періодъ времени отъ 1853 до 1857 не удалось найти. Надо думать, что, впадъ въ немилость начальства, батырь никакой дѣятельной роли не игралъ, тѣмъ болѣе, что за это время была взята Акъ-Мечеть, очищены хивинцами ихъ укрѣпленія на Куванъ-Дарьѣ, образована Сыръ-Дарьинская линія, перенесенъ фортъ изъ Раима, на урочище Казалу, — словомъ русская власть установилась настолько прочно, что болѣе не нуждалась въ такихъ лицахъ, какъ батырь, который при новомъ порядкѣ вещей терялъ вѣроятно почву подъ ногами и не могъ уже быть полезенъ начальству. О такъ называемомъ Джанходжинскомъ бунтѣ мы узнаемъ слѣдующія подробности: между прочимъ въ свѣдѣніяхъ, данныхъ о фортѣ № 1 комендантомъ его предсѣдателю особой коммисіи для обозрѣнія киргизской степи Гирсу въ 1866 году есть краткая записка объ этомъ событіи. Въ то время Аральское укрѣпленіе было уже упразднено и фортъ переведенъ въ 1853 году по распоряженію графа Перовскаго выше по Сыру на урочище Казалу, гдѣ рѣчкою-протокомъ (бугуть) Казалвою Сыръ соединяется съ нѣсколькими озерами Таманкуль и др. Здѣсь представлялось болѣе удобныхъ мѣстъ для сѣнокошенія и земледѣлія поселеннымъ при фортѣ казакамъ Оренбургскаго войска и гарнизонъ вслѣдствіе этого былъ болѣе обезпеченъ кормами и продовольствіемъ; при устьѣ Казалки еще въ 1850 г. былъ устроенъ казачій форпостъ, для наблю-

денія за главною переправою бухарскихъ и хивинскихъ каравановъ,—Кара-Тюбе.

О бунтѣ записка говоритъ слѣдующее „въ 1856 году между кочующими туземцами было возмущеніе, въ которомъ былъ участникомъ и возмутителемъ есауль Джанходжа Нурмухаммедовъ, который, собравъ довольно значительное скопище приверженцевъ, сначала дѣйствовалъ на своихъ однородцевъ, которые не желали участвовать съ нимъ, дѣлая между ними грабежи и мѣрами этими много присоединилъ къ своему скопищу; потомъ 18 декабря того же года, его приверженцами были захвачены три вооруженныхъ казака Обертышевы, ѣздившіе за сѣномъ. Этимъ случаемъ воспользовались приверженцы Джанходжи, захватили ихъ со всѣмъ скотомъ, увезли и по распоряженію батыря всѣхъ трехъ убили, какъ впоследствии обнаружилось. 24 декабря того же года вскорѣ послѣ захвата поселянъ сдѣлана батыремъ Джанходжею еще попытка нападенія около форта; на команду рабочихъ батырь, посланныхъ за сѣномъ подъ прикрытіемъ пѣхоты и когда завязалась съ нимъ перестрѣлка, то въ тоже время высланною изъ форта командою мятежники были разбиты; затѣмъ внизъ по Сыру, отъ форта сожжено, какъ казенное, такъ и поселенныхъ казаковъ и частныхъ лицъ сѣна. О всѣхъ этихъ случаяхъ и принятыхъ мѣрахъ было доведено до свѣдѣнія командующаго Сыръ-Дарьинской ливіей генераль-маіора барова Фитингофа, который 3 января 1857 года прибылъ съ отрядомъ изъ форта Перовскій въ фортъ № 1, но, не доходя еще до форта, встрѣтилъ приближавшееся къ форту съ Оренбургскаго тракта значительное скопище батыря Джанходжи, которое шедшимъ отрядомъ подъ командою маіора Булатова и начальника Аральской флотиліи капитана 1-го ранга Бутакова къ форту недопущено; ночью того же числа приверженцы батыря по неудавшейся имъ попыткѣ сдѣлать нападеніе сожгли принадлежащее форту казенное сѣно, заготовленное вверхъ по Сыру, оставшееся еще непривезеннымъ и, наконецъ, 10 января генераль-маіоръ баронъ Фитингофъ съ отрядомъ, встрѣтивъ скопище

батыря при урочищѣ Арыкъ-Балыкъ, совершенно разбилъ его;— Джанходжа бѣжалъ съ приверженцами, а послѣ этого баронъ Фитингофъ, участвовавшихъ въ скопищѣ мятежнаго есаула наказалъ и съ того времени въ районѣ форта № 1-го между киргизами никакихъ возмущеній не было“.

Изъ дальнѣйшихъ официальныхъ свѣдѣній видно, что бунтъ батыря былъ задуманъ совмѣстно или по крайней мѣрѣ съ вѣдома Хивы и извѣстнаго батыря Оренбургской степи Исета Кутебарова, такъ— послѣ разсѣянія генералъ маіоромъ барономъ Фитингофомъ скопищѣ Джанходжи, у бывшей хивинской крѣпости Ходжа-Ніязъ, на Куванъ-Дарьѣ появился отрядъ хивинцевъ въ 250 человекъ, удалившійся однако тотчасъ по требованію русскихъ властей, а съ другой стороны ожидалось движеніе Исета Кутебарова въ Барсуки для возмущенія кочевавшихъ тамъ киргизъ. Подъ Арыкъ-Балыкомъ 9—10 января 1857 года скопище батыря состояло изъ 3 т. человекъ и бѣлый значекъ во время дѣла онъ держалъ самъ; потери русскихъ были незначительны; отрядъ барона Фитингофа состоялъ изъ 300 человекъ казаковъ, 320 человекъ пѣхоты, 3 орудій и 3 ракетныхъ станковъ; отрядъ преслѣдовалъ батыря въ Кизиль-Кумы, почти до колодцевъ „Каска“, но онъ успѣлъ бѣжать сначала въ глубь Кизиль-Кумовъ, къ Буканскимъ горамъ, а оттуда на Даукару, въ хивинскія владѣнія, откуда посылалъ своего сына Итчемиса на свиданіе съ Исетомъ Кутебаровымъ и обращался къ хивинскому хану съ просьбою дать ему хивинскихъ киргизъ, каравалпаковъ и туремень, чтобы взять Казалу, но ханъ отказалъ, такъ какъ былъ въ то время занятъ войною съ туремениами и самъ просилъ помощи у батыря Исета Кутебарова, который и далъ ему 900 своихъ киргизъ. Такъ какъ въ дѣлахъ архива кромѣ этихъ свѣдѣній о бунтѣ ничего не удалось найти, то официальнаго объясненія причинъ бунта къ сожалѣнію нельзя имѣть, а потому придется искать разясненія въ циркулирующихъ по этому поводу разсказахъ среди киргизъ и мѣстныхъ старожилловъ.

Изъ официальныхъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ ба-

тыря удалось встрѣтить только переписку, возникшую по поводу запроса коменданту форта № 1-го, сдѣланнаго въ 1860 году командующимъ Сыръ-Дарьинской линіей генераль-лейтенантомъ Деау, о пребываніи семьи и одноаульцевъ убитаго батыря, послѣ нападенія на его ауль отряда полковника султана Илевѣя Касимова; на этомъ запросѣ послѣдовалъ отвѣтъ, что всѣ эти лица кочуютъ на урочищѣ Бекъ-Тау, около Аральскаго моря. Объ обстоятельствахъ смерти батыря официальныхъ данныхъ не оказалось, въ архивѣ. Удалось только узнать, что въ 1859 году, когда фортъ № 1 былъ посѣщенъ тогдашнимъ Оренбургскимъ генераль-губернаторомъ генераль-адъютантомъ Катенинымъ, по случаю пріѣзда котораго была устроена большая байга (скачки), всѣ участники таеъ называемаго Джанходжинскаго бунта получили прощеніе; въ томъ же году былъ прощенъ и Исетъ Кутебаровъ, явившійся лично съ покорностью къ генераль-адъютанту Катенину, на р. Эмбѣ.

IV.

На этомъ всѣ официальные источники о личности батыря, какія удалось собрать, прекращаются, и теперь обратимся къ устнымъ рассказамъ, въ которыхъ надо, конечно, отдѣлать истину отъ обыкновенныхъ и присущихъ имъ прикрасъ и прибавленій. Батырь Джанходжа, одинъ изъ послѣднихъ степныхъ героевъ, пользовавшійся между киргизами малой орды огромнымъ авторитетомъ, ласкаемый и уважаемый русскимъ начальствомъ, бывшій вслѣдствіе этого предметомъ ухаживаній со стороны хивинскаго хана, затѣмъ имѣвшій смѣлость поднять знамя бунта противъ несокрушимыхъ войскъ Бѣлаго Царя, естественно пользуется между своими сородичами и соплеменниками славою слишкомъ, конечно, преувеличенною, а потому нѣкоторые рассказы о немъ носятъ почти фантастическій характеръ; тѣмъ не менѣе изъ нихъ можно вынести извѣстное впечатлѣніе о личности батыря, особенно при сопоставленіи ихъ съ русскими официальными данными.

Джанходжа, сынъ батыря Нурумбета (Нурмухаммедъ), кочевавшаго по Сыру, Кара-Кумамъ, Иргизу и Илеку, родившагося отъ Кикбая и жены его Тажэ, рода Тама, сестры Исета батыря; имѣлъ матерью женщину изъ племени кара-калпакъ, жившихъ прежде на Яны-Дарьѣ; рассказываютъ, будто еще ребенкомъ въ люлькѣ, онъ обладалъ большою силою, а когда ему минуло 15 лѣтъ, мы узнаемъ, что онъ выказываетъ силу, храбрость и рѣшительность, не свойственную его возрасту. Онъ жестоко наказываетъ правившаго тогда киргизами на Сырѣ батыря Клышбая за то, что братъ его отобралъ у его близкаго родственника Исенбека верблюда и лошадь; Джанходжа вступался за родственника и ударяетъ Клышбая айбалтой (боевой топорикъ на длинной рукояткѣ), такъ что тотъ падаетъ безъ памяти; отецъ Джанходжи, узнавъ объ этомъ, разсердился на него за то, что онъ осмѣлился поднять руку на старшаго, и хотѣлъ его наказать, но самъ батырь Клышбай удержалъ его и приказалъ не трогать Джанходжу, такъ какъ чувствовалъ себя дѣйствительно виновнымъ; съ этого то времени Джанходжа былъ прозванъ батыремъ и всѣ киргизы, признавъ его своимъ главою, должны были ему подчиниться. Этотъ эпизодъ служить какъ бы вступленіемъ батыря въ жизнь степнаго героя. Послѣ этого мы узнаемъ, что Джанходжа уже 18-ти лѣтъ вступаетъ въ борьбу, съ жившими въ то время на Яны-Дарьѣ кара-калпаками, нападаетъ на нихъ, убиваетъ ихъ главнаго батыря Тойба и разбиваетъ нѣсколько ихъ „калъ“ (городковъ) Джаманбійскій, Урунбійскій и др., мстя за набѣги каракалпаковъ на киргизъ; послѣдствіемъ нападенія Джанходжи на этихъ кара-калпаковъ было будто бы удаленіе ихъ съ Яны-Дарьи въ хивинскія предѣлы, на Даукару. Далѣе мы встрѣчаемъ батыря вмѣстѣ съ султаномъ Кенисарою Касимовымъ, ханомъ киргизъ Средней орды, подъ Сузакомъ; по всей вѣроятности этотъ эпизодъ можно приурочить къ набѣгу Кенисары на Сузакъ, въ концѣ 30-хъ годовъ, въ отмщеніе за убіеніе отца его Касима хана и братьевъ Сарыджана и Исенгельды; послѣ этого похода Кенисары, устройвъ „ась“ (по-

минки по отцу), пригласилъ многихъ почетныхъ и родовитыхъ киргизъ Большой, Средней и Малой орды, т. е. всей Алаши, и былъ ими „поднятъ ханомъ“. Во время этого похода на Сузакъ, батырь ѳздилъ въ г. Туркестанъ, помолиться у могилы Султана Хезрета Ясави, весьма чтимаго киргизами святого ¹⁾, и принималъ „селямъ“ отъ кочевавшихъ около Туркестана киргизъ. Джанходжа отправился со многими своими батырями и джигитами въ Сузакъ по просьбѣ Кенисары, который желая наказать Кокандцевъ, прислалъ ему письмо, прося собрать изъ Малой орды помощь; батырь, взявъ изъ алимовъ и чумекейцевъ 100 батырей и джигитовъ, сколько могъ собрать, пошелъ съ ними къ Сузаку; послѣ его взятія Джанходжа со своими батырями взялъ крѣпость Сауранъ и затѣмъ поѣхалъ въ Хазретъ Туркестанъ, по дорогѣ оттуда онъ принялъ селямъ отъ бѣя киргизъ рода „Тама“—Курманби; этотъ бѣй просилъ батыря помочь ему отмстить кокандцамъ за убіеніе его единственнаго сына, такъ какъ у него для этого не хватало силы, батырь помогъ ему, напалъ на кокандцевъ и отмстилъ за смерть бѣя; послѣ этого онъ простился съ Кенисарой, прося его на прощаніе не обижать простыхъ киргизъ и ихъ не беспокоить, за тѣмъ уѣхалъ назадъ къ себѣ, на Сырь.—Вѣроятно въ этомъ разсказѣ народная молва желаетъ видѣть борьбу батыря съ кокандцами, грабившими киргизъ, кочевавшихъ по нижнему теченію Сыра.

Но не всегда батырь жилъ въ согласіи и дружбѣ съ киргизами Средней орды; по разсказамъ еще до этого похода при жизни его отца Нурмухаммеда, онъ принималъ участіе въ набѣгѣ на киргизъ родовъ Аргынъ и Кипчакъ; эти два сильные рода Средней орды обижали кочевавшихъ около Джармуллы (г. Иргизъ) киргизъ Малой орды; въ этомъ набѣгѣ Джанходжа по вызову батыря противной стороны вышелъ изъ рядовъ „Алаши“, сразился и убилъ нѣсколькихъ соперниковъ,

¹⁾ Умеръ въ Ясы 1162 года. [Н. Катановъ].

противники обратились въ бѣгство, а побѣдители, вернувъ себѣ ограбленный у нихъ скоть, возвратились въ свои аулы псѣ добычей, которую батырь роздалъ старикамъ и бѣднымъ, принявъ за это „пату“ (благословеніе).

Но самымъ смертельнымъ врагомъ батыря стали хивинцы; подчинивъ себѣ киргизъ по лѣвую сторону Сыра, собирали съ нихъ въ пользу хана зякетъ и усуръ, притѣсняли ихъ, насилывали женщинъ и кромѣ того требовали съ каждой кибитки барана-иноходца, назначали сердарей и биевъ и построили нѣсколько крѣпостей. Въ это время самъ батырь лѣтоваль въ Кара-Кумахъ; зимоваль на Илекѣ, а на Сырѣ оставался его старшій братъ Акмурза, аулъ котораго кочеваль на мѣстности Алайгиръ. Киргизы на причиняемыя имъ притѣсненія стали жаловаться батырю. Бывшій въ то время отъ Хивы бекомъ Уваисбай, узнавъ объ этомъ и боясь батыря, просилъ хана Алла-Кули прислать ему помощь, послѣдній прислалъ турменскаго батыря Аймухаммеда съ другими батырями и войскомъ; какъ только Аймухаммедъ пріѣхаль, Уваисбай, чтобы утратить киргизъ и наказать Акмурзу, договорившаго своихъ сородичей, не платить хану подати и просить помощи у Джанходжи, велѣлъ Акмурзу схватить, умертвить и бросить въ Дарью. Вслѣдъ за этимъ Уваисбай уѣхаль въ Хиву, а вмѣсто него былъ присланъ бекомъ Бабаджанъ, приказавшій Аймухаммеду строго наказать киргизъ за ослушаніе ханской волѣ, сдѣлать на нихъ набѣгъ, а батыря Джанходжу схватить и убить. Аймухаммедъ со своими батырями и джигитами поѣхаль разыскивать Джанходжу, они встрѣтились на рѣкѣ Иргизѣ. Джигиты киргизскаго батыря сначала было оробѣли, но онъ, чтобы показать имъ примѣръ, первый бросился на Аймухаммеда, свалилъ его пикой съ лошади и сразилъ, послѣ чего хивинцы бѣжали; батырь ихъ преслѣдовалъ, пріѣхаль на Сыръ, поднялъ всѣхъ киргизъ и, напавъ на городъ Бабаджана, разгромилъ его, а самого Бабаджана съ сыномъ Карабекомъ убилъ въ отмщеніе за убіеніе Акмурзы. Несмотря однако на все это, хивинцы вернулись на лѣвый берегъ Сыра,

а ханомъ надъ киргизами былъ поставленъ султанъ Джангазы, который, поселившись въ Джанъ-Калъ, собиралъ съ киргизъ закеть, пока не пришли русскіе и вмѣстѣ съ батыремъ не прогнали хивинцевъ на этотъ разъ уже навсегда съ Сыра.

За тѣмъ всѣ рассказы о батырѣ заключаютъ въ себѣ примѣры его безкорыстія и не расположенія къ русскимъ, отъ которыхъ онъ не хотѣлъ даже принимать обычныхъ для почетныхъ киргизъ подарковъ. Народная молва говоритъ, что, хотя батырь и помогъ русскимъ взять Джанъ-Калу, но онъ все-таки не полюбилъ ихъ, не хотѣлъ брать отъ нихъ награды и не могъ даже видѣть русскаго. Самымъ характернымъ рассказомъ для этого можетъ служить слѣдующій случай: батырь всегда ѣздилъ въ сопровожденіи одного извѣстнаго въ то время на Сырѣ пира (святоша) Саюкена, ненавидѣвшаго кяфировъ, они гдѣ то наѣхали на слѣдъ отъ колесъ, кромѣ русскихъ на колесахъ въ то время въ степи никто не ѣздилъ; батырь съ пиромъ остановились и пиръ, обратившись къ окружающимъ, сказалъ: кейнъ кейтындыръ, орусинъ джолынъ аттамайминъ ¹⁾ (прочъ убирайтесь, черезъ русскую дорогу я не поѣду) и только тогда рѣшились съ батыремъ переѣхать черезъ этотъ слѣдъ, когда увидѣли, что колеснаго пути имъ никакъ необѣхать, и то пиръ велѣлъ завязать себѣ глаза. Что же касается возмущенія, поднятаго батыремъ, то молва говоритъ объ этомъ такъ. Хивинскій ханъ не переставалъ даже послѣ взятія Агъ-Мечети, подстрекать киргизъ противъ русскихъ, для чего присылалъ разнымъ вліятельнымъ на Сырѣ біямъ подарки: ножи, халаты, аргамаковъ, стараясь привлечь ихъ на свою сторону и повліять на ихъ чувство—мусульманъ. Наконецъ ему удалось этого достигъ, будто отчасти отъ того, что башкирскіе офицеры, завѣдывавшіе киргизскимъ населеніемъ, вымогали несправедливо съ киргизъ подати, больше чѣмъ слѣдовало, и позволяли себѣ часто соблазнять киргизскихъ дѣвушекъ; къ тому же,

¹⁾ کین کیتونکدار اوروس جولین آتتامایمین [Н. Катановъ].

какъ то при постройкахъ въ фортѣ № 1, солдаты шутя спихнули трехъ киргизъ въ печь, гдѣ обжигался кирпичъ, киргизы погибли; когда объ этомъ узналъ батырь, не стерпѣло его сердце и онъ сказалъ киргизамъ, что, такъ какъ они всѣ просятъ его подняться противъ русскихъ и прогнать ихъ съ Сыра, то онъ на старости лѣтъ готовъ послужить мусульманамъ и согласенъ поднять знамя противъ невѣрныхъ. По рассказамъ вышло однако, что поднялись не всѣ киргизы, на которыхъ рассчитывали и батыри поплатились за свое безуміе, сражаться съ русскими. Какъ извѣстно батырь былъ разбитъ, подъ нимъ была убита лошадь, но русскія пули не могли пробить его кольчуги и батырь не трогался съ мѣста, пока самъ едва не попался въ руки русскихъ, если бы его приближенные не вывели изъ боя. Послѣ того батырь бѣжалъ, голова его была оцѣнена и онъ долженъ былъ скрываться около береговъ Аральскаго моря въ Кызылахъ, однако здѣсь его убѣжище было открыто и онъ застигнутъ киргизами рода Табынъ, желавшими отмстить ему за убіеніе ихъ батыря Байкадама, при содѣйствіи отряда полковника султана Илекъя Касимова, управлявшаго чумекейскимъ родомъ и желавшаго очевидно выказать свое усердіе передъ русскимъ начальствомъ. Рассказываютъ, что батырь, услыжавъ уранъ (родовой вличъ) табынцевъ „Тустаганъ“, понялъ въ чемъ дѣло и, сказавъ, что теперь пришелъ его конецъ, вышелъ изъ кибитки, совершилъ намазъ и сѣлъ на ближайшій, высочій бугоръ, откуда его хорошо было видно; враги обружили его, но не посмѣли напасть съ оружіемъ въ рукахъ, а стали въ него стрѣлять; пули отскакивали отъ кольчуги, которую онъ всегда носилъ на себѣ, но одна изъ нихъ попала въ горло, оставшееся незащищеннымъ, и батырь упалъ мертвымъ отъ киргизской руки; его аулъ былъ разбитъ, разграбленъ и разсѣялся. Убійцей его считаютъ батыря Табынцевъ Сеила, сына Бухарбая, который еще находится въ—живыхъ, по слухамъ у него до сихъ поръ будто бы хранится кольчуга Джанходжи.

V.

Вотъ все, что удалось узнать и собрать на мѣстѣ о послѣднемъ батырѣ, который, конечно, не въ силахъ былъ ужиться съ новыми порядками, хотя въ началѣ дѣло шло по видимому хорошо и между нимъ и русскимъ начальствомъ установились добрыя отношенія, но въ концѣ концовъ сердце стараго степнаго волка, привыкшаго вволю барантовать и господствовать среди своихъ родичей и считавшаго себя призваннымъ защитить ихъ, не стерпѣло, и онъ на склонѣ лѣтъ рѣшился сразиться со своими прежними соперниками, но заплатилъ за свою безумную попытку не только положеніемъ, но и головою, очевидно, что Сеилъ со своими табынцами и султаномъ Илекѣмъ только отъ того и могли поднять руку на бывшаго есаула русской службы, что онъ былъ объявленъ мятежникомъ и голова его была оцѣнена, къ сожалѣнію онъ навлекъ на своихъ сородичей суровую кару, они были обложены въ наказаніе значительной контрибуціей и уральскіе казаки, которымъ была поручена экспедиція, отбили и отобрали у нихъ много скота, жестоко наказавъ самихъ. Такого результата едва ли ожидалъ или желалъ батыръ!

Мы можемъ смѣло причислить Джанходжу къ другимъ извѣстнымъ киргизскимъ батырямъ и степнымъ героямъ, въ родѣ Кенисары, Исета Кутебарова, Садыка и др., послѣднимъ борцамъ за свободу и самостоятельность тюркскихъ племенъ въ Средней Азіи, которые не могли примириться съ новымъ порядкомъ вещей въ степи и, не смотря на явную несостоятельность своихъ замысловъ, старались при всякой возможности противодѣйствовать русскому владычеству; при этомъ невольно бросается въ глаза, что почти всѣ эти послѣдніе герои среднеазиатскихъ войнъ и возмущеній или киргизы, какъ Кенисары, Джанходжа, Исеть, Садыкъ, или кипчаки, какъ Мулла Алимкулъ, храбрый защитникъ Ташкента, убитый во главѣ своей конницы, которую повелъ въ атаку 9-го мая 1865 года въ дѣлѣ при Шоръ-Тюбе, или Абдуррахманъ Автобачи, энергич-

ный противникъ русскихъ въ Ферганской войнѣ 1876 года, а не сарты или таджики; объяснить это мнѣ, кажется, можно съ нѣкоторою вѣроятностью большимъ развитіемъ чувства національнаго у киргизъ, чѣмъ у другихъ народностей Средней Азіи, у которыхъ оно вытравлено мусульманствомъ. При всемъ этомъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Джанходжа не былъ бѣлой кости (акъ-суюкъ), онъ былъ простой киргизъ, выдѣлившійся своими личными подвигами и всю жизнь положившій на защиту своихъ сородичей и на борьбу съ ихъ врагами: то онъ гонитъ кара-калпаковъ съ Яны-Дарьи, то нападаетъ на аулы киргизъ родовъ Кипчакъ и Арғынъ, то воюетъ съ кокандцами и мститъ жестоко хивинцамъ за насилія, то вступаетъ въ неравную борьбу съ русскими и платится своею жизнью. Насколько онъ пользовался уваженіемъ среди киргизъ, можетъ служить лучшимъ примѣромъ слѣдующій случай, который съ точки зрѣнія киргизскаго „адата“ наиболѣе рельефно характеризуетъ его престижъ: какъ то батыръ Джанходжа встрѣтился съ султаномъ-правителемъ одной части Малой орды полковникомъ русской службы Джанъ-Арыстаномъ, не взирая на то, что послѣдній былъ султанскаго рода, бѣлой кости (акъ-суюкъ) и имѣлъ такой замѣтный чинъ, онъ, увидя батыря, слѣзъ съ лошади и слѣлалъ ему „селямъ“, первый. Что касается наружности батыря, то по рассказамъ видѣвшихъ его и знавшихъ, онъ не былъ какъ Исеть Кутебаровъ большаго роста и внушительной наружности, напротивъ имѣлъ небольшой ростъ, и не отличался видною наружностью; никогда не разставался со своимъ оружіемъ: кинжаломъ, пашкой и айбалтой, которые всегда лежали около него, даже когда сидѣлъ или лежалъ въ кибиткѣ; онъ, говорятъ, всегда строгалъ какую нибудь палочку, какъ будто также строгаеть своихъ враговъ; былъ онъ молчаливъ и неразговорчивъ.

Побудило насъ заинтересоваться личностью батыря—то обаяніе, которымъ до сихъ поръ еще пользуется его имя на Сырѣ, гдѣ приходится часто слышать рассказы или пѣсни про его жизнь и подвиги.

Не хотѣлось бы поэтому, чтобы этотъ эпизодъ, кажется, малоизвѣстный изъ нашихъ первыхъ шаговъ въ Средней Азій, остался незамѣченнымъ, тѣмъ болѣе, что типы такого рода батырей вѣроятно исчезли навсегда и сдѣлались уже достояніемъ исторіи, а намъ кажется, что обязанность всякаго образованнаго человѣка, попадающаго, хотя бы въ такую неприглядную сторону, какъ мѣсто по нижнему теченію Сыръ-Дарьи и по берегамъ Аральскаго моря, не обходить своимъ вниманіемъ даже небольшіе или незначительные историческіе факты, проливающіе нѣкоторый свѣтъ на наше поступательное движеніе въ Туркестанѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться случаемъ, чтобы повѣдать объ имени мѣстнаго героя, съ влияніемъ котораго находили нужнымъ считаться такіе представители русскаго государства въ Средней Азій, какъ Обручевъ и графъ Перовскій, съ которымъ заигрывалъ хивинскій ханъ и который сложилъ свою голову въ борьбѣ за свободу своихъ соплеменниковъ, чѣмъ и заслужилъ, конечно, чтобы его имя не было забыто, а заняло бы свое мѣсто въ исторіи киргизскаго народа, наиболѣе воспримчиваго изъ всѣхъ мусульманскихъ народовъ къ цивилизаціи и ея плодамъ, а потому достойнаго вниманія всякаго, кто интересуется судьбой народовъ Азіатской Россіи.

Вотъ полная *родословная* киргизскаго героя Джанходжи Нурмухаммедова: отъ Джаильхана произошелъ Калпакъ, отъ Калпака Тюмень, отъ Тюменя Казакъ, отъ Казака трое: Джанарсъ (предокъ киргизъ Малой Орды), Бегарсъ (предокъ киргизъ Средней Орды) и Агарсъ (предокъ киргизъ Большой Орды), отъ Джанарса Урдашъ, отъ Урдаша Монгу, отъ Монгу Сарымурза, отъ Сарымурзы Альчимъ, отъ Альчима Алау, отъ Алау Кудуаръ-Тентикъ, отъ Кудуара-Тентива Тайходжа, отъ Тайходжи Кара-Гисекъ, отъ Кара-Гисека трое: Алимъ, Чумекъ и Кеттэ, отъ Алима четверо: Кара-Гисекъ, Джаманагъ-

Чикты, Тюртъ-Кара и Кара-Саваль, отъ Джаманаъ-Чикты трое: Орусъ, Джакаимъ и Джангмышъ, отъ Оруса Исенали, отъ Исенали Кешкенэ, отъ Кешкенэ шестеро: Дженэ, Джульчара, Курманай, Куттукъ, Уйсюнъ и Асанъ, отъ Куттука Майданъ, отъ Майдана Кульджаманъ, отъ Кульджамана Кійебай, отъ Кійебая двое: Нурумбетъ и Утегенъ, отъ Утегена Биббаулы и отъ Биббаулы Кулбараъ, а отъ Нурумбета произошли четверо: Амурза, *Джанходжа*, Джаугачаръ и Бекъ и, наконецъ, отъ Джанходжи произошелъ Итчемисъ.

Подробный перечень родовъ и колѣнъ всѣхъ 3 ордъ киргизскаго народа помѣщенъ между прочимъ на стран. 286 сочиненія „Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen, von *Hermann Vámbéry*. Leipzig, 1885“. Что-же касается вышеприведенной родословной нашего батыра, то она составлена исключительно на основаніи устныхъ разсказовъ, записанныхъ нами въ Сыръ-Дарьинской области.

В. Анничковъ.

18 февраля 1894 года.
г. Казалинскъ,
Сыръ-Дарьинской области.

ХРОНИКА.

Татары Тамбовской губерніи по даннымъ 1893 года

Въ прекрасной по внѣшности и богатой по содержанію книгѣ профессора Казанской Духовной Академіи Е. А. Малова «Миссіонерство среди мухаммеданъ и крещенныхъ татаръ. Казань, 1892» на стр. 457 и 458 о татарахъ Тамбовской губерніи говорится, — «что къ 17 мая 1866 года крещенныхъ татаръ, по справкамъ Тамбовской Духовной Консисто́ріи, было 3 человекъ; что по мѣсяцеслову 1863 года татаръ - мухаммеданъ въ той - же губерніи было 11647 человекъ; что по исповѣднымъ росписямъ приходской церкви села Ушакова Елатомскаго уѣзда за 1875 годъ въ мухаммеданскомъ селеніи Бастановѣ того-же уѣзда находится 21 человекъ крещенныхъ татаръ, и что Тамбовская Духовная Консисто́рія еще въ 1866 году обѣщала сообщитъ Правленію Казанской Духовной Академіи какъ о количествѣ всѣхъ крещенныхъ татаръ Тамбовской губерніи, такъ и о мѣстѣ жительства ихъ», но къ сожалѣнію этихъ сообщеній въ Академію до сихъ поръ не поступало.

Преосвященный Александръ, епископъ Тамбовскій и Шацкій, въ письмѣ отъ 28 сентября сего года на имя секретаря Общества Археологіи, Истории и Этнографіи Н. Э. Катанова между прочимъ сообщаетъ о количествѣ татаръ-христіанъ (православныхъ) и татаръ-мухаммеданъ въ Тамбовской губерніи по свѣдѣніямъ къ 1 января 1894 года, — и этимъ самымъ значительно обогащаетъ наши скудныя свѣдѣнія о численности тюрковъ Россійской Имперіи, за что Общество Археологіи, Истории и Этнографіи и приноситъ Преосвященному Александру свою искреннюю благодарность.

По выпискѣ, сдѣланной Тамбовской Духовной Консисто́ріей изъ опубликованныхъ свѣдѣній Тамбовскаго Губернскаго Статистическаго Комитета за 1893 годъ, въ Тамбовской губерніи всѣхъ татаръ оказалось 24000 души, изъ которыхъ:

21000 — мухаммеданъ
3000 — христіанъ.

Изъ всего этого числа (24000) приходится на 12 уѣздовъ Тамбовской губерніи:

1) Темниковскій уѣздъ:

муж. пола	3400	} 6744
жен. —	3344	

2) Елатомскій уѣздъ:

муж. пола	3220	} 6423
жен. —	3203	

3) Спасскій уѣздъ:

муж. пола	1282	} 2581
жен. —	1299	

4) Тамбовскій уѣздъ:

муж. пола	575	} 1115
жен. —	540	

5) Борисоглѣбскій уѣздъ:

муж. пола	215	} 429
жен. —	214	

6) Остальные 7 уѣздовъ: обоего пола 6708 душъ.

Надо думать, что въ числѣ 3000 татаръ - христіанъ нѣкоторая доля приходится и на татаръ, отпавшихъ отъ православія и снова принявшихъ мухаммеданство.

По календарю на 1894 годъ въ Тамбовской губерніи, заключающей въ себѣ пространства 58511 квадратныхъ верстъ, жителей считается 2609000 человекъ обоего пола; слѣдовательно, татары, исповѣдующіе исламъ, въ Тамбовской губерніи составляютъ 0,8% всего населенія.

Редакція.

МАТЕРИАЛЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Разсказъ о батырѣ Джанходжѣ Нурмухаммедовѣ.*)

Батыръ Джанходжа сынъ Нурмухаммеда, батыръ Нурмухаммедъ сынъ ясаула Кійкбая; ясаулъ Кійкбай женился на родной сестрѣ киргиза рода «Тама» Исеть—батыра, которой имя Тѣджи; отъ нея-то и родился Нурмухаммедъ—батыръ, Нурмухаммедъ—батыръ женился на родной сестрѣ Каракалпака Ирѣ Нуртая, живущаго на Джанга—Дарѣ, отъ нея родился Батыръ Джанходжа; у Нурмухаммеда были вмѣстѣ съ батыромъ Джанходжей 5 сыновей,—отъ первой жены: Джанходжа, Ақмурва, Джаукачаръ и Бекъ, а отъ второй жены: Шуджѣ, всего было у Джанходжи пять братьевъ.

Когда Джанходжа—батыръ былъ мальчикомъ, онъ ни съ кѣмъ по-

---

*) Печатаемая здѣсь 2 интересныя статьи (переводъ и текстъ) о подвигахъ киргизскаго героя Джанходжи (جان خوجه) получены отъ И. В. Аничкова изъ г. Казалинска Сырѣ-дарьин. обл. при письмѣ отъ 7 апр. 1894 года. Статья на киргизско-татарскомъ языкѣ записана лицемъ, знавшимъ, какъ можно судить по записи текстовъ, письменный татарскій языкъ; записана она въ Казалинскѣ (قازالی) со словъ неграмотнаго киргизскаго пѣвца Мусабая (جراو موس بای). Заимствованныя араб. и персид. слова текста измѣнены пѣвцомъ на киргизскій ладъ и въ печати оставлены безъ исправленія. Джанходжа—современникъ султана киргизовъ Большой и Средней Орды Кене—сары (کینه صاری) Касимова, воевавшего въ 1838—1847 годахъ противъ русскихъ (См. о Кене—сары «Вѣстн. Европы» 1870. №№ 8 и 9, также книгу „Султаны Кенисара и Садыкъ“ біографическіе очерки Е. Т. Смирнова. Ташкентъ 1889). О Джанходжѣ въ печати до сихъ поръ не было ничего; статья, печатаемая объ немъ теперь впервые, записана на мѣстѣ, гдѣ подвизался этотъ герой и гдѣ память объ немъ, какъ о человѣкѣ, стоящемъ всегда за правду до сихъ поръ сохраняется. Н. Катановъ.

пусту не разговаривалъ и никуда не отлучался изъ своего аула; такимъ образомъ ему исполнилось 15 лѣтъ; въ то время былъ главнымъ начальникомъ надъ киргизами, живущими около Сыръ-Дарьи, Кылышбай—батыръ, у этого батыра была привычка собирать дань: онъ получалъ секетъ съ купцовъ, пріѣзжавшихъ изъ Бухары, каждый годъ; въ теченіе нѣкотораго времени этотъ Кылышбай собралъ много войска и производилъ нападенія. Однажды батыръ Джанходжа вмѣстѣ съ войсками нанялся вести караванъ. Кылышбай—батыръ наложилъ пошлину на караванъ и собралъ много денегъ со скота и имущества. У Кылышбай—батыра былъ младшій братъ, по имени Куяубай, а въ колѣнѣ Кара—кисекъ былъ челоуѣкъ, по имени Исенъ—бекъ. Однажды братъ Кылышбая Куяубай отобралъ у близкаго родственника батыра Джанходжи Исенъ-бека верблюда и лошадь и т. д.; этотъ Исенъ-бекъ жаловался 15 лѣтнему батыру Джанходжѣ. Батыръ Джанходжа подошелъ къ батыру Кылышбаю и ударилъ его айбалтой, послѣ удара тотъ упалъ на землю и лежалъ нѣсколько времени безъ памяти; потомъ объ этомъ услышалъ его отецъ. Нурмухамедъ очень разсердился на своего сына, приказалъ его поймать и бить, потому что онъ убилъ своего начальника; тогда батыръ Кылышбай, придя въ себя, приказалъ: пусть никто не трогаетъ Джанходжу, потому что я самъ виноватъ!—и такъ было приказано: теперь всѣ киргизы должны подчиняться Джанходжѣ.

Во 2-хъ о Джанходжа—батырѣ надо сказать: въ то время на Джанга-Дарьѣ жили каракалпаки, они тамъ занимались хлѣбопашествомъ, вслѣдствіе чего были они всѣ богаты; устроили тамъ въ разныхъ мѣстахъ города, такъ какъ послѣ этого имъ скучно было, часто пріѣзжали сюда и грабили нашихъ киргизъ, иногда убивали людей безъ причины. Въ это время 18 лѣтній Джанходжа отправился къ каракалпакамъ на Джанга-Дарьѣ и, пріѣхавъ на мѣсто, разбилъ и убилъ главнаго батыра Тайпи, а также осадилъ, взялъ и разрушилъ ихъ Тайпинъ городъ, Джаманбіевъ городъ, Урумбаевъ городъ и взялъ еще нѣсколько городковъ, послѣ чего всѣ каракалпаки, кончивъ свои худыя дѣла, убѣжали (около 150 чел.) къ своему хану въ городъ Ургенчъ.

Въ 3-хъ о Джанходжа—батырѣ расскажемъ слѣдующее: въ то время между нашими киргизами были баранта и грабежъ, изъ Средней Орды пріѣзжали въ количествѣ около 2000 челоуѣкъ войска Аргинцы и Кипчаццы, и грабили нашихъ киргизъ; однажды ограбленные киргизы пришли къ батыру Нурмухамеду и рассказали ему, тогда Нурмухамедъ батыръ увидѣлъ, что киргизы всѣ плачутъ. Нурмухамедъ батыръ, собравъ всѣхъ своихъ подданныхъ киргизъ, съ своими четырьмя сыновьями отправился ко врагамъ, т. е. Аргинцамъ и Кипчаццамъ, Аргинцы и Кипчаццы, услышавъ объ этомъ, что идетъ Нурмухамедъ—батыръ съ своими киргизами, послали свои семейства дальше съ скотомъ, а на мѣстѣ остались только не большой аулъ и немного скота,—и такъ Нурмухамедъ—батыръ пріѣхалъ съ своими немногочисленными джигитами къ Аргинцамъ и Кипчаццамъ; но онъ боялся нападать на нихъ потому,

что Кипчакских и Аргинских джигитовъ было больше; тогда одинъ изъ Аргинцевъ или Кипчаковъ джигить, выступивъ на средину поля битвы, закричалъ: «выходи изъ Алчинцевъ одинъ джигить со мною одинъ на одинъ драться», но съ другой стороны къ нему никто не вышелъ; тогда Нурмухаммедъ—батыръ закричалъ: гдѣ мои четыре «спорщика?», во второй разъ закричалъ: „гдѣ мои четыре «батыра?» и въ третій разъ закричалъ: „гдѣ мои четыре «труса?». Тогда Джанходжа, ударивъ свою лошадь нѣсколько разъ, ударилъ пиқой этого человѣка, а пика его попала въ горло этого человѣка и на счастье его этотъ былъ убитъ, послѣ чего Нурмухаммедъ—батыръ закричалъ «жау кашты», т. е. враги убѣжали,—затѣмъ Джанходжа убилъ еще нѣсколько батыровъ; потомъ онъ взялъ обратно ограбленные ими прежній скотъ и другія вещи враговъ, вмѣстѣ со своимъ скотомъ пріѣхалъ домой и роздалъ старикамъ и бѣднымъ, и за это получилъ благодарность.

Въ 4-хъ о Джанходжа—батырѣ скажемъ слѣдующее: въ то время выше насъ жили по берегу Сыръ-Дарьи Коқанцы, у которыхъ были въ разныхъ мѣстахъ города, они грабили иногда киргизъ, призывали нѣкоторыхъ нашихъ киргизъ къ себѣ и убивали ихъ; тогда ханъ Кенесары управлялъ киргизами Большой орды и Средней орды. Ханъ Кенесары самъ не могъ съ Коқанцами воевать, просилъ отъ нашего батыра Джанходжи помощи письмомъ, письмо его было вотъ какое: „прошу Васъ, батыръ Джанходжа, Коқанцы не даютъ нашимъ киргизамъ покоя: грабятъ и убиваютъ; Коқанскіе начальники убили еще Вашего старшаго брата Сарманбія,—поэтому прошу отъ Васъ, если Вы согласны, разрѣшенія и я соберу изъ Большой орды и изъ Средней орды джигитовъ и пріѣду въ городъ Сузакъ, а Вы тоже соберете изъ Малой орды джигитовъ и пріѣзжайте воевать съ Коқанцами въ г. Сузакъ!“ Тогда батыръ Джанходжа собралъ изъ малой орды джигитовъ: т. е. изъ Алимцевъ и изъ Чуменцевъ самыхъ хорошихъ батыровъ 100,—а такихъ безсильныхъ не взяли и оставили въ аулѣ; такъ какъ батыръ Джанходжа взялъ съ собою 6-ти мѣсчное продовольствіе, то они отправились къ городу Сузаку съ извѣстными батырами, а именно 1) Туганаемъ, 2) Кыстаубаемъ, 3) Дабьль—батыромъ, 4) Сатыбалды—батыромъ: 5) Кобджасаромъ, 6) Куки батыромъ, 7) Иракомъ, 8) Джолдасбаемъ, 9) Джоркумбаемъ 10) Дангаемъ, 11) Балжакомъ и 12) Бурамбаемъ, еще много батыровъ (но остальныхъ не помню), Джанходжа батыръ пріѣхалъ въ 1 мѣсяцъ въ Сузакъ, а также Кенесары ханъ пріѣхалъ оттуда со своими джигитами—и напали немедленно на городъ Сузакъ, убили многихъ Коқанскихъ людей и взялъ городъ Сузакъ. Коқанцы убѣжали за Туркестанъ, а остальные были осаждены въ городѣ Сузакъ и защищались ружейными выстрѣлами и зарываніемъ воротъ; послѣ чего батыръ Джанходжа оставилъ хана Кенесары въ Сузакъ—и самъ со своими сто батырами уѣхалъ дальше и взялъ еще одинъ городъ, находящійся по ту сторону Сузака и по сю сторону Туркестана и называемый Сауранъ; потомъ поѣхалъ дальше еще къ Хазрети—Султану и тамъ помолился; поѣхалъ еще дальше и тамъ по дорогѣ встрѣтился съ многочисленными войсками Сузакскаго бека и ихъ разбилъ, послѣ того какъ ба-

тыръ Джанходжа вернулся назадъ, то еще на обратномъ пути встрѣтилъ многочисленныхъ киргизъ,—которые съ уваженіемъ дали нашему батыру «саламъ», нашъ батыръ принялъ ихъ «саламъ». Нѣкоторые киргизы сначала нашему батыру разсказали, что они изъ Малой орды, рода «Тама», который съ давнишнихъ временъ живеть около Туркестана, что ихъ начальникъ Курбанъ—бій, послѣдній пріѣхалъ со своими нѣсколькими (тысячью) киргизами къ батыру Джанходжѣ «закатъ» дѣлать и съ просьбой о томъ, что два Сузакскіе бека, т. е. начальники, убили его хорошаго сына безъ всякой вины, поэтому дескать „прошу отъ васъ на глазахъ со слезами помощи, отомстить за сына у меня не хватаетъ силъ, такъ какъ нѣтъ помощи у меня“; тогда батыръ Джанходжа послушался и поѣхалъ мимо Хазретской горы и пріѣхалъ къ г. Сузаку, черезъ нѣсколько времени оказалось, что Кенесары до сихъ поръ не можетъ взять г. Сузака; тогда батыръ Джанходжа воевалъ съ Коқанцами два дня, но никакъ не могъ взять Сузака. Однажды онъ съ вышеназванными 12 батырами вечеромъ напалъ на нихъ, тогда Коқанцы стрѣляли изъ ружья, но пули и разу не попали въ нихъ, но всетаки были нѣкоторые потомъ ранены, но продолжать войну было темно, они поѣхали обратно къ «косу», до завтра войну отложили, тогда Сузакскіе два бека совѣтовали съ своими нѣсколькими Коқанцами убѣжать къ Коқану, „вотъ завтра Джанходжа пріѣдетъ и убьетъ насъ всѣхъ!“, такъ, что они думали было, сдѣлано,—на другой день Джанходжа отправился къ городу, пріѣхалъ въ городъ, но тамъ никого нѣтъ, всѣ они убѣжали; потомъ Джанходжа, гоняся за ними, убилъ многихъ Коканцевъ и послалъ двухъ бековъ Отунчи и Сучи и представивши къ Таминскому бію Курману, велѣлъ убить ихъ и отомстить за единственнаго сына, который былъ убитъ. Батыръ Джанходжа взялъ послѣ Сузака еще другіе города и поѣхалъ обратно, но только предъ отъѣздомъ сказалъ Хану Кенесары: „вернитесь теперь, не вмѣшиваясь въ домашнія и общественныя дѣла этого простого народа и въ дѣла хорошихъ людей, оказывающихъ добровольствъ находящимся въ войскѣ киргизамъ!; а потому—то мы и убивали дурныхъ начальниковъ, что они чинили насилія, и простой народъ тутъ не при чемъ!“ Когда онъ произнесъ это, всѣ сказали: «конечно, такъ» и разѣхались по домамъ; о мужествѣ—же, благодареніяхъ и справедливости его стали толковать и разсказывать между всѣми киргизами и въ странѣ Коканцевъ.

Въ 5-хъ о батырѣ Джанходжѣ разскажемъ слѣдующее: послѣ того Хивинскій ханъ управлялъ здѣсь киргизами, живущими по берегу Сыръ—дарьи; онъ далъ киргизамъ начальниковъ, настроилъ имъ городовъ; но начальники, ежегодно назначавшіеся, тоже не давали нашимъ киргизамъ покоя: собирали со скота зекетъ, а съ хлѣба «усуръ», т. е. съ 10 пудовъ 1 пудъ, кромѣ того изъ каждой кибитки требовалъ одного барана съ иноходцемъ; иногда насилывали дѣвокъ киргизскихъ и молодыхъ женщинъ;—назначили надъ каждымъ родомъ начальника и построили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города,—однимъ словомъ, киргизъ сарты очень обижали. Въ то время Джанходжа—батыръ лѣтомъ кочевалъ по Каракумамъ, а зимовалъ за Иргизомъ, но только его старшій

братъ Акмурза жилъ на Сыръ—дарьѣ. Всѣ киргизы, не терпя такой непріятности отъ сартовъ, поѣхали жаловаться на нихъ батыру Джанходжѣ.

Надъ здѣшними киргизами былъ ханомъ Увайсбай. Увайсбай слыхалъ, что всѣ киргизы жаловались на него батыру Джанходжѣ; онъ испугался и написалъ письмо хивинскому хану Алла—күлү; написалъ письмо, въ которомъ говорилъ: „Прошу васъ послать хорошихъ батыровъ, а не то Джанходжа батыръ послѣ убьетъ всѣхъ и сдѣлаетъ потомъ большія непріятности, потому что передъ нимъ всѣ киргизы трепещутъ, такъ какъ онъ очень храбрый». Надобить его и его подданныхъ киргизъ. Тогда Джанходжа взялъ съ собой нѣсколько джигитовъ и поѣхалъ на встрѣчу Аймухаммедъ—батыру; они встрѣтились около Иргиза; Джанходжинскіе джигиты увидали Аймухаммедъ—батыра хивинскій ханъ Алла—күлү получилъ письмо начальника Увайсбая, вслѣдствіе этого немедленно было приказано главному туркменскому батыру Аймухаммеду совмѣстно съ другими батырами и еще многими войсками отправиться, но Аймухаммедъ черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ съ товарищами благополучно въ городъ Увайсбая; но послѣ пріѣзда Аймухаммеда Увайсбай послалъ Аймухаммедъ—батыра съ многими батырами за Акмурзой, въ то время Акмурза жилъ около Сыра на мѣстности Алайгырь,—и тогда приказаніе Увайсбая было исполнено; когда Акмурзу представили къ Увайсбаю, послѣдній велѣлъ убить Акмурзу и бросить сына его въ Сыръ-Дарью, вслѣдствіе чего онъ убилъ его. Послѣ это Увайсбай самъ уѣхалъ въ Хиву, а на мѣсто его былъ назначенъ Бабаджанъ, надъ здѣшними киргизами; по пріѣздѣ онъ приказалъ Аймухаммеду батыру немедленно разыскать батыра Джанходжу съ его подданными киргизами,—перебить ихъ, отобрать у всѣхъ имущество и убить батыра Джанходжу; послѣ приказанія Бабаджана Аймухаммедъ—батыръ съ многочисленными батырами поѣхалъ искать батыра Джанходжу, и черезъ нѣсколько дней Аймухаммедъ пріѣхалъ въ Иргизъ. Джанходжа батыръ узналъ по слухамъ, что хивинцы ѣдутъ на него. Но киргизы, пріѣхавшіе вмѣстѣ съ батыромъ Джанходжею, увидѣвши туркменъ и узнавши ихъ, испугались и убѣжали, тогда батыръ Джанходжа остался одинъ на мѣстѣ. Вдругъ Аймухаммедъ, туркменскій батыръ, закричалъ: «идите одинъ на одинъ!» Тогда Джанходжа поскакалъ и ударилъ разъ пикой; на счастье нашего батыра потомъ его пика вонзилась въ горло Аймухаммедъ—батыра; тутъ батыръ Аймухаммедъ умеръ; остальные джигиты Аймухаммеда послѣ этого всѣ убѣжали,—но всетаки было убито въ тотъ день 9 человекъ туркменъ. Джанходжа батыръ послѣ это набралъ хорошихъ джигитовъ и поѣхалъ туда на Сыръ—дарью воевать съ хивинцами; черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ на Сыръ—дарью въ городъ Бабаджана, осадилъ его, взялъ, истребилъ многочисленное войско Бабаджана, убилъ самого Бабаджана и взялъ въ плѣнъ сына Бабаджана Май Карабека.

باطر جان خوجە نور محمد باطر اوغلى نىك

قصەسى

باطر جان خوجە نور محمد باطر اوغلى نور محمد باطر كىك باي يساؤل نىك اوغلى ايكان كىك باي يساؤل نىك باطر نىك بركا توغان قرىنداشى نىجى دىكان عىال ايكان آندان توغان نور محمد باطر ايكان نور محمد باطر نىك آلفانى جنكا دريا بويوندا اونكان قرا قالغاق اير نورطاي دىكان باطر نىك قرىنداشى ايكان آندان توغان جان خوجە باطر ايكان اما جان خوجە باطر نور محمد باطر دان توغان بر آندان تورت آغايونلى ايكان جان خوجە آقمرزا جاؤ قيارىك دىكان

ينە بر خاتوندان شوخە دىكان جمعى بش آغايونلى ايكان *

اما جان خوجە باطر توغان ياش ۋاقت داغى زمانندە هيچ آدم برله بيهوده چون سز سويلاشمايدور يندە غىرى بوتان آۋىل لارغە اۋىكە قىدوروب بارمايدور اوشبو فعل ايلان اون بش ياشينه يتوبدر اول ۋاقت داغى زمانندە اوشبو سپردر ياسىننك بويونندە قزاق ولايتى نىك ايشندە كى ضر باشلىق حاكىم قىلچ باي باطر دىكان بار ايدى اوشبو قزاقنى خلق لارون اول صوراب حكوم يورونار ايدى اول قىلچ باي باطر نىك عادات ايشى بول جردان كرا يعنى سوداكر بخاردان كىلوب اوتسە آندان هر يلدە زكات آلوب قالور ايدى كوب لشكر ايلان اوستينه باروب اول قىلچ باي برنچە ۋاقت لار حكوم يوروتوب يوركان ۋاقتونندە بركونلارده آننىك لشكرى ايلان باطر جان خوجە كرا كه بركه باروب

قىياچ باي باطر كيراني باجلاب كوب مال دنياني زكانلاب آلوب قايتوب
 كېلا جانقانونده قىياچ باي باطر نىك انيسى كويياۋ باي دىكان آزروغ قرا
 كيساك طائفه سنده ايسان بىك ايسملى بر آدام بار ايدى قايو كويياۋ باي
 آننىك قولوندىن مال توياسون طارتوب آلدى اول ايسان بىك نور محمد
 باطر نىك قزدان توغان جىنانلارى ايدى جىلاب اون بش يشار جان
 خوجه باطرغه كىلوب آننىك حكايه لارون آينا باشلادى آنى ايشتوب
 باطر جان خوجه قاشينه باروب قىياچ باي باطر نى بالطا ايلان اوروب
 چقىدى اما بول حكايه لارنى آكاسى نور محمد باطر ايشتوب ايتدى جان
 خوجه اولوغ آدام نى اوروب بى اداپ بولوب دور توتوب اولتورونكىز
 نى دىب بو يروب دور اوشبو خبر سوزنى ايسين جىناب بولغاچ قىياچ باي
 باطر ايشتوب آيتوب دور هېچ كيم جان خوجه تىماسون منوم فعلىم يمان
 بولدى اوروب چقىدى ايندى قزاق خلقى جان خوجه قراسه كراك دىوب
 جواب ايلادى جان خوجه باطر نىك اولكى علامتى شول بولوب دور *

جان خوجه باطر نىك ۲ نچى علامتى بولدور اول زمانده چىنكا
 دريا بويونده قرا قالغاق روغى كىوب ايسكان آلار نىك آندە سالغان
 قالاسى هر يرده كىوب ايسكان شول قرا قالغاق خلقى قزاق ايلان
 جاۋ بولوب آطلانوب كىلوب قزاق نىك ايلون چابىوب يعنى
 برفاره بعضى آدام لارون اولتوروب مالون آلوب كىنابروبورلار اما
 قرا قالغاق لار چىنكا دريادان ايكون نى ايكوب كىوب آلوب بارچه سى
 برداي باي بولوب اول سىبىلى ماس بولوب ايسروك لىك ايلان بى كىناه
 قزاق

قزاق خلقون ھلاك ايتوب دور شول سببندان باطر جان خوجه اون سكرز
 ياشينده قرا قالقاق غه آطلانوب باروب فالاسين قاماب اوروسوب
 فالاسين بوزوب آلوب قرا قالقاق تيفى باطرني اولتوروب تيفى ننگ
 فالاسين اورونباي هم ينه جهان بي ننگ فالاسين آلوب آندان باسقه ده
 فالالارون آلوب قرا قالقاق لار اوزي ننگ يمان فعلى ايلان خيوا خانى ننگ
 قراماقينه اوركنج يورتي نه كيتوب دور *

۳ نچى علامتى نى جان خوجه باطر ننگ بيان ايتامز اول زمانده قزاق
 خلقى بي باش بولوب بر براوى ايلان جاؤ بولوب برنچه ژاقت لار
 يوروب دور اما اوشبو ايلكا اورتە يوز قزاقى آرغون قىچاقى ايكي مينك
 شالى لشكر ايلان آطلانوب كيلوب كوب ايلنى چابوب مالون آلوب
 آدامون اولتوروب كوب ھلاك ايتوب قايتغانونده نور محمد باطر غه
 چابولغان ايل ننگ آدام لارى جيلاب كيلوب آيطوب دور بزلارنى اوشانداق
 طلان طراج قىلدى ديب اول ژاقت ده نور محمد باطر آنى كوروب آلار ننگ
 جيلان كوزى ننگ ياشينه قراب ايندى اول جاؤ غه بارماقوز دوروس
 ديب خدا غه نوكل قىلوب بعضى ايل ننگ آدام لار ينه خبر آيطوب تور
 بالاسين قاشينه آلوب طو بايلا ب اول جاؤ ننگ ايزندان قؤوب آزاراق
 كشى لار برلان جتكان ژاقتونده اول جاؤ ننگ آدام لارى بولار ننگ كيلا
 جانتانون كوروب بولونوب آزاراق آلغان مالون آيداب كيتا بروب
 كوبرا كى طوروب اوروش غه قالوب دور اول ژاقت ده ايكي طرف لشكر
 ايكاؤى ده برداي ايكي جرده صفى طارنوب اوروشماقغه اويلا ب طوروب لار

أما نورمحمد باطرننك آدمى آز بولوب كوب قورقوب قايقولانوب تورغانونده اول جاۋ آرغون قىچاقدان بربهادور اورتاغه اوروش ميدانينه چيغوب مبارزليق نيلاب آى الچين لار جيگ باجيك ديب قىچقروب طورغانده بول طرفدان هيچ آدم آنكا قارشو بارمابدور اول ۋاقتونده نورمحمد باطر قىچقروب دور بزننك تورتن داۋ قايدا ۲ نچى قىچقروب دور بزننك تورتن باطر قايدا ۳ نچى قىچقروب دور بزننك تورتن نامرد قايدا ديكان ۋاقتده جان باطر آتون قىچىلاب اول ميدانداغى باطرغه قراب يوروب باروب آنونك نيزه سين نيزه سى برلان قاغوب جباروب اوزون طماغوندى چانچوب آطدان نوشوركان ۋاقتده آكاسى نورمحمد باطر جاۋ قاچدى داۋ صدا آيلاپ چابغانونده ينه باطر جان خوجه ايلكارى باروب برنجه باطرلارون چانچوب نوشوروب كوب آدملارون اولتوروب الحاصل جاۋنى قىچقروب جاۋننك آلغان مال دنيا زانلارى برله جسربنده لارنى بارچه سين تمام آيروب آلوب قايطوب كيلوب چابولغان آدملارغه طابشروب دعائى خيرون آلديلار *

جان خوجه باطرننك ۴ نچى حكايه قصه سين بيان اينامز اول ۋاقتده قوقان يورطى سبدر ياسيننك بوقارغى طرفينه هريركه قالا صالوب قزاق خلقون ظلوم ليق برله چابوب مالون آلوب ينده بعضى برفاره يىخشى آدملارون آلداب قالا سينه چاقروب آلوب خورليق بروب اولتوروب دور اول زمانده اولوغ يوز برله اورته يوز قزاقننك ايشنده كينه صارى خان ديكان بار ايكان اول كينه صارى خان جان خوجه باطرغه خبر يباروب دور

يباروبدر يباركان خيبر ييامنداغى سوزى قوقان يورطى ننگ حاكم لارى كل قزاق برله جاؤ بولوب كوب ايلنى بولدوروب چابوب ژايران قىلدى شول سببلى باطرسزكه بيلدیرامن هم ينه من اولى يوز هم اورنه يوز ننگ لشكرين جيناب قوقان ننگ سوزاق ديكان قالاسينه آطلانوب برامن سز هم معقول كورسانكز كشى يوز ديكان ايلينكزدان لشكر جيناب براسز اما سز ننگ ده قوقان حاكمى دؤران بي برله اونونچى سوچى اوچاؤى آلداب چاقروب آلوب صارمان بي ديكان آغانكزنى اولتوروب ايدى غوى ديب سوزون تمام آيلادى اول سببدان باطر جان خوجه اليم چومان ديكان ايلدان برنجه باطرلارنى جيوب آلتى آي ليف آزوق آلوب قوقان خلقوندان قصاصون آلماقفه آطلانوب يوروش قىلدىلار تيك بولغانى كشى يوزدان سىر بوينداغى اليم چومان ننگ بيلكولى معلوم حقيقت بهادورلارون آلدى لار بي غيرت يمان كوب آدام لار ننگ فايداسى بولمايدور ديب اما باطر جان خوجه ننگ قاشينده آلوب كيتكان باطرلارى اول سفرده طوغانباي توقوم يتقان قيسطاؤباي هم ينه دابل باطر صانوب آلدى محرم كوب جىسار كوكى ايراق جولداسباي جرقونباي دانكاي بجاق بورانباي اوشبو اون ايكي باطر ايكان بولاردان باشقه ده باطر كوب ايكان الحاصل يولغه توشوب باطر جان خوجه بر آيده سوزاق قالاسينه باردىلار برطرافدان كينه صارى خان لشكرى ايلان كىلدى لار باعدونده سوزاق فالاسون قاماب اوروشدىلار قوقان ننگ كوب آدمى اوروشدان اولوب بعضى لارى قاچوب توركستاندان آرى كيتوب

قالغانى سوزاق نىڭ قالايسىنە قامالوب در بازىسىنى كوموب مىلىتىق آتوب
 توروبلار اما باطر جان خوجە اول سوزاق قالاسون كىنە صارى خان غە
 ناشلاب اوز لشكر ايلان سوزاق دان آرغى تور كستاندان برى ساۋران لىق
 دىكان قالايسىنە باروب اوروشوب آلوب آندان اوتوب حضرتى سلطانغە
 باروب زيارت ايلاب آندان اوتوب بارا جاتقانونده آلدىنان قارشى
 كىلاجاتقان كوب لشكركا جولوغوب اوروشوب اول لشكرنى قيروب لشكرون
 قاپوروب يباردىلار اول لشكرنىڭ باشلىقى اونونچى سوچى دىكان سوزاق
 قالاسنىڭ بىكى ايكن اول يردان قايتوب كىلا جاتقانونده ينە بر كوب
 لشكركا دوچار بولوب اول لشكرنىڭ آدامىنە سويلاشوب قراسەلار
 آيتدىلار بىلار اوشبو تور كستان ولايتىندە قچاندان بروبار ايدوك كشى
 يوزمىز سىلار كە ياقون آغايون جوكى طامە دىكان روغ خلىق مز بىلارنىڭ
 اولكان باشلىقى قورمان بى دىب آط ايسم برادور بىلار كشى يوزجان
 خوجە باطر كىلدى دىب ايشتوب قورمان بى مىنىڭ كشى لشكر برلە
 ايزلاب كىلادور دىب آيتىدە اول آداملار قورمان بى كا خبر بروب
 قورمان بى اشتوب برنچە عنایتلى يىخى آداملارى برلە يوروب كىلوب
 عزت اكرام برلە باطر جان خوجە كوروشوب باعدونده جىلاب عرض
 حالون آيتا باشلادى آيتقان عرضى آى باطر آغا اونونچى سوچى دىكان
 ايكى بىك روغى قرغز سوزاق قالاسنىڭ حاكىمى دور اول اىكاۋى منوم
 بر عنایت اياسى يىخى بالامنى بى كناه اولتوردى دىب كوب جىلاب
 آندان خارومنى آلماقغە كوچوم يىنماى يور ايدى دىب بيان ايلاب
 آيتدى

آيتىدى اول اوتونچى سوچى ايكى بىك سزىنىك بىرلە اۆل سوزاق اوستونده اوروشوب قاچوب يىنەدە آرغى قالارغە باروب لشكر آلوب كىلا جاتوب ايكى رات يىنە اوروشوب قاچوب حضرت نىك طاۋى نىك بىر جاق طرفى بىرلە سوزاق فالاسىنە باروب كرماككە كىتىدى دىب جان خوجە باطرفى آلوب جوردى بىر نچە كون يول بوروب سوزاق فالاسىنە كىلاسەلار قاىۋا كىنە صارى خان سوزاق فالاسىن آلالمى جانقان اىكان جان خوجە باطر كىلوب بىر ايكى كوندان سونىك قاشىنداغى يوقارىدە بىيان ايدولمىش اون ايكى بهادور جىكت لارى بىر لان كىچ ۋاقت دە سوزاق فالاسىنىك داربازاسىنىك آلدىنە جاقون باروب داربازانى بالطا ايلان اوروب كوب اوروش بولوب سوزاق نىك بىر نچە بهادور لارى اولوب اما سوزاق فالاسىنىك اوستونده تورغان كوب مركان لار مىلتىق ايلان جان خوجە بهادور نىك اوزون هم يىنە آدام لارون آطا باشلابدى لار مىلتىق اوقى مثال جانكر قرداى بوراب چاۋبىدى لار الحاصل ضور اوروش صوغوش بولوبدور كوب ۋاقت غچە ايكى لشكر نىك آدام لارى مىلتىق تونونوندىن جان خوجە باطرفى جىكت لارى بىرلە اوزون كور آلمابدور الحاصل قرانكغور تون بولغانچە اوروشوب قاسنداغى اون ايكى باطر جىكت لارىنە بارچە سىنە برداى اوق يتوبدور اوق يتسەدە خدائى تعالى سلامت ساقلاب تورغاندە طامه روغى قورمان بى كىلوب جان خوجە باطر ايلان جىكت لارىنە آىطوبدور اوروش ۋاقتى اوندى تون بولدى قايتونكز اىرتانك اوروش سز دىب قايتاردى تونده كىلوب قوسى نىك جانىنە

اوت جاقدوروب كيز جايوب كيوملاري برله ساؤيت لارون چچسه لار باطر جان خوجه دان كوب اوق كيز. اوستنه نوشوبدور آنده كيلوب قراب نورغان اوچ يوز قزاق ننگ عنايتلى آدام لاري كوروب تحسين آفرين بول جان خوجه باطر بزنگ قزاق يورتنده زمانز ننگ اوروستمى هم خاصيتلى ايكان موند ايون اير بهادور بلكى دنيا ده هم يوقدور دايؤا مدحى ايلاميش لار ديب حكايه ايتالار ايندى سوزنى سوزاق فالاسننگ حاكمى اوتونچى سوچى دان سورانك باطر جان خوجه جكت لاري برلان قابطوب كيتكند ان صونك آلار ننگ تونده اويقوسى كيلماي مصلحت قيلوب ايندى ايرت ننگ ينه جان خوجه كيلسه قالانى آلوب بز لارنى اولتورار ديب قورقوب آفرين آنداي اير دنيا ده بولماس ديب تونده الاردان چيغوب برنجه لشكر لاري برلان قاجدى قوقان طرفينه قراب اما جان خوجه باطر سوزاق فالاسننگ توكارا كينه قراؤيل قويغان ايكان اؤل قراؤيل لار كيلوب خبر بردى آطلانوب باطر جان خوجه ايزيندان قؤوب جنوب برنجه آدام لارون اولتوروب اوتونچى سوچى ايكي بيك نى اوسطاب آلوب كيلوب تامه روغى قورمان بي كا بردى اول بالاسيننگ قصاصى اوچون اولتوردى باعدونده جان خوجه باطر ايندى كينه صارى خان ايله اول لشكر دايكى كل قزاق ننگ عنايت اياسى بخشى آدام لارينه ايندى بول ايل ننگ فقراسى ننگ مالينه باشينه هيچ برده داخيل قيلماي قابتونكز آنونك اوچون ظلوم ليق قيلغان يمان حاكمون اولتوردوك قايدە بولسه فقرا بي كناه ديب جواب قيلغانونده بارچەسى بلى ديب قايتدىلار آنده ايرليكى

آندا ايرليكي بخشى فعل عادل ليكي كل قزاق قوقان ولايت لارينه معلوم اولمش حكايه ايلاميش لار *

ال نچى باطر جان خوجه ننگ حكايه قصه سين بيان ايتوب بازامز بولاردان صونك ببول سیر درياسيننگ بوبونداغى قزاق خلقون خيواننگ خانى صوراب مونده قزاق اوستينه حاكم قويوب قالا سالوب هر يلدە قويغان حاكمى ايلدان هر تورلى مالدان زكات آلوب ينده هر ايل ننگ ايكنان آروغى باشينه كشي قويوب هر تورلى ايكونندان عشر آلوب جوروب باعدونده آننگ آدام لارى ده ظلوم ليق قيلول زكندان باسقه آرتوق قورا صايون بر آق اورالى كيزينه بر قوينى جورغه نواعدى ديب آلوب دور آصدوقدان تيزليك ديوان فولى ديب آلوب ينده اول عشر ديكان آصدوغون قزاق لار آلوب بارسه اولچاكان اولچاؤ سمانه سون سوغه سالوب كونون جيتوب حيله قيلول قزاق ننگ آصدوغون كم چيغاروب بي چاره لارى كويدورا برو بدور بول حكايه نى اولوغ حاكمينه قزاق لار عرض برسه اصلان تنكداما بدور ينده آلار ننگ هر ايل كه قويغان آدام لارى قزاق ننگ بخشى خاتون قزينه اختيار برماسكه اوخشاب ظلوم بولوب ايل خراب بولورغه قريه بولوب نى قيلارين بيلمى بعضى آدام لار باطر جان خوجه غه باروب جيلاب صاريطدان كوركان ضرليق خصومت لارون بر بر بيان ايتوب دور آننگ اوچون باطر جان خوجه مدام ابرغزدان آرى قيش جاز برداي قيرده بورار ايكان اصلان سیر درياسيننگ بويونه كيلماس ايكان بر آق آغاسى آقهرزا نورمحمد اوغلى سیرنى قيسطاب پورور

ايكان اما سوزنى خيواننك خانى ننگ قزاق اوستينه قويغان حاكم لاروندان. حكايث ايتامز هر بر قزاق لارنى جان خوجه غه بارغانون ايشتوب جان خوجه نى. ايندى جاؤ بولور ديب كمان اينتوب اويلاپ برنچه آدام لار ايلان. كينكاشوب قزاق اوستونداكى حاكمى ژايس باى ديكان اول وقتونداغى خيواننك خانى الله قل خانغه عرض يازوب عرضيسونده آي طوبدور باطرى جان خوجه نور محمد اوغلى جاؤ بولدى موندە لشكر يباراسز اكرده لشكرى يبارسانكز اوز قول آستينكزداغى ايلونكزدان ضرور اولكان غيرتلى بهادور آدام لاردان صايلاپ يباراسز بولماسه جان خوجه ديكانكه اوروش معركه ميدانينده هيچ كيم برابر كيلمايدور ديب ايشتامز ديكان نامه سى الله قل خانننگ حضورينه باروب اوقوتوب ايشتوب الله قل خان امر اينتوب بو يروب دور كل نوروكمان جورتونداغى بهادورننگ اولوغى ايكان. آى محمد بهادور ديكان آننگ قاشينه برنچه بهادورلارنى قوشوب كوب. لشكر ايلان يباروبدور برنچه كون يول يوروب ژايس باى ننگ قالاسينه. كيلوبدور اما ژايس باى آى محمدنى بو يروب سيرده آلايغير ديكان. جرده اوتورغان آقمرزا نور محمد اوغلون حضورينه آلدوروب سير درياسينه سوغه آلدوروب اولتوروبدور آندان صونك اوزى خيواعه. قايتوب ژايس باى ننگ اورنينه باباجان ديكان قزاق اوستينه حاكم بولوب. كيلوبدور اما باباجان كپلكان باعدونده قالاسنده تعين جاتقان لشكر نوروكمان آى محمد باطرى باش قىلوب ينهده قزاقدان ده كوب آدام لارنى. بركا قوشوب بو يروب يباروبدور جان خوجه نى قاشينداغى بركا اوتورغان. ايلي برله

ایلی برله چابوب اوزون اولتوروب مالون آلوب کیلاسز دایؤا
 یبارکانونده الار برنجه کون یول یوروب ایرغز بویونه جاقون بارغان
 واقتونده جان خوجه باطر خبر طابوب ایشتوب آلدونان ایرغز بویونده
 بر آزغینه کشی ایلان قارشو چیغوب بر براؤی ننگ قراسون کوروب
 ایکاؤیده بردای ایکی جرده صف طارتوب جاؤ فاعد الارون قیلوب توروبدیلار
 اما جان خوجه باطرننگ قاشینه ایروب برکا کیلکان قزاق لار توروکماننی
 کوروب طانبوب قورقوب باسقه نوردی دیب ایشنداکى آدام لار حکایت
 ایلامیش لار باطر جان خوجه اول جرده جالغز طوردی آنى کوروب کونکلی
 اوسوب شادلانوب توروکمان باطر آی محمد جک باجک دیب میدانغه
 چیققانونده باطر جان خوجه اول هم آسته یوروب کیلوب بر برینه
 نیزه سیلتاب قارؤ قیلغانونده آی محمدننگ نیزه سین نیزه سی برلان قاقوب
 جباروب طماق آستوندان نیزه برلان چانچوب آطدان چغوب اولتورکان
 زمان فاشینداغى آلامانی کوروب بارچه سی قاچوب آرتوندان قؤالاب
 جتوب ینده توقوز توروکماننی صول کونی اولتوروب قالبوب دور
 آندان صونک باطر جان خوجه آرقه داغى ایلدان کشی آلوب آطلانوب
 سیردریاسننگ بویونداغى باباجان ننگ فالاسینه کیلوب قامانوب
 فالانی بوزوب آلوب باباجان بیکننگ کوب لشکرین
 قیروب اوزون اولتوروب بالاسی ماى قرا بیکنی
 بنده ایلاب دور دیب آیتیمیش لار *

И. Анчиковъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Матеріалы для археологіи В. Россіи. Древности Вятской губерніи. А. А. Спицына. М. 1893.

Трудъ извѣстнаго изслѣдователя Вятскихъ древностей принадлежитъ къ числу тѣхъ сводовъ, которые должны лежать въ основаніи детальныхъ мѣстныхъ изслѣдованій и представляютъ пока рѣдкое явленіе въ русской археологической литературѣ. Дополняя и провѣряя своими личными изслѣдованіями существующій въ литературѣ матеріалъ, авторъ даетъ картину доисторическаго и протоисторическаго развитія края. При оцѣнкѣ подобныхъ трудовъ на первомъ планѣ долженъ стоять вопросъ о системѣ, въ которой расположенъ матеріалъ: за той или другой группировкой его скрываются общія идеи автора, его представленія о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ стоятъ однѣ къ другимъ отдѣльныя группы древностей.

Само собою разумѣется, что установившіяся въ археологической наукѣ представленія о послѣдовательности матеріаловъ, которые человекъ употреблялъ для изготовленія своихъ орудій (камень, бронза, желѣзо), прежде всего опредѣляли систему. Книга начинается съ обзора каменныхъ орудій, найденныхъ въ Вятской губерніи. Авторъ констатируетъ, что огромныя пространства Вятской губерніи совершенно лишены каменныхъ находокъ, значительныя скопленія стрѣлъ обнаружены были въ пунктахъ весьма удаленныхъ одно отъ другаго (на Тоймѣ у Ананьина, на Моломѣ, на Юмѣ). Представивши на стр. 13—23 обстоятельный сводъ всѣхъ свѣдѣній о мѣстонахожденіи каменныхъ орудій, онъ не находитъ возможнымъ признать, чтобы въ Вятской губерніи существовалъ каменный вѣкъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ археологи. «Кремневая стрѣлы и ножи, за недостаткомъ металловъ, могли быть употребляемы мѣстными инородцами до позднѣйшей поры, а каменные шлифованныя орудія встрѣчены на такихъ городищахъ, которыя невозможно отнести къ слишкомъ отдаленной порѣ». Въ заключительныхъ выводахъ авторъ отмѣчаетъ важное обстоятельство, что Ю. и В. губерніи входятъ въ полосу приволжскихъ шлифованныхъ орудій, а З. представляетъ полосу мелкихъ кремневыхъ орудій. Выдвинутаго Аспелиномъ положенія о родствѣ сѣверно-

русскихъ и въ частности прикамскихъ каменныхъ орудій съ орудіями сѣверо-Германскими (чрезъ посредство Польши) авторъ не касается.

Слѣдующій отдѣлъ книги, согласно принятому порядку, посвященъ бронзовымъ находкамъ. «Какими столѣтіями можно обозначать существованіе въ Камской области такъ называемаго бронзоваго вѣка, въ какомъ отношеніи онъ находится къ соотвѣтственной средне-азиатской и западно-европейской культурѣ, была-ли здѣсь въ какихъ-либо размѣрахъ самостоятельная обработка бронзовыхъ орудій или они получались въ готовомъ видѣ,—на всѣ эти вопросы мы не можемъ отвѣтить»—говоритъ авторъ въ началѣ этого отдѣла. Претендовать на него за уклоненіе отъ этихъ капитальной важности вопросовъ мы не въ правѣ: тому или другому рѣшенію перваго изъ нихъ должно предшествовать изданіе атласа бронзовыхъ находокъ Камскаго и прибавимъ отчасти Волжскаго края; такого атласа пока нѣтъ; только въ прошломъ году наше Общество нашло возможность издать древности Ананьинскаго могильника; находки изъ другихъ мѣстностей Камскаго района—изъ губерній Казанской, Уфимской, Вятской и отчасти Пермской разсѣяны въ различныхъ музеяхъ и ждутъ новаго Аспелина, который принялъ-бы на себя трудъ ознакомиться со всѣми ими и свести въ извѣстную систему, (кажется, впрочемъ, за такое предпріятіе взялся г. Гейкель по порученію финно-угорскаго Общества); для рѣшенія втораго вопроса матеріалы находятся только въ рукахъ П. А. Пономарева. Г. Спицынъ ограничивается по отношенію къ памятникамъ бронзоваго вѣка описательной задачей. Къ числу этихъ памятниковъ онъ относитъ не совсѣмъ точно и знаменитый Ананьинскій могильникъ. Существованіе желѣзныхъ предметовъ и составныхъ—частію бронзовыхъ, частію желѣзныхъ—показываетъ, что могильникъ относится къ переходной эпохѣ, когда въ рукахъ мѣстнаго населенія находилось рядомъ съ бронзой и желѣзо.

При перечисленіи бронзовыхъ находокъ г. Спицынъ упоминаетъ рядомъ съ ними и мѣдныя (орудія), но не высказываетъ своего взгляда на отношеніе мѣдныхъ орудій къ бронзовымъ: считаетъ-ли онъ ихъ современными или предшествующими бронзовымъ или, какъ смотрятъ на мѣдныя орудія нѣкоторые изъ европейскихъ археологовъ—позднѣйшими имитаціями ввознымъ бронзовымъ орудіямъ, которыя начинали выдѣлывать туземцы изъ подручнаго матеріала.

За памятниками бронзоваго вѣка по установившемуся порядку нужно было-бы перейти къ желѣзному вѣку. Но тутъ выступаютъ мѣстныя особенности въ развитіи доисторической культуры: кромѣ камня, мѣди, бронзы и желѣза въ Вятскомъ краѣ на оружіе, орудія и украшенія употреблялась въ широкихъ размѣрахъ кость. Г. Пономаревъ, а за нимъ и г. Спицынъ констатировали нѣсколько пунктовъ (городищъ), гдѣ костяныя издѣлія представляли преобладающую массу находокъ. Эти городища получили названіе «костеносныхъ». Обработка костяныхъ предметовъ приводитъ изслѣдователей къ убѣжденію, что она производилась металлическими орудіями. Къ какому періоду слѣдуетъ приурочить эти памятники—къ тому-ли переходному времени отъ бронзы къ желѣзу, къ которому относится Ананьинскій могильникъ, или

къ одному изъ позднѣйшихъ періодовъ желѣзнаго вѣка? Матеріалъ не даетъ на этотъ вопросъ положительнаго отвѣта. Г. Спицынъ считаетъ возможнымъ рѣшить его на основаніи соотношенія формъ: «Исслѣдователь обязанъ быть смѣлѣе: онъ долженъ заключать не по матеріалу, а по формамъ; въ отношеніи же формъ ананьинскій могильникъ и костеносныя городища имѣютъ такъ много сходнаго, что это сходство невольно заставляетъ задуматься (37). Высказавши это общее положеніе, авторъ обращаетъ вниманіе на сходство бронзовыхъ кельтовъ, стрѣлъ, шильевъ, иглъ, ножей, пронизоковъ, съ обоихъ мѣстонахжденій, на видимое въ нѣкоторыхъ случаяхъ приготовленіе костяныхъ орудій по образцу бронзовыхъ. Относительно степени этого сходства намъ приходится вѣрить почтенному автору на слово: пояснительныхъ рисунковъ, весьма желательныхъ здѣсь, въ книгѣ не имѣется. Кромѣ области формъ авторъ черпаетъ доказательства въ пользу своего предположенія въ области орнамента и отмѣчаетъ общее ананьинскому могильнику, бронзовымъ издѣліямъ и костянымъ костеносныхъ городищъ преобладаніе звѣринаго орнамента—фигуръ цѣлыхъ животныхъ или ихъ головокъ. Особенное вниманіе авторъ обращаетъ на встрѣчающіяся на костяныхъ издѣліяхъ изваянія дракона; этотъ мотивъ могъ проникнуть на костеносныя городища, по его мнѣнію, только подъ влияніемъ бронзовой культуры. Послѣднимъ доказательствомъ близости костеносныхъ городищъ къ ананьинскому могильнику и исходу бронзоваго вѣка вообще служатъ, по мнѣнію автора, находки на городищахъ тиглей и формъ. Подводя итогъ своей аргументаціи, г. Спицынъ находитъ возможность констатировать близость культуръ Ананьинскаго могильника и костеносныхъ городищъ и мы обязаны принять его обстоятельно мотивированный выводъ—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ указанъ другой центръ, къ которому тяготеетъ культура костеносныхъ городищъ. Новѣйшія открытія только подтверждаютъ его выводъ. Въ открытіи г. Нефедовымъ въ теченіе прошлаго лѣта близъ с. Дмитріевскаго Елабужскаго уѣзда могильникъ ананьинскаго типа оказались въ значительномъ количествѣ костяныя орудія.

Начиная съ костеносныхъ городищъ, г. Спицыну подъ влияніемъ мѣстныхъ условій пришлось уже разъ навсегда уклониться отъ принятаго въ европейской археологіи дѣленія желѣзнаго вѣка на періоды ранній и поздній. Хронологически за древностями костеносныхъ городищъ г. Спицынъ ставитъ чудскія и болгарскія. Предметной связи между тѣми и другими онъ не видитъ (стр. 46). И въ этомъ отдѣлѣ своего труда авторъ воздерживается отъ рѣшительныхъ заключеній по существеннымъ вопросамъ предмета: «при недостаткѣ надежныхъ письменныхъ источниковъ, при отсутствіи систематическихъ раскопокъ мы вполне безсильны рѣшить вопросъ объ основныхъ элементахъ чудской и болгарской культуръ, о времени ихъ появленія и процвѣтанія въ области Камы, о національности того и другого народа...» Но вопросы эти оказались такими занимательными, что г. Спицынъ не удержался по отношенію къ нимъ на чисто описательной почвѣ и разрѣшилъ себѣ построить для отвѣта на нихъ гипотезу. Мы имѣли уже случай высказаться насчетъ ея ранѣе, когда она была изложена въ брошюрѣ «Вещественные па-

мятники Вятскаго края». Подобно Аспелину, хотя и независимо отъ него какъ это очевидно изъ деталей гипотезы, г. Спицынъ считаетъ Востокъ и именно Персію родиной Пермской культуры. «Изъ Сибири ее заносять въ Европу, на Каму. Здѣсь персидскіе купцы основываютъ факторію, которая становится центромъ для всѣхъ восточныхъ купцевъ, преимуществами для арабовъ. Факторія стянула изъ отдаленныхъ мѣстностей къ одному центру туземныя чудскія племена и познакомила ихъ съ земледѣліемъ. Однимъ изъ выгоднѣйшихъ предметовъ сбыта въ странѣ Сѣверной Чуди оказались мѣдныя шумящія подвѣски, заимствованныя восточными купцами вѣроятно отъ Сибирскихъ племенъ и быстро вошедшія въ употребленіе. Факторія современемъ обратилась въ колонію и колонія эта съ теченіемъ времени неизбежно должна была перемѣнить свой главный центръ, спустившись съ верховьевъ Камы на ея низовье по великому волжскому пути. Здѣсь возникла сперва временная ярмарка, а потомъ постоянное поселеніе (знаменитыя Болгары), скорѣе затмившее славу Чердынской факторіи... Болгары сплотили вокругъ себя оригинальный хотя и слабый союзъ сосѣднихъ инородцевъ, подчинивъ ихъ особому торгово-аристократическому устройству, давъ имъ общее управленіе и судъ».

Мы прекрасно понимаемъ, почему, разъ такая гипотеза возникла у автора, онъ счелъ возможнымъ отвести ей мѣсто въ своемъ трудѣ: гипотеза отвѣчаетъ на темный вопросъ объ отношеніи чудской культуры къ болгарской, намѣчаетъ ихъ общій историкъ и хронологическое соотношеніе. При являя ея, довольно легко разобраться въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя испытываютъ изслѣдователи пермской цивилизации: Сассанидскихъ блюдъ не находили на Волгѣ—онѣ пришли на Каму чрезъ Сибирь, при посредствѣ персидскихъ купцовъ, относятся къ первому періоду сношеній С. В. Россіи съ Востокомъ и намѣчаютъ періодъ изолированнаго развитія Пермской Чуди (приблизительно до половины VII в., когда Сассанидская Персія переходитъ подъ власть Арабовъ); въ районѣ Болгаръ нѣтъ такого обилія идоловъ, какое даютъ мѣстности, принадлежавшія Пермской Чуди—эти идолы пришли такъ-же съ Востока по одному пути съ Сассакидскими блюдами; нѣтъ въ Пермско-Вятскомъ краѣ характерныхъ болгарскихъ зеркалъ—они представляютъ собой предметъ, явившійся въ Болгарскомъ краѣ уже послѣ того, какъ живая связь, соединявшая Сѣверъ съ Югомъ, уже прекратилась. Наоборотъ наличность однородныхъ явленій оказывается легко объяснимой при этой гипотезѣ. Не взирая однако, на всѣ выгоды предлагаемой г. Спицынымъ гипотезы, мы не думаемъ, чтобы она въ цѣльномъ видѣ могла упрочиться въ наукѣ. Прежде всего является сомнительной роль, которую авторъ приписываетъ персидскимъ купцамъ. Персы Сассанидской эпохи были не большіе любители торговли вообще: съ религіозной точки зрѣнія торговля представлялась имъ самымъ низкимъ видомъ дѣятельности; ее игнорировали и великіе государственные дѣятели эпохи—какъ Хозрой Нуширванъ; въ частности торговля съ нашимъ Сѣверомъ не представляла для нихъ ничего привлекательнаго: путь туда лежалъ чрезъ полунезависимыя области нашей Средней Азіи и чрезъ земли Турковъ (Туранъ, Трансоксана), съ которыми Персы находи-

лись далеко не въ мирныхъ отношеніяхъ; преодолевши всѣ эти трудности, купцы не могли найти на Сѣверѣ ничего, кромѣ мѣховъ, которые у Персовъ не имѣли, кажется, цѣны; изъ арабскихъ разсказовъ о добычѣ, которую воины Османа нашли въ Персіи, не видно, чтобы между предметами роскоши были мѣха; арабы говорятъ о парчѣ, золотѣ, драгоценныхъ камняхъ, но ни словомъ не упоминаютъ о мѣхахъ. Гипотеза г. Спицына въ разсматриваемой части станетъ гораздо правдоподобнѣе, если на мѣсто персидскихъ купцовъ поставить произведенія персидской промышленности и купцевъ Турана Ближайшія къ Оксусу области Турана и между ними нынѣшняя Бухара получали произведенія персидской промышленности въ видѣ добычи; въ тѣлу, на пространныхъ безпредѣльныхъ степей, они имѣли родственныя кочевыя племена и безпрепятственно могли достигать до территорій, занятыхъ приуральскими финнами. Бухара въ историческое время уже при русскихъ держала въ своихъ рукахъ торговлю съ Сибирью. Можно думать, что и арабскія произведенія проходили на Каму черезъ тѣ-же руки.

Въ составъ земель, на которыя арабы простерли свои завоеванія, Трансоксана входитъ только съ началомъ VIII в.: въ 709 г. переходитъ во власть Валида Бухара, въ 712 Самаркандъ, въ 713 Фергана. Но власть арабовъ здѣсь упрочилась не сразу. Омаръ II думалъ добровольно сткаться отъ Трансоксаны; при Езидѣ II между 725 и 738 гг. всѣ эти земли вернулись къ своей самостоятельности. Гишамъ въ 738 г. возвратилъ ихъ подъ власть халифата, но опять не на долго. Паденіе династїи Омейядовъ было вмѣстѣ съ тѣмъ и концемъ арабскаго владычества въ Трансоксанѣ. Только Абассидамъ съ половины VIII в. удалось укрѣпить здѣсь арабскую власть. Это событіе совпало съ тѣмъ временемъ оживленія торговой дѣятельности на арабскомъ востокѣ, которое настало послѣ прекращенія внутреннихъ раздоровъ и установленія мирныхъ отношеній съ сосѣдями. Абассиды въ лицѣ Аль-Мансура—высоко подняли ее своими заботами о путяхъ сообщенія и тѣмъ спросомъ, который на произведенія всего халифата явился въ Багдадѣ. Къ этому времени можетъ относиться и появленіе арабской промышленности—но произведеній опять такі, а не купцевъ—въ бассейнѣ Волги-Камы. Сомнительно, чтобы Арабы непосредственно проникали на нашъ С.В. и въ состояніи были основывать тамъ государства (такимъ была, несомнѣнно, Булгарія). VIII вѣкъ былъ періодомъ высшаго могущества Хазаръ. Арабы послѣ ряда неудачныхъ попытокъ распространить свою власть на Сѣверъ отъ Дербента отказались отъ этихъ замысловъ и нижняя Волга осталась безраздѣльно въ хазарскихъ рукахъ. Трудно думать, чтобы торговый народъ уступилъ далекимъ арабамъ выгодные сѣверные рынки. Волга открывается для Арабовъ только съ 868 г., когда Хазары, угнетаемые турками, приняли могаметанство, чтобы получить помощь отъ Арабовъ. Арабы являются въ составѣ хазарскихъ войскъ; подъ ихъ прикрытіемъ, конечно, пробираются на Волгу и купцы. Почти полстолѣтія спустя Исламъ водворяется и въ Булгаріи. Но Ибнъ-Фадланъ, прибывшій сюда по этому поволу, нашелъ уже здѣсь Арабовъ при дворѣ и мечети.

Предположить, что Арабы въ эпоху послѣднихъ Омейядовъ или Аббасидовъ добрались черезъ Трансоксану до Чердыни и укрѣпились въ ней,

спустились отсюда къ устью Камы, основали здѣсь городъ Болгары и сдѣлали его центромъ своеобразнаго государства мы не можемъ вслѣдствіе цѣлага ряда причинъ: трудно думать, 1) чтобы арабскіе писатели эпохи Аббасидовъ проглядили этотъ фактъ и не сообщили объ основаніи государства съ арабской культурой, 2) чтобы халифы не сдѣлали попытокъ ввести это государство въ кругъ своихъ владѣній—черезъ Хаварезмъ или Трансоксану, 3) чтобы превращеніе купеческой стоянки въ государство совершилось въ теченіе столѣтія съ небольшимъ (въ концѣ IX в. Болгарія имѣла тѣже предѣлы, что и при Ибн-Фадланѣ), 4) чтобы, образованный арабъ Ибн-Фадланъ не зналъ ближайшаго прошлаго молодого государства и описывалъ его, какъ нѣчто новое, и даже называлъ славянскимъ.

Гипотеза г. Спицына можетъ, намъ кажется, удержаться, если мы упростимъ ее и будемъ говорить только о предметахъ торговли, торговыхъ путяхъ и посредникахъ. Въ сношеніяхъ С.В. Россіи съ Востокомъ можно, сообразно съ этимъ различать періоды Персидскій и Арабскій; путемъ, чрезъ который проникали восточныя произведенія на Волгу и Каму, можно считать до IX в. Трансоксану, а потомъ и Волгу, посредниками Туранскихъ купцевъ.

Время, къ которому относятся верхне-камскія, чепецскія и чудскія городища, г. Спицынъ опредѣляетъ на основаніи монетъ и предметовъ несомнѣнно болгарскаго происхожденія: это VII—X в. Относительно народности, которая основала данныя городища, г. Спицынъ предполагаетъ, что это были или Болгары-купцы или оболгаренная Чудь. Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ предположеніемъ мы не можемъ согласиться. Если всѣ городища были заняты Болгарами-купцами, то страна, привлекая такую массу купцовъ, должна была имѣть чрезвычайно густое населеніе? Гдѣ-же жило оно и гдѣ слѣды его поселенія? Если-же городища были заняты оболгаренной Чудью, то гдѣ въ бытѣ современныхъ потомковъ этого населенія слѣды болгаризма. Въ районѣ Чепцы и верхней Камы живутъ Татары (Бйгеръ по вотяцки), Бесермяне (какое-то овотячившееся тюркское племя), Вотяки и Пермьяки; никакихъ слѣдовъ оболгарившагося племени здѣсь нѣтъ. Вѣроятнѣе третье предположеніе, брошенное авторомъ мимоходомъ, что городища остатки бывшихъ болгарскихъ острожковъ. Относительно состава Чудскихъ древностей Вятской губерніи слѣдуетъ отмѣтить важное указаніе: «вещи совершенно одинаковаго типа попадаютъ безразлично и въ болгарскихъ городахъ и на чудскихъ городищахъ. Вся разница между находками заключается въ томъ, что въ первыхъ попадаетъ болѣе издѣлій восточнаго типа, а во вторыхъ мѣдныхъ подвѣсокъ и идоловъ». На констатируемый г. Спицынымъ фактъ слѣдуетъ обратить вниманіе въ виду того, что гипотеза о самобытной Чудско-Біармійской культурѣ все еще имѣетъ защитниковъ. Чудскія городища Вятской губерніи являются звѣномъ, соединяющимъ болгарскія древности съ чудскими древностями Пермской губерніи.

Къ чисто болгарскимъ памятникамъ г. Спицынъ относитъ Елабужское городище въ его позднѣйшемъ видѣ. Относительно извѣстныхъ руинъ этого городища онъ высказываетъ нѣсколько предположеній, но ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ, чтобы это была цитадель. Последнее подтверждается но-

вѣйшими болгарскими раскопками. Въ настоящее время, послѣ расчистки въ Болгарахъ такъ называемаго четырехугольника, раскрывается близкое родство обоихъ памятниковъ. Ихъ планы отличаются только въ деталяхъ. Тамъ и здѣсь одни и гѣже многогранныя башни по четыремъ угламъ, тѣже выступы у стѣнъ—въ Булгарахъ по два, въ Елабугѣ по одному.

Начиная съ V гл. книги г. Спицына читатель начинаетъ чувствовать, что авторъ входитъ въ область фактовъ, которые трудно поддаются систематизаціи. Глава эта заключаетъ въ себѣ переходъ къ древностямъ современныхъ насельниковъ Вятской губерніи—Вотяковъ и Черемись. Описание древностей ведется уже не по періодамъ, а по территориямъ. Камскія Сарапульскія городища авторъ считаетъ древневотскими. Отсутствие на этихъ городищахъ предметовъ Болгарской и Чудской культуры приводитъ его къ весьма правдоподобному предположенію, что они относятся ко времени упадка Волжской Булгаріи. Послѣ этихъ относительно позднихъ памятниковъ Вятской старины мы читаемъ соображенія относительно Пьяноборскаго и Муновскаго могильниковъ. Г. Спицынъ не считаетъ возможнымъ отнести эти памятники къ бронзовому вѣку въ виду того, что здѣсь не было найдено мѣднаго оружія и склоненъ относить ихъ ко времени предполагаемой имъ на Камѣ восточной колоніи. Свѣдѣнія, собранныя нами въ нынѣшнемъ году, показываютъ, что показанія крестьянъ относительно находокъ отличались недостаточной полнотой: и на пьяноборскомъ и на муновскомъ могильникахъ были находимы въ разное время «мѣдныя копья» (такъ называютъ крестьяне стрѣлы). Для сужденія объ эпохѣ, къ которой относятся могильники, характерно то, что на нихъ не было найдено желѣзныхъ вещей. Чудскіе топоры, ральники и другія желѣзныя издѣлія встрѣчаются напр. на городищахъ, расположенныхъ по р. Муновкѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ могильникомъ, и отсутствуютъ на терригоріи могильника. Между отдѣлами, тракующими о родственныхъ между собою Камскихъ, Сарапульскихъ и средневотскихъ городищахъ, авторъ говоритъ о Чудскихъ пижемскихъ городищахъ. Относительно этихъ городищъ авторъ высказываетъ мало вѣроятное предположеніе, что это были «своего рода фабрики Чудскихъ мастеровъ». Весьма сомнительно, чтобы Чудь имѣла такой уровень экономическаго развитія, при которомъ возможны специализація труда и возникновеніе исключительно промышленныхъ поселковъ и фабричныхъ округовъ. За описаніемъ пижемскихъ городищъ и такъ называемыхъ «Одо-лемовъ» авторъ даетъ описаніе на ряду съ описаніемъ черемисскихъ могильниковъ древняго малмыжскаго могильника «Атамановы кости», который по составу своихъ находокъ приближается къ пьяноборскимъ. Заканчивая нашъ отчетъ о трудѣ г. Спицына, мы должны обратить вниманіе читателей на приложенный къ нему прекрасный атласъ древностей костеносныхъ городищъ. Нельзя не пожалѣть, что рядомъ съ табллицами, изображающими эти древности, нѣтъ таблицъ съ древностями бронзового вѣка, пьяноборской и чудско-болгарской эпохъ.

И. Смирновъ.

ДВУХСОТЛѢТНЕЙ

ПАМЯТИ И. И. НЕПЛЮЕВА.

~~~~~

Въчи, произнесенныя въ торжественномъ Собраніи Общества Археологии, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ въ день 7 ноября 1893 г.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ПРЕДСЪДАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА Н. А. ФИРСОВА.

(О связи дѣятельности И. И. Неплюева съ преобразовательной дѣятельностью Петра Великаго).

На что въ Россіи не взгляни, все его (Петра В.) началомъ имѣеть, и что бы впредь не дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“. Такъ охарактеризовалъ дѣятельность Петра В. въ своихъ любопытныхъ запискахъ И. И. Неплюевъ, памяти котораго посвящено настоящее собраніе нашего общества. Ясно, что онъ и свою правительственную дѣятельность вводитъ въ связь съ государственной программой Величайшаго изъ дѣятелей русской земли.

Государственная программа нашего преобразователя первой четверти XVIII столѣтія, сложившаяся, надо замѣтить, постепенно по мѣрѣ указаній опыта,—весьма обширна: вѣтъ стороны жизни русскаго народа, который бы она не коснулась.

Въ своей великой преобразовательной дѣятельности Петръ Великій, какъ истинно русскій дѣятель, не могъ обойти вопроса о русскомъ движеніи на востокъ, и въ тотъ между прочимъ край, правительственная дѣятельность Неплюева въ которомъ и сдѣлала его имя славнымъ въ нашей исторіи.

Это русское движеніе на востокъ не при Петрѣ В. началось: оно началось почти вслѣдъ за образованіемъ русскаго государства и, прерванное на время господство татарскихъ хановъ и князей надъ русскою землею, послѣ уничтоженія та-

кового, пробудились съ новою, небывалою силою: въ результатѣ такого движенія получилоь то, что въ концѣ XVII столѣтія Великій Русскій Государь сдѣлался обитателемъ необозримаго пространства земель, въ Азіи вплоть до Великаго океана и въ Европейской Россіи до Урала.

Но это русское движеніе на востокъ ведено было большею частію простонародьемъ чисто примитивными средствами и способами: русскіе люди идутъ все далѣе въ невѣдомыя страны по обычаю русскому артелями, съ топоромъ, звѣроловными и рыбными снарядами и потомъ съ пищалю, имѣя одну цѣль—собрать на имя В. Государя якакъ съ обитателей новыхъ земель и самимъ при этомъ поживиться на ихъ счетъ и удовлетворить потребности проявить свою удалъ и отвагу,—потребности, которая съиздавна была присуща русскимъ людямъ.

Петръ В., не отвергая этого стариннаго характера движенія русскаго на востокъ, желалъ ему придать и иной характеръ: поставивъ главною задачею своей многосторонней дѣятельности обогащеніе Россіи посредствомъ развитія промышленныхъ силъ страны, онъ, что касается до Закамскаго края, гдѣ губернаторствовалъ потомъ Неплюевъ, рѣшилъ сдѣлать его русскимъ не по имени только, какимъ онъ былъ до него, а на самомъ дѣлѣ и для этого колонизировалъ его въ русскомъ смыслѣ и воспользовался, при помощи знанія, этимъ краемъ, богатымъ металлами, минералами и другими дарами природы для обогащенія казны. Кромѣ того, когда экспедиціи Бухгольца и кн. Черкаскаго, предпринятыя съ цѣлію проложитъ русскимъ торговые пути въ Среднюю Азію, найти новый источникъ обогащенія казны въ предполагававшихся около тамошнихъ рѣкъ золотыхъ россыпяхъ, кончались неудачно, Петръ В. обратилъ вниманіе на Закамскій край, какъ на такой пунктъ, чрезъ который, по его расчету, должны были завязаться торговыя сношенія русскихъ съ средне-азіатскими народами, и, если будетъ возможно, съ Индіей.

Но Петръ В. очень хорошо зналъ, что всѣ эти его виды и намѣренія могутъ быть исполнимы лишь тогда, когда корен-

ные насельники края, главнымъ образомъ Башкирцы и переселившіеся къ нимъ въ значительномъ числѣ прежніе подданные Казанскихъ и Сибирскихъ хановъ, татарскіе мурзы и муллы, будутъ приведены къ совершенной покорности русской власти. „Въ виду этого,—пишетъ историкъ Оренбургскаго края Рычковъ,—неоднократно Петръ В. изволилъ имѣть разсужденіе, какимъ бы образомъ отъ сихъ непостоянныхъ народовъ единожды такую безопасность учредить, которая бы не только на вѣчныя времена прочна могла быть, но и къ дальнѣйшимъ Его В—ва намѣреніямъ чрезъ то бы основаніе положить“. При этомъ съ обычною своею пронизательностію онъ указалъ тотъ пунктъ, гдѣ уже была яхта и гдѣ дѣйствительно потомъ Неплюевымъ проведена была линія военныхъ поселеній, которая, охватывая со всѣхъ сторонъ Башкирцевъ и перерѣзывая ихъ край, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были разъединить ихъ отъ другихъ инородцевъ.

Но едва Петръ В. приступилъ къ выполнению этого предпріятія, какъ скончался. Однако планъ чрезъ Закамскій край проложить для Россіи путь къ торговому и политическому вліянію на Среднюю Азію, основать на башкирскихъ земляхъ русскія торговыя и промышленныя поселенія и для безопасности ихъ отъ нападенія туземцевъ и ихъ сосѣдей устроить въ этомъ краѣ военныя поселенія,—этотъ планъ не былъ забытъ послѣ кончины величайшаго изъ русскихъ колонизаторовъ. Напротивъ изъ всѣхъ стремленій Петра В., которыя онъ не успѣлъ осуществить при своей жизни, изъ всѣхъ начинаній его ни одно, можно сказать, не оцѣнено послѣ него такимъ достойнымъ образомъ, не поддержано такъ ревностно, какъ это его намѣреніе, которое, по словамъ Рычкова, извѣстно было многимъ знатнымъ особамъ. Это много, конечно, зависѣло отъ того, что, по стеченію обстоятельствъ, приводитъ этотъ замыселъ Преобразователя выпало на долю Кириллова, Татищева и Урусова, людей воспитанныхъ въ его школѣ, бывшихъ его сотрудниками, глубоко проникнутыхъ его идеями и стремленіями, приученныхъ къ труду и способныхъ начатое

дѣло не покидать на полдорогѣ, а вести его, не смотря ни на какія препятствія, до конца, тогда какъ многія другія великія задачи, заданныя эпохой реформы, послѣ смерти ея представителя попадали въ руки лицъ, не имѣвшихъ ни политическаго образованія, ни служебной опытности, ни честности, ни заслугъ государства, а выдвинувшихся путемъ придворныхъ интригъ, и которыя потому или вовсе не выполнялись, или, если выполнялись, то въ направленіи, далеко уклонявшемся отъ видовъ великаго императора. Они, эти немногіе люди, были болѣе, чѣмъ кто либо изъ ихъ современниковъ, наслѣдниками духа и стремленій ихъ великаго учителя, и русское движеніе на востокъ чрезъ Закамскій край ими направляется съ той безустанностью, которую представляетъ эпоха преобразователя.

Безъ сомнѣнія, эти люди подготовили почву для совершенія великихъ дѣлъ за Ураломъ и въ Закавказьи русскими же, на нашихъ глазахъ, по указаніямъ Великаго преобразователя Россіи текущаго столѣтія, Императора Александра II и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича.

Что на этомъ пути сдѣлалъ Н. И. Неплюевъ? Что онъ исполнилъ въ государственной программѣ Петра В., касающейся вопроса о движеніи русскомъ на востокъ чрезъ Закамскій край? Примѣнилъ ли онъ въ дѣлу идеи о безкорыстномъ и просвѣщенномъ служеніи отечеству, о нравственномъ долгѣ, справедливости и гражданской честности, которыя тотъ лично преподавалъ ему еще во время его молодости?

Въ настоящемъ нашемъ собраніи Вы, Мм. Гг., получите отвѣты на эти вопросы въ сообщеніяхъ, которыя теперь будутъ предложены Вашему вниманію.

Н. Оирсовъ.

И. И. НЕПЛЮЕВЪ.

И. И. Неплюевъ. Гг.! Обычай прославлять подвиги своихъ соотечественниковъ, особенно подвиги необыкновенные, составляетъ благороднѣйшую черту характера культурныхъ народовъ. Россія также не забываетъ своихъ честныхъ и трудолюбивыхъ работниковъ на нивѣ ея прогрессивнаго развитія; но въ Россіи, какъ государствѣ монархическомъ, общенародность доступна болѣе великимъ военнымъ талантамъ и первокласснымъ писателямъ.

Не такъ счастливы въ этомъ отношеніи люди ученые, выдающіеся администраторы и государственные дѣятели. Иногда проходятъ цѣлыя столѣтія, пока не всплыветъ на поверхность исторической науки изъ глубины архивовъ какая-либо высокоталантливая и гуманнѣйшая личность забытаго государственнаго дѣятеля или кабинетнаго ученаго. Къ числу такихъ малоизвѣстныхъ обществу лицъ принадлежитъ и организаторъ обширнаго Оренбургскаго края, И. И. Неплюевъ, съ жизнію и дѣятельностью котораго знакомы очень немногіе.

Ровно 20 л. тому назадъ (11 ноября 1873 г.) Оренбургскій край молился объ упокоеніи много трудившейся души своего устроителя, по случаю столѣтія со дня его кончины, и тогда же было положено построить въ Оренбургѣ новый каеде-

ральный соборъ на Караванъ-Сарайской площади, который теперь и воздвигается, обѣщая быть лучшимъ украшеніемъ основаннаго и застроеннаго Неплюевымъ г. Оренбурга. Нынѣ 5 ноября, въ 89-ю годовщину Казан. Университета исполнилось 200 л. со дня рожденія Неплюева и 150 л. существованія г. Оренбурга. Оренбургская Городская Дума въ общемъ собраніи 14 октября, между прочимъ, постановила ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о разрѣшеніи повсемѣстной подписки на сооруженіе памятника И. И. Неплюеву, какъ основателю Оренбурга и организатору обширнаго Оренбургскаго края, простиравшагося при Неплюевѣ отъ средней Волги до Аральскаго моря—въ одну сторону и отъ Екатеринбурга до Каспійскаго моря—въ другую. Памятникъ предполагается бронзовый на каменномъ пьедесталѣ; мѣстомъ для его постановки избрана Караванъ-Сарайская площадь, гдѣ находится Неплюевскій кадетскій корпусъ, основанный 2 января 1825 г., по инициативѣ князя Г. С. Волконскаго, одного изъ преемниковъ Неплюева по управленію Оренбургскимъ краемъ.

Общество археологій, исторіи и этнографіи при Импер. Каз. Университетѣ, высоко цѣня политическую, административную, колонизаціонную и фивансовую многоплодную дѣятельность Неплюева въ Закамскомъ краѣ, пожелало сегодня почтить добрую память усопшаго труженика и выдающагося государственнаго дѣятеля. Помолившись въ храмѣ Божіемъ, за упокой души И. И. Неплюева, мы, Гг. сочлены, собрались сюда, чтобы воздать достойному должное.

Я не буду утруждать вашего благосклоннаго вниманія подробностями о жизни и дѣятельности И. И. Неплюева: желающіе ознакомиться съ ними могутъ найти ихъ въ моей монографіи о Неплюевѣ, первые три выпуска которой уже вышли въ свѣтъ и находятся въ книжныхъ магазинахъ Казани и др. городовъ. Въ настоящее время я сообщу вашему вниманію только краткія біографическія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности И. И. Неплюева.

Родъ Неплюевыхъ происходитъ отъ одного родоначальника съ царствующимъ на Руси домомъ Романовыхъ, именно отъ боярина Андрея Ивановича Кобылы, о которомъ упоминается въ лѣтописи подъ 1347 годомъ.

И. И. Неплюевъ родился 5 ноября 1693 г. въ воскресенье, въ 7 ч. пополудни, въ усадьбѣ Наволокъ Новгородской области. Когда ему почти исполнилось семь лѣтъ, отецъ, оставивъ его съ матерью, отправился подъ Нарву, въ составъ расположеннаго тамъ войска. Въ сраженіи подъ Нарвой, взятой Карломъ XII, И. И. Неплюевъ былъ раненъ и больной, въ глубокую осень, вернулся въ свою усадьбу. Съ этого времени онъ почти постоянно былъ боленъ и не покидалъ своей семьи до самой кончины. Болѣзненный видъ израненнаго и потому раздражительнаго отца, кроткій и любящій взоръ матери, не имѣвшей другихъ дѣтей, сообщили ихъ сыну какую-то тихую грусть и ту безропотную покорность Промыслу Божію, которая впоследствии охраняла Неплюева въ счастіи отъ упоенія и гордости, а въ трудныя минуты и тяжелые дни жизни отъ ропота и отчаянія.

На 16 г. Неплюевъ лишился своего отца: Иванъ Никитичъ, страдавшій отъ рапъ, скончался 10 Юля 1709 г. на 38 г. своей жизни. Не прошло и двухъ съ половиною лѣтъ послѣ его смерти, какъ И. И., по волѣ матери, женился на внучкѣ новгородскаго намѣстника Ивана Юрьевича Татищева Ѳедосьѣ Ѳедоровнѣ Татищевой; бракъ былъ совершенъ 11 сентября 1711 г. Такимъ образомъ, не имѣя еще и 18 л., Неплюевъ сдѣлался женатымъ помѣщикомъ, у котораго было 30 душъ родовыхъ и 20 душъ, полученныхъ имъ за женой. Молодые поселились въ Поддубьѣ Новгородскаго уѣзда (нынѣ въ Лужскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи). Здѣсь 19 августа 1712 г. у Неплюевыхъ родился сынъ Адрианъ, а въ ноябрѣ 1713 г., т. е. черезъ два года послѣ свадьбы, Неплюевъ оставляетъ жену и сына при матери, въ Поддубьѣ, а самъ удаляется „по общему набогомолю“ на богомолю въ какой-то монастырь. Въ мартѣ 1715 г. Неплюевъ возвратился въ Поддубье, гдѣ оста-

валась его семья; это путешествіе Неплюева въ монастырь, при добровольной разлукѣ съ молодой женой въ теченіе 14 мѣс., можетъ служить однимъ изъ вѣскихъ доказательствъ религіознаго направленія въ Неплюевѣ, развитаго въ немъ любящей и умной матерью. Исполняя свой благочестивый обѣтъ, онъ какъ-бы приготавлился духовно къ той многотрудной и многополезной дѣятельности, которая ожидала его впереди.

Вскорѣ по возвращеніи Неплюева изъ монастыря, въ Новгородъ прибылъ князь Меньшиковъ и потребовалъ къ себѣ всѣхъ неслужащихъ дворянъ. 24 Марта имъ произведенъ былъ смотръ; одни были опредѣлены на службу, другіе записаны въ школы; Неплюевъ оказался въ числѣ послѣднихъ. Меньшиковъ записалъ его въ новгородскую математическую школу, не смотря на то, что у Неплюева была на рукахъ семья: мать, жена и двое дѣтей. Съ этого времени для Неплюева начинается совершенно иная, новая жизнь. Мать Неплюева, потрясенная столь неожиданнымъ обстоятельствомъ, заболѣла и 4 мая того же года скончалась на 42 г. жизни. Похоронивъ свою мать, Неплюевъ отправился въ новгородскую школу и усердно принялся за ученіе; въ іюнѣ того же года онъ, въ числѣ другихъ 84 учениковъ, былъ переведенъ въ нарвскую навигаціонную школу, а черезъ три мѣсяца былъ принятъ въ С.-Петербургскую Морскую академію, открытую 1 октября 1715 г. и помѣщавшуюся первоначально въ домѣ Кикина на берегу Невы, гдѣ находится теперь Императорскій Зимній дворецъ. Находясь въ академіи, Неплюевъ имѣлъ неоднократные случаи видѣть и слышать Петра Великаго и съ этого времени сталъ питать къ нему то глубокое уваженіе, которое сохранилъ во всю жизнь.

Непосредственное вліяніе Петра на учениковъ академіи имѣло весьма важное значеніе; благодаря этому вліянію, не смотря на плохой строй самой академіи, изъ стѣнъ ея выходили такіе замѣчательные дѣятели и люди, какъ В. Н. Татищевъ, И. И. Неплюевъ, Семенъ Ив. Мордвиновъ и др. Царь любилъ и часто посѣщалъ Морскую академію, бесѣдовалъ съ

учителями и учениками и слѣдилъ за успѣхами послѣднихъ. Здѣсь на листкахъ простой бумаги онъ набрасывалъ свои замѣтки и указанія, поражающія глубиною ума и разносторонностью знаній. Впослѣдствіи изъ этихъ царскихъ листовъ составилаея цѣлая книжка, которая доселѣ хранится въ Адмиралтействѣ, какъ святыня.

Заботясь о насажденіи въ русскихъ школахъ практическихъ знаній, вызываемыхъ потребностями государства, Петръ Великій старался отправлять за границу болѣе даровитыхъ изъ молодыхъ дворянъ, гдѣ одни должны были учиться архитектурному искусству, другіе—инженерному, третьи—горнозаводскому дѣлу и т. п. Широкой, вполне русской, натурѣ Петра было тѣсно на многоводныхъ тогда русскихъ рѣкахъ; ему мало было Бѣлаго моря и Каспія и потому онъ простиралъ могучія свои руки въ Балтійскому и Черному морямъ. По волѣ Петра началось новое въ Россіи дѣло: строеніе кораблей, галеръ и другихъ судовъ, для чего потребовались не только технически-образованные люди, карабельные мастера, но и опытные моряки, которые бы могли управлять галерами и другими судами. Съ этою цѣлію Петръ учредилъ званіе гардемарина, опредѣливъ его съ свойственною ему лаконичностью такъ: „въ бою какъ солдатъ, въ ходу какъ матросъ“. Гардемарины на корабляхъ исполняли всѣ матросскія обязанности, носили матросскій костюмъ и получали помѣсячно паекъ на продовольствіе. И. И. Неплюевъ также записанъ былъ въ гардемарины въ Ревельскій флотъ. Въ 1716 г. Неплюевъ, въ числѣ другихъ 30 чел., отправился по волѣ Государя, въ Венецію, куда онъ прибылъ въ февралѣ 1717 года. Съ іюня 1717 г. по декабрь 1718 г. Венеціанская республика вела войну съ Турціей, и нашимъ гардемариномъ, участвовавшимъ съ этою войнѣ, удалось оказать „существенный куражъ въ въ карабельной баталіи“ венеціанскаго флота съ турецкимъ, бывшей 19 Іюля 1717 г. въ портѣ Паганія, въ заливѣ Елеусъ, а также при взятіи фортовъ Привезы и Вонницы и при осадѣ венеціанцами города Дульцина. Неплюевъ особенно отличился

при этомъ и „показалъ себя въ наукѣ галернаго мореплаванія способнымъ и искуснымъ“. Въ началѣ 1719 г. прекратилась война венеціанцевъ съ турками, а въ апрѣлѣ того же года гардемарины, по волѣ Государя, должны были отправиться въ Испанію, чтобы продолжать тамъ свою службу на галерахъ. По прибытіи въ Кадиксъ они поступили въ Королевскую академію, основанную по проекту кардинала Альберони, а не во флотъ, находившійся въ то время въ Сициліи. Безплодна и тяжела была жизнь нашихъ гардемаринъ въ Кадиксѣ. Въ Венеціи они были заняты дѣйствительною и, притомъ, боевою службой и, кромѣ того, тамъ они слышали людей, говорившихъ на славянскомъ нарѣчій, а здѣсь люди боевого дѣла должны были тратить силы и время на фехтованье, на разные прыжки и „па“ въ танцахъ. Отсутствие благородныхъ развлеченій для молодыхъ людей, незнаніе ими испанскаго языка, на которомъ велось преподаваніе математики и артиллеріи, запрещеніе сходитья вмѣстѣ внѣ академіи, недостатокъ средствъ,—все это сильно подавляло духовную дѣятельность гардемаринъ, такъ что одинъ изъ нихъ, Иванъ Арбузовъ, сошелъ съ ума, а 24 августа скончался князь Алексѣй Бѣлосельскій. У постели умирающаго товарища наши гардемарины написали горькую, слезную просьбу о дозволеніи возвратиться имъ въ Россію, „понеже (писали они) танцваніе и шпажное ученіе къ интересу Его Величества не въ пользу“. Не трудно представить себѣ радость гардемаринъ, когда они узнали, что имъ позволено было возвратиться въ отечество, котораго они не видали уже 5 лѣтъ. Въ мартѣ 1720 г. гардемарины были въ Амстердамѣ, а 22 мая того же года прибыли въ Петербургъ. Заграничное пятилѣтнее путешествіе стоило Неплюеву 1000 р.: „во весь войяжъ“,—замѣчаетъ онъ въ Запискахъ,—„издержалъ я собственныхъ 400 р., да государевыхъ 600 р.“.

По возвращеніи въ Россію, Неплюевъ встрѣтилъ у всѣхъ самый радушный пріемъ: генералъ-адмиралъ, графъ Апраксинъ принялъ его, какъ отецъ сына послѣ долгой разлуки; но особенную ласковость, вниманіе и радушіе оказалъ Неплюеву

графъ Григор. Петр. Чернышевъ, знавшій его еще по Морской академіи. 30 іюня гардемаринамъ было объявлено, что-бы они явились на слѣдующій день въ Адмиралтейскую Коллегію на экзаменъ. Не было еще и 8 часовъ, когда Неплюевъ пришелъ въ Коллегію; въ 8 ч. прибылъ на экзаменъ и самъ Государь. Начался экзаменъ. Когда очередь дошла до Неплюева, Государь спросилъ его: „всему-ли ты научился, для чего былъ посланъ?“ — „Всемиловѣйшій Государь!“ отвѣтилъ Неплюевъ: „прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всему научился, а болѣе почитаю себя предъ Вами работъ недостойнымъ, и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, Вашей ко мнѣ щедроты“. Неплюевъ упалъ при этомъ на колѣни; Петръ позволилъ ему поцѣловать свою руку и сказалъ слѣдующія глубоко-знаменательныя слова: „видишь, братецъ, я и Царь, да у меня—на рукахъ мозоли, а все оттого, чтобы показать вамъ примѣръ и, хотя-бъ подъ старость, видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству“. Неплюевъ, преисполненный чувства глубокаго уваженія къ вѣнценосному работнику, схватилъ его мозолистыя царскія руки и осыпалъ ихъ горячими поцѣлуями. „Встань, братецъ!“ сказалъ ему Государь: „и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ, но не робѣй! буде что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи“. Ободренный самимъ Царемъ, Неплюевъ отвѣчалъ бойко и дѣльно. Тогда Государь, обратившись къ флагшаку Змаевичу, производившему экзаменъ, сказалъ: „распрашивай его о высшихъ знаніяхъ!“—Змаевичъ предложилъ Неплюеву нѣсколько вопросовъ изъ математики. „Милостивое одобреніе“,—говоритъ Неплюевъ въ своихъ Запискахъ,—„сдѣлало меня не робкимъ, и я рѣшилъ предлагаемыя мнѣ задачи довольно удачно“. Государь остался доволенъ отвѣтами Неплюева и тутъ же пожаловалъ его чиномъ лейтенанта морскаго галернаго флота. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь приказалъ Неплюеву состоять при своей особѣ и назначилъ его главнымъ смотрителемъ и командиромъ надъ всѣми морскими судами, строящимися въ Петербургѣ,—должность въ то время весьма видная и отвѣтствен-

ная. Петръ отечески полюбилъ умнаго, въ высшей степени трудолюбиваго и симпатичнаго Неплюева и говорилъ о немъ: „въ этомъ маломъ путь будетъ“!

Дѣйствительно, Неплюевъ краснорѣчиво доказалъ всей своей жизнью необыкновенную способность Петра угадывать людей. Въ своихъ „Запискахъ“ Неплюевъ приводитъ слово въ слово нѣсколько разговоровъ съ Петромъ. Какая простота въ каждомъ словѣ Императора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое теплое чувство любви къ родинѣ, какая отеческая заботливость даже о самыхъ незначительныхъ интересахъ послѣдняго изъ его подданныхъ!—Зная, что Петръ не любилъ лжи, Неплюевъ всегда старался говорить правду, чѣмъ еще больше расположилъ къ себѣ Государя. Вотъ, между прочимъ, что онъ рассказываетъ въ своихъ „Запискахъ“: „Однажды я пришелъ на работу, а Государь уже прежде пріѣхалъ. Я испугался и хотѣлъ бѣжать домой,—больнымъ сказать; но потомъ вспомнилъ, что Государь не любилъ неправды, пошелъ къ мѣсту, гдѣ онъ находился.—Государь сказалъ мнѣ: „я уже, мой другъ, здѣсь!“— „Виноватъ, Государь, вчера былъ въ гостяхъ и долго засидѣлся, и оттого опоздалъ!“ отвѣчалъ сконфуженный Неплюевъ. Петръ взялъ его за плечо такъ крѣпко, что Неплюевъ вздрогнулъ, зная отеческія мѣры Петра; но Петръ весело и ободряюще сказалъ: „спасибо, малый, что говоришь правду,—Богъ простить! Кто Богу не грѣшенъ, кто бабѣ не внукъ?—Вчера ты былъ въ гостяхъ, а теперь поѣдемъ со мной на родину!“— Неплюевъ почтительно поклонился и, ставъ, по приказанію Государя, на задокъ его одноколки, чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже въ домѣ одного изъ плотниковъ своей команды. Войдя въ домъ, Государь поцѣловалъ роженицу и далъ ей 5 гривенъ. Неплюевъ, остановившійся у двери, получилъ приглашеніе сдѣлать то же. Цѣлуя мать новорожденнаго, Неплюевъ далъ ей на зубокъ гривну. „Что далъ поручикъ?“ спросилъ Государь роженицу; она показала полученную ею гривну. „Э, братъ, я вижу, ты даришь по заморски“, сказалъ съ улыбкой Государь.—„Нечѣмъ мнѣ, Царь-Государь, дарить много“,—

отвѣчалъ Неплюевъ: „дворянинъ я бѣдный, имѣю жену и дѣтей, и когда-бы не Ваше Царское жалованье, то-бы, здѣсь живучи, и ѣсть было нечего!“—Въ это время входитъ хозяинъ съ деревянной тарелкой въ рукахъ, на которой была рюмка водки, и подносить государю. Петръ выпилъ за здоровье роженицы и закусилъ пирогомъ съ морковью, лежавшимъ на столѣ. Затѣмъ радушный хозяинъ поднесъ и своему командиру; Неплюевъ, по его выраженію: „отъ роду не пившій горячаго вина“, отказался. Петръ, видя это, ласково сказалъ: „откушай, братецъ, сколько можешь, не обижай хозяина!“—Неплюевъ выпилъ, а Государь, отломивъ и подавая ему кусокъ пирога съ морковью, промолвилъ: „заѣшь! это родимая, а не итальянская пища“.

Такъ отечески-просты были отношенія Государя къ его любимцу. Не прошло и году, по возвращеніи Неплюева изъ за границы, какъ ему опять надолго пришлось оставить Россію. Императоръ искалъ человѣка, который могъ-бы занять постъ резидента при Константинопольскомъ дворѣ, и выборъ его, въ удивленію всѣхъ богатыхъ и знатныхъ, палъ на бѣдняка Неплюева, не смотря на то, что ему въ это время было всего 27 лѣтъ отъ роду. Когда Неплюевъ упалъ въ ноги Государю и началъ выражать волновавшія его чувства, называя Петра своимъ отцемъ, Государь сказалъ: „не кланяйся, братецъ, я вашъ отъ Бога приставникъ, и должность моя—смотрѣть того, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худо, такъ я истецъ: ибо Богъ отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобы злomu и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать. Служи вѣрой и правдой. Вначалѣ Богъ, а при Немъ и я долженъ буду не оставить“. Неплюеву было назначено 3000 р. въ годъ жалованья и велѣно выдать 1000 р. подъемныхъ. 25 февраля 1721 г. онъ получилъ указъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о назначеніи его на постъ резидента въ Константинополь, а на слѣдующій день ему вручена инструкція и дана прощальная аудіенція у Государя.

Петръ принялъ своего любимца весьма ласково, сдѣлалъ ему нужныя наставленія и, благословляя въ далекій путь, поцѣловалъ въ лобъ и сказалъ: „Прости, братецъ, кому Богъ велить видѣться!“—Неплюевъ сильно былъ растроганъ этой разлукой, какъ будто кто ему подсказалъ, что онъ болѣе уже не увидитъ Петра. 9 марта Неплюевъ покинулъ Петербургъ и отправился въ Поддубье, гдѣ пробылъ только два дня. Оставивъ здѣсь жену съ малолѣтними дѣтьми, онъ съ старшимъ сыномъ Адрианомъ, которому было около 9 лѣтъ, чрезъ Москву отправился въ Константинополь, куда прибылъ 8 сентября того же года, а 17 сентября былъ принятъ султаномъ Ахметомъ III.

Я не буду останавливаться на дипломатической дѣятельности Неплюева въ Константинополь, а только замѣчу, что дружба Россіи съ Турціей въ теченіе 14 л., пока Неплюевъ былъ Константинопольскимъ резидентомъ, не прерывалась. Настойчивость, съ какою всегда дѣйствовалъ Неплюевъ, отстаивая русскіе интересы, казалась иногда просто упрямствомъ для турокъ, пытавшихся даже отравить его. Но ловкій и находчивый дипломатъ, не щадя ни силъ, ни здоровья, зналъ все, что нужно было знать въ его положеніи. Трудолюбіе его было изумительно; весь служебный персоналъ его состоялъ только изъ секретаря и переводчика. Шифрованные депеши Неплюева цифрами представляютъ, такъ сказать, цѣлую фотографію жизни Неплюева въ Константинополь, не исключая и ея мелочей. Не смотря на интриги французскаго посла, Неплюевъ успѣлъ расположить къ себѣ и султана Ахмета, который не могъ нахвалиться имъ, и верховнаго визиря Ибрагима-пашу, подарившаго Неплюеву соболѣю шубу и лошадь съ уборомъ. Благодаря дипломатической дѣятельности Неплюева и его энергіи, 27 іюня 1724 г. былъ заключенъ мирный договоръ съ Турціей, по которому Россія получила право на владѣніе мѣстами, лежащими на западномъ берегу Каспійскаго моря со всѣми дистриктами и окрестностями Дербента, Баку, Гиляни, Мазандерана, и Астрабада до р. Оссы. Въ воздаяніе заслугъ Неплюева, Петръ Великій наградилъ его чиномъ морскаго капитана 1 ран-

га и 400 душъ крестьянъ въ Устюжско-Желѣзопольскомъ уѣздѣ; женѣ и дѣтямъ Неплюева приказано производить выдачу полнаго жалованья, по его чину, изъ Адмиралтейской Коллегіи, а старшему сыну Адриану, находившемуся въ Голландіи, повелѣно выдавать по 300 р. въ годъ съ обязательствомъ, чтобы онъ обучался математикѣ и другимъ наукамъ, для чего Неплюевъ собственно и отправилъ его съ дядькой еще раньше въ Амстердамъ.

Такимъ образомъ, какъ оказалось, дальновидный Императоръ не ошибся, назначивъ Неплюева резидентомъ въ Константинополь: Неплюевъ не только хорошо понималъ планы Преобразователя, но и умѣлъ энергично выполнять ихъ. Идея вѣрнаго и полезнаго служенія отечеству, которую выражалъ Петръ, нашли въ Неплюевѣ благотворную почву. Петръ былъ для Неплюева идеаломъ государственнаго служенія и любви къ отечеству; онъ питалъ къ Государю и личную привязанность. Послѣ этого легко себѣ представить, какъ сильно должна была поразить Неплюева неожиданная вѣсть о кончинѣ Петра. Вотъ что говоритъ объ этомъ Неплюевъ въ своихъ Запискахъ: „1725 г. въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ я плачевное извѣстіе, что Отецъ Отечества, Императоръ Петръ I, отъиде сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами, какъ по должности о моемъ Государѣ, такъ и по многимъ его ко мнѣ милостямъ и, ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ, да иначе бы мнѣ и грѣшно было: сей Монархъ Отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди,—однимъ словомъ, на что въ Россіи не взгляни, все его началомъ имѣеть, и что-бы впредь не дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ, а мнѣ собственно, сверхъ вышеписаннаго, былъ Государь и отецъ милосердый. Да вчинить Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными!“—Неплюевъ и послѣ, во всю жизнь, не могъ говорить о Петрѣ Великомъ безъ слезъ. Голиковъ передаетъ, что, когда онъ просилъ Неплюева рассказать что-либо о Петрѣ, то Неплюевъ обыкновенно

замѣчалъ при этомъ: „Эвоя, братецъ, ты опять хочешь, чтобы я плакалъ“!

Преемники Петра Великаго также цѣнили Неплюева и оказывали ему свое вниманіе. Такъ, когда въ 1727 г. Неплюевъ попросилъ Императрицу Еватерину I отпустить его жену въ Константинополь, то Государыня, охотно согласившись на просьбу Неплюева, подарила его женѣ 500 р. на дорогу, дала въ провозатые лейтенанта флота В. И. Татищева и прапорщика Наковальнина и приказала отправить ее до Кіева на казенный счетъ. Когда Ѳедосья Ѳеодоровна, жена Неплюева, находилась еще въ пути, въ Великомъ Тайномъ Совѣтѣ состоялся указъ о пожалованіи Неплюеву новаго имѣнья П о р ь въ Устюжскомъ уѣздѣ, согласно волѣ Императора Петра II. Въ 1728 г. Неплюевъ получилъ чинъ капитанъ-командира галернаго флота; а 2 декабря 1730 г.—чинъ шаубенахта или контръ-адмирала флота „за долговременное при дворѣ Турскомъ пребываніе,—какъ сказано въ указѣ“; „и прилежную и усердную тамъ въ интересахъ нашихъ службу“. Всегда недомогающій Неплюевъ, начиная съ 1725 г., не разъ просилъ объ отозваніи его изъ Константинополя, но его цѣнили и потому не отзывали. Наконецъ здоровье Неплюева разстроилось до того, что медики отказались лѣчить его. „По сей причинѣ“, говоритъ Неплюевъ,—„принужденъ я былъ отъ правленія дѣлъ отказаться, и на свое мѣсто именемъ Ея Величества окредитовать надворнаго совѣтника Алексѣя Вешнякова, что учинено мною 30 декабря 1734 г., почему и присланъ указъ: быть на моемъ мѣстѣ помянутому Вешнякову, а мнѣ ѣхать въ Россію“. Упомянутый Вешняковъ раньше былъ консуломъ въ Испаніи, откуда и переѣхалъ въ Константинополь около 1732 г., причемъ ему было предписано учиться у Неплюева, какъ дѣйствовать и какъ писать. Неплюевъ проводилъ впередъ свое семейство съ чрезвычайнымъ посланникомъ при Константинопольскомъ дворѣ, княземъ А. И. Щербатовымъ, а затѣмъ, спустя уже два года, и самъ оставилъ Константинополь это, по его мѣткому выраженію „осиное гнѣздо“, и отправился въ Россію.

Не доѣзжая столицы, онъ, по распоряженію правительства, долженъ былъ прожить нѣкоторое время въ Кіевѣ для тайныхъ сношеній съ нашими конфидентами: валахами и южными славянами, и только въ исходѣ 1735 г. прибылъ въ Петербургъ, а 30 января 1736 года состоялся Высочайшій указъ о пожалованіи Неплюева въ тайные совѣтники; 25 марта того же года Неплюевъ былъ зачисленъ въ составъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ окладомъ жалованья въ 2264 р. 84 $\frac{1}{2}$ коп. въ годъ.

Вскорѣ началась война Россіи съ Турціей изъ-за кандидата на польскій престолъ: Франція желала видѣть на польскомъ престолѣ Станислава Лещинскаго, тестя Людовика XV, а Россія была за саксонскаго курфирста Августа III, союзника Австріи. Выигравъ дѣло, Россія должна была начать войну съ Турціей. Не смотря на успѣхи русскаго оружія, война эта была весьма невыгодной для Россіи по своимъ послѣдствіямъ. Начались переговоры въ Немировѣ, и Неплюевъ назначенъ былъ полномочнымъ министромъ на Немировскій конгрессъ, въ сообществѣ барона Шафирова и оберъ-егеймейстера А. П. Волынскаго; но въ Немировѣ не состоялось мира и конгрессъ кончился ничѣмъ. Шафирову и Волынскому было предписано возвратиться въ Петербургъ, а Неплюеву велѣло поселиться въ Кіевѣ и смотрѣть за дѣлами по заграничной корреспонденціи.

Между тѣмъ Волынскій, занявшій съ 3 апрѣля 1738 г. постъ кабинетъ-министра, стараясь угодить Бирону, направилъ дѣло такъ, что всѣ переговоры съ Турціей кончились постыднымъ для Россіи Бѣлградскимъ миромъ, заключеннымъ Австріей 18 сентября 1739 г., а Волынскій за поправіе интересовъ Россіи, въ угоду Бирону, получилъ 20000 р. въ награду. 3 Марта 1740 г. Неплюевъ былъ назначенъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ и комиссаромъ по разграниченію земель между Россіей и Турціей по рр. Бугу и Днѣпру. Лѣтомъ того же года Неплюеву, по волѣ Остермана, пришлось быть слѣдователемъ по дѣлу кабинетъ-министра А. П. Волынскаго, о чемъ

Неплюевъ совершенно умалчиваетъ въ своихъ Запискахъ: вѣроятно непріятно и тяжело было для него воспоминаніе объ этомъ кровавомъ дѣлѣ, въ которомъ, къ величайшему сожалѣнію, и онъ былъ вынужденъ принять участіе. Я не буду входить въ подробности этого процесса, а рекомендую желающимъ ознакомиться съ ними прочитатъ IV гл. моей монографіи о Неплюевѣ; въ настоящее время замѣчу только, что покойный Е. И. Карловичъ въ своемъ сочиненіи „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“ совершенно несправедливо упрекаетъ Неплюева въ присвоеніи имъ конфискованныхъ у Волынскаго имѣній: ихъ раздѣлили по себѣ другіе; доказательства этого желающіе найдутъ въ моей книгѣ.

По окончаніи суда надъ Волынскимъ, Неплюевъ долженъ былъ отправиться на Днѣпръ для окончанія порученнаго ему дѣла о разграниченіи земель между Россіей и Турціей по рр. Бугу и Днѣпру, и съ успѣхомъ выполнилъ это дѣло. 4 декабря 1740 г. скончалась жена Неплюева Феодосья Феодоровна на 46 г. отъ роду и была погребена въ Кіевѣ, подъ Феодосіевыми пещерами внутри церкви, у землянаго вала. И. И. Неплюевъ имѣлъ отъ нея 6 человекъ дѣтей, а не двоихъ, какъ говоритъ вн. Долгоруковъ, а именно три сына (Адріана, Ивана и Николая) и три дочери (Марію, Марѳу и Анну); изъ нихъ сынъ Иванъ умеръ 7 л. въ Поддубьѣ и дочь Марѳа тамъ же, вскорѣ послѣ рожденія.

Вскорѣ послѣ смерти жены, Неплюевъ былъ вызванъ въ Петербургъ, для переговоровъ съ турецкомъ посломъ, и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и 2000 крестьянскихъ душъ въ Малороссіи. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ надъ всей Малороссіей и долженъ былъ снова оставить Петербургъ. Въ это время при Русскомъ дворѣ блистали своей красотой, умомъ и рѣдкимъ по тому времени образованіемъ фрейлины Александра Ивановна и Анна Ивановна Панины, родныя сестры графовъ П. и Н. И. Паниныхъ. Обѣ сестры были украшеніемъ Двора, а братья играли весьма видную роль въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Але-

ксандра Ивановна Панина вышла за князя А. Б. Куракина, бывшего сначала посланникомъ въ Парижѣ, а потомъ оберъ-штальмейстеромъ Двора, а Анна Ивановна 7 окт. 1741 г. повѣнчалась съ И. И. Неплюевымъ и отправилась съ нимъ въ Малороссію. Неплюеву въ это время было 47 л., а его молодой женѣ 23 года.

Не смотря на значительную разницу въ лѣтахъ, И. И. Неплюевъ легко могъ разсчитывать на расположеніе къ себѣ красавицы фрейлины: высокій, стройный блондинъ, съ прекрасными голубыми глазами и чрезвычайно тонкими чертами лица, Неплюевъ особенно располагалъ къ себѣ спокойнымъ и добрымъ выраженіемъ своего въ высшей степени умнаго и симпатичнаго лица; кромѣ того, молодой фрейлинѣ могло льстить высокое положеніе Неплюева и его заслуги отечеству.

И. И. Неплюевъ прибылъ въ Глуховъ 30 октября и поселился съ своей молодой женой въ гетманскомъ дворцѣ. Дѣти Неплюева только здѣсь познакомились съ своей мачихой, которая на 3 года была моложе старшей дочери своего мужа. Въ началѣ ноября Неплюевъ принималъ различныхъ начальниковъ и представителей Малороссійскаго казачьяго войска. Приемы служащихъ и знакомыхъ, поздравленія, семейные обѣды и вечера весело смѣняли другъ друга; счастливые супруги и не подозрѣвали того испытанія, которое ожидало ихъ впереди. Съ 24 на 25 ноября 1741 г. въ Петербургѣ произошелъ дворцовый переворотъ: младенецъ императоръ Іоаннъ Антоновичъ былъ низверженъ и корона, при помощи гвардіи, досталась дочери Петра, Елизаветѣ Петровнѣ; Остерманъ и др. лица, нежелавшія видѣть на русскомъ тронѣ Елизавету Петровну, были арестованы и преданы суду, а 3 декабря, рано утромъ, прискакалъ въ Глуховъ генераль-пригсъ-коммиссаръ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ и объявилъ Неплюеву, что онъ, по Высочайшему приказанію, отрѣшается отъ всѣхъ должностей и подъ арестомъ долженъ отправиться въ Петербургъ.

Въ Москвѣ Неплюевъ узналъ, что причиною немилости къ нему новой Императрицы послужила дружба его съ Остер-

маномъ, который намѣревался заключить Елизавету Петровну въ монастырь и былъ уже приговоренъ къ смертной казни. По прибытіи Неплюева въ Петербургъ, его лишили ордена Св. Александра Невскаго и малороссійскихъ деревень и до окончанія слѣдствія надъ Остерманомъ приказали содержать подъ арестомъ. Эта совершенно неожиданная опала не столько потрясла самого Неплюева, сколько его молодую жену; но послѣдствію Неплюевъ былъ признанъ невиннымъ въ замыслахъ Остермана. Въ началѣ 1742 г. ему было приказано явиться въ Дворецъ. Императрица обошлась съ нимъ привѣтливо и возвратила ему орденъ Св. Александра Невскаго; возложивъ его на невинно-осужденнаго собственноручно, когда она проходила въ домовую церковь, предъ которой Неплюевъ долженъ былъ ожидать ее, стоя на колѣняхъ; но малороссійскія деревни не были возвращены Неплюеву, а остались въ казнѣ и послѣ были подарены графу К. Г. Разумовскому.

Не смотря на это, Неплюевъ съ удивительнымъ терпѣніемъ и незлобіемъ отнесся къ своему положенію: „увидавъ дочь Государа“,—говоритъ онъ въ Запискахъ,—„много обожаемаго къ славѣ, ей принадлежащей, и въ лицѣ ея черты моего отца и Государа Петра Перваго, я такъ обрадовался, что забылъ и все минувшее и желалъ ей отъ истинной души всѣхъ благъ и послѣдованія ей путемъ въ Божѣ почивающаго родителя“.

Вскорѣ Неплюевъ былъ приглашенъ въ Сенатъ, гдѣ ему вручили указъ о назначеніи его командиромъ Оренбургской Коммиссіи, переименованной при Неплюевѣ въ Оренбургскую губернію. Въ силу этого указа Неплюевъ долженъ былъ привести въ надлежащее устройство башкирскій край: обезопасить границы, простиравшіяся болѣе чѣмъ на 1000 в.; обуздать грабежи киргизъ-кайсаковъ и другихъ степныхъ хищниковъ, и распространить торговлю съ Средней Азіей. Для Неплюева, занимавшаго предъ тѣмъ важныя государственныя должности, это назначеніе было замаскированной ссылкой; такъ взглянулъ на свое новое положеніе и самъ Неплюевъ, того же мнѣнія

были друзья и родственники Неплюева, проводившіе его съ горькими слезами. Но Неплюевъ былъ человѣкъ необыкновеннаго ума и слишкомъ возвышенной души, чтобы унывать, и отправился въ Оренбургъ, по его выраженію: „съ спокойнымъ по невинности духомъ“. Не такъ должно было подѣйствовать это назначеніе на его молодую жену, привыкшую къ блеску и пышности Двора и къ разнообразнымъ развлеченіямъ столичной жизни, имѣющимъ особенную цѣну и прелесть для молодой, красивой женщины. Анна Ивановна просто была въ отчаяніи. Неплюевъ замѣчаетъ относительно этого слѣдующее: „въ несчастіе такое приведенная жена моя съ самаго сего дня поверглась въ такое уныніе, что отъ того никакимъ совѣтомъ ее извлечь я не могъ, отчего и почувствовала она тяжкіе болѣзненные припадки“.

Опредѣливъ сына Николая въ кадетскій корпусъ, Неплюевъ, въ сообществѣ жены и 9 л. дочери Анны Ивановны, отправился весной 1742 г. въ новому мѣсту служенія и 24 апрѣля прибылъ въ Самару, гдѣ тогда жили главные командиры Оренбургскаго края. Много труда, разныхъ заботъ и хлопотъ ожидало здѣсь Неплюева. Въ составъ Оренбургскаго края тогда входили, кромѣ нынѣшней Оренбургской губерніи, еще губерніи: Уфимская, частію Симбирская, Самарская, часть Астраханской, Казанской, Пермской и Вятской, земля Уральскаго казачьяго войска и киргизъ-кайсацкія степи, такъ что окружность всего края равнялась $5\frac{1}{2}$ т. верстъ. На обширномъ пространствѣ этого края издавна сходились, враждовали, мирились и перемѣшивались разныя иноподчешскія племена, уступая постепенно господство надъ краемъ русскимъ. Но дорогой цѣной купила себѣ Оренбургскій край коренная Россія,—цѣною крови многихъ тысячъ людей, забутившихъ своими костями землю этого края и полившихъ ее кровью; много, очень много было пролито здѣсь русской и башкирской крови, прежде чѣмъ русскіе окончательно завладѣли этимъ краемъ.

Болѣе 200 л., съ незначительными перерывами, продолжалось здѣсь борьба русскихъ съ башкирцами, которыхъ счи-

таютъ древнѣйшими обитателями Оренбургскаго края. Многіе храбрые башкирцы, какъ Сеить, Кусюмъ, Кильмякъ-Абызь, Юсупъ, Карабашъ и др. легли головами за свою независимость въ борьбѣ съ русскими; многіе были преданы смертной казни.— Начиная съ 1735 г. по 1740 г., когда Оренбургскимъ краемъ управляли одинъ за другимъ И. К. Кирилловъ, В. Н. Татищевъ и князь В. А. Урусовъ,—въ эти 6 лѣтъ казнено и убито въ сраженіяхъ болѣе 9 т. чел., однихъ башкиръ болѣе 3 т. ч. сослано въ каторгу; роздано свыше 6 т. башкирскихъ женъ и дѣтей помѣщикамъ; сожжено около 400 башкирскихъ деревень, и взято въ штрафъ лошадей и рогатаго скота болѣе 17 тысячъ головъ. Озлобленные башкиры и помогавшіе имъ въ борьбѣ съ русскими киргизы, короламганы и др. инородцы, въ свою очередь, беспощадно мстили русскимъ: они перерѣзали въ Верхне-яицкой крѣпости всю команду; пожгли всѣ деревни около Биллярска, Заинска, Старошишиминска, Мензелинска и только 30 в. не дошли до Казани; селенія по рѣкамъ Самарѣ, Бѣлой и Камѣ были разграблены; церкви, дома помѣщиковъ и хлѣбъ были сожжены; крестьянъ убивали, уводили въ плѣнъ и продавали въ Хиву, Бухару и Крымъ; стариковъ и подростковъ дѣтей сажали живыми на колья, а иныхъ давили въ заборахъ; случилось, что остервенившіеся башкирцы не давали покоя и мертвымъ: разрывали могилы русскихъ и разбрасывали тѣла и кости умершихъ по кладбищу и дорогамъ. Вотъ въ какой край былъ назначенъ И. И. Неплюевъ, было ему надъ чѣмъ подумать, не безъ причины заливалась слезами и его молодая жена! Но, къ счастью Неплюева, сильная буря уже пронеслась надъ Оренбургскимъ краемъ ко времени его пріѣзда въ Самару, а извѣстно, что и въ природѣ послѣ бури бываетъ затишье: смолкли ружейные выстрѣлы, разсѣялся пороховой дымъ и снова проглянуло красное солнышко, любовно лаская широкія степи и обогрѣвая обитателей, оставшихся въ живыхъ. Воспользовавшись трудами своихъ предшественниковъ, Неплюевъ занялся устройствомъ Оренбургскаго края на его раз-

валинахъ, пепелищѣ и свѣжихъ могилахъ павшихъ въ ожесточенномъ бою людей, русскихъ и чужеродцевъ.

Дѣятельность Неплюева въ Оренбургскомъ краѣ, которымъ онъ управлялъ 16 л., была такъ разностороння и обширна, что могла-бы послужить предметомъ цѣлаго университетскаго спеціальнаго курса, а потому я въ настоящее время ограничусь лишь простымъ указаніемъ на разные отдѣлы этой дѣятельности. Благодаря неусыпнымъ трудамъ и энергіи Неплюева, въ Оренбургскомъ краѣ, раньше малонаселенномъ и дикомъ, заводятся новыя слободы; обрабатываются нетронутыя плугомъ земледѣльца новины; строятся во многихъ мѣстахъ православныя храмы; прокладываются дороги; наводятся мосты черезъ рѣки, овраги и гати; устраивается почтовый трактъ отъ Оренбурга и Троицка до Москвы и другихъ городовъ центральной Россіи даются льготы содержателямъ разгонныхъ и почтовыхъ лошадей; изыскиваются мѣры къ безопасности торговаго караваннаго пути въ Ташкентъ, въ Хиву, Бухару и др. мѣста Средней Азіи черезъ киргизскія степи; освобождаются тысячи плѣнныхъ изъ киргизской неволи; совершается торжественная конфирмація въ Оренбургѣ Нурали-Салтана въ киргизскіе ханы. При Неплюевѣ воздвигаются крѣпости и редуты по рѣкамъ: Сазмарѣ, Яику (Уралу), Ую, Міясу и Тоболу, съ цѣлію обороны и безопасности отъ башкирцевъ, калмыковъ, зюнгорцевъ и киргизъ; онъ же отстаиваетъ поселеніе Яицкихъ казаковъ на р. Яикѣ, вопреки мнѣнію Татищева, и вводитъ болѣе прочныя основы административнаго и военнаго устройства среди Яицкихъ (Уральскихъ) казаковъ, башкиръ, ставропольскихъ крещеныхъ калмыковъ, нагайбаковъ и др. поселенцевъ Оренбургскаго края, пришлыхъ и туземцевъ; Неплюевъ организуетъ и Оренбургское казачье войско, составивъ для него опредѣленный штатъ. Стараясь оградить безопасность каждаго закономъ, Неплюевъ преслѣдуетъ пьянство, взяточничество и отдаетъ подъ судъ за взятки уфимскаго губернатора бригадира П. Д. Ашакова, устранивъ его отъ должности. Сознавая пользу образованія, Неплюевъ заботится объ открытіи и устрой-

ствѣ школъ для инородческаго и русскаго населенія во вѣренномъ ему краѣ, а для крещеныхъ калмыкъ, по его почину, переводятся главнѣйшія молитвы и 10 заповѣдей на калмыцкій языкъ; по его же совѣту, Ставропольскій протоіерей о. Андрей Чубовскій обратился къ крещенымъ калмыкамъ съ проповѣдью на ихъ родномъ языкѣ. Для престарѣлыхъ и больныхъ солдатъ Неплюевъ устраиваетъ богадѣльни; осиротѣлыхъ башкирскихъ и калмыцкихъ дѣтей старается просвѣтити св. крещеніемъ, обучить грамотѣ и опредѣлить къ мѣсту. Будучи врагомъ лѣнтяевъ и дармоѣдовъ; онъ преслѣдуетъ нищихъ по ремеслу и заставляетъ ихъ работать. Въ 1743 г. Неплюевъ устраиваетъ нынѣшній Оренбургъ, укрѣпляетъ его стѣной и обводитъ ровомъ; онъ же заселяетъ и укрѣпляетъ Яицкую линію, простиравшуюся болѣе чѣмъ на 1000 верстъ. Чтобы улучшить экономическій бытъ жителей Оренбургскаго края, Неплюевъ указываетъ на новые источники средствъ и доходовъ для экономическаго развитія и управленія края, при чемъ обращаетъ особенное вниманіе на развитіе промышленности и торговли въ Оренбургскомъ краѣ. При немъ завязываются торговыя сношенія русскихъ съ средне-азиатскими странами и народами, дающія возможность посредствомъ сбора пошлинъ, покрывать всѣ расходы по содержанію администраціи и др. правительственныхъ функцій въ краѣ, на что прежде отпускалось до 50000 р. изъ казны. До Неплюева въ Оренбургскомъ краѣ не было ни одного завода, а при немъ устраивается 13 желѣзодѣлательныхъ и 15 мѣдеплавильныхъ заводовъ, благодаря предпріимчивости и энергіи симбирскаго купца И. Б. Твердышева, братьямъ Мосоловымъ, Мясникову и др. лицамъ, которыхъ всегда старался воодушевить, поощрить и поддержать въ ихъ предпріятіяхъ Неплюевъ. Наконецъ И. И. Неплюевъ силою своего необыкновеннаго ума разстроилъ и грандіозный планъ мещерякскаго муллы Батырши Алѣва, который задумалъ поднять противъ русскихъ весь магометанскій міръ Поволжья и Прикамья, угрожая поголовной рѣзней и грабежемъ всѣмъ православному: Батырша былъ пойманъ и заключенъ въ Шлиссель-

бургскую крѣпость, гдѣ онъ и умеръ, а бунтъ башкиръ прекратился безъ пролитія русской крови.

Утомленный трудами и заботами по управленію Оренбургскимъ краемъ, Неплюевъ просилъ уволить его отъ должности. 7 января 1858 г. въ конференціи Ея Величества состоялось предложеніе Сенату о назначеніи, вмѣсто Неплюева, другаго, а вслѣдъ за тѣмъ Неплюевъ получилъ указъ объ его увольненіи по назначеніи на его мѣсто тайнаго совѣтника Давидова. Не смотря на громадныя заслуги Неплюева, онъ въ первое время, по прибытіи въ Петербургъ, какъ-бы былъ забытъ съ его старостью, истощенными силами и даже нуждой. Въ Сенатскомъ архивѣ, въ С-Петербургѣ, доселѣ хранится прошеніе Неплюева на имя Императрицы Елизаветы Петровны, изъ коего видно, что Неплюевъ, по приѣздѣ въ Петербургъ, не получалъ даже положеннаго ему по чину дѣйствительнаго т. с. жалованья въ теченіе почти полугода, начиная съ 1 мая, что и заставило его обратиться съ прошеніемъ на Высочайшее имя. Въ этомъ прошеніи, между прочимъ, говорится: „Не получая жалованья, яко не богатый человекъ, къ содержанію по чину моему крайній недостатокъ имѣю“.—Государыня приказала немедленно удовлетворить законную просьбу Неплюева. Приверженцы легкой и скорой наживы, злостные банкроты, безсердечные кулаки, хищники башкирскихъ земель, взяточники, лихоимцы и вообще поклонники золотого тельца, по меньшей мѣрѣ, назвали-бы Неплюева Ч у д а к о м ъ, который не умѣлъ воспользоваться обстоятельствами и своимъ положеніемъ для обезпеченія себя не только „къ приличному содержанію по чину“, а и къ удовлетворенію всѣхъ прихотей чрезмѣрной роскоши и блестящей обстановки въ жизни. Но Неплюевъ, считавшій службу Отечеству службой Богу, трудился, по выраженію Петра Великаго, „не изъ мзды, а изъ утѣшенія совѣсти и нравственнаго служенія долгу“. Заботясь объ увеличеніи доходовъ казны и торговопромышленнаго класса, а также объ экономическомъ благосостояніи крестьянъ, онъ лично довольствовался самымъ необходимымъ въ его поло-

женіи,—черта въ высшей степени благородная и симпатичная въ Неплюевѣ!

По прибытіи въ Петербургъ, Неплюевъ болѣе года оставался безъ должности, нуждаясь въ спокойствіи и отдыхѣ послѣ неимоверныхъ трудовъ по организаціи Оренбургскаго края. Оправившись отъ болѣзни и отдохнувъ, Неплюевъ въ 1760 г., не смотря на свои преклонные года, снова поступилъ на службу въ званіи сенатора и конференцъ-министра. Предполагая, можетъ быть, навсегда поселиться въ Петербургѣ, онъ купилъ себѣ домъ, на Сѣнной близъ церкви Христа Спасителя, и сдѣлалъ въ нему значительный пристрой, но этотъ домъ скоро сгорѣлъ. Въ октябрѣ 1761 г. Неплюевъ купилъ другой домъ на Милліонной улицѣ и дачу у княгини Н. Ѳ. Долгоруковой, находившуюся въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, повыше р. Тосны, близъ пороговъ по р. Невѣ. Въ кратковременное царствованіе Петра III дѣятельность Неплюева ничѣмъ особеннымъ не проявилась: „бывалъ я (говоритъ онъ въ Запискахъ) у моего должности ежедневно, но нѣмымъ: ибо никто уже и мнѣнія моего не требовалъ“. Екатерина Великая, вступивши на престолъ, сразу оцѣнила Неплюева и приблизила его къ себѣ. Полагаясь на его опытность и необыкновенный умъ, она поручала Неплюеву, во время своихъ отлучекъ изъ Петербурга всѣ столичные войска въ полное его распоряженіе, вела съ нимъ частную переписку и даже вѣряла его заботамъ и попеченію своего сына, Цесаревича Павла Петровича. Сознывая труды и заслуги Неплюева, Екатерина II наградила его орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, назначила президентомъ Сенатской Канторы и положила ему сверхъ жалованья по 500 р. въ мѣсяцъ на столъ. Но не долго пришлось служить Неплюеву при Екатеринѣ Великой: силы его слабѣли, ослабѣло и зрѣніе, а потомъ онъ и совершенно ослѣпъ. Чувствуя, что онъ болѣе не можетъ служить, Неплюевъ рѣшился просить у Государыни чистую отставку. Однажды, въ Воскресенье, онъ лично явился къ Императрицѣ съ просьбой объ увольненіи его отъ службы. Когда слѣпаго старца подвели къ Государынѣ, она усадила его подлѣ

себя и, предъугадывая его намѣреніе, сказала: „Я разумѣю тебя, Иванъ Ивановичъ! ты, конечно, хочешь проситься въ отставку, но воля твоя—я прежде тебя не отставлю, пока ты не отрекомендуешь мнѣ на свое мѣсто человѣка съ такими же достоинствами, съ какими ты“.—Неплюевъ, разстроганный до слезъ, взволнованнымъ голосомъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, Государыня, мы—ученики Петра Великаго; проведены имъ сквозь огонь и воду; инако воспитывались, инако думали и инако вели себя, а нынѣ инако воспитываются, инако мыслятъ и инако ведутъ себя. Итакъ я могу ни за кого, ниже за сына моего, ручаться“.—Передавая объ этомъ въ своихъ Запискахъ, Неплюевъ замѣчаетъ: „тутъ всѣ были, но мнѣ что за нужда! Я сказалъ, что чувствовалъ“.

Императрица, не смотря на свое желаніе удержать Неплюева на службѣ, приняла отъ него прошеніе, и онъ вскорѣ былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей, гражданскихъ и военныхъ, получивъ въ награду за вѣрную, честную, многопользную и продолжительную службу отечеству 20000 р. деньгами и нѣсколько деревень въ Малороссіи, какъ-бы въ замѣнъ отнятыхъ у него раньше, 2000 д. по дѣлу Остермана.

Послѣ этого Неплюевъ нѣсколько времени жилъ въ Петербургѣ частнымъ человѣкомъ. Каждый день утромъ онъ бывалъ за обѣдней въ своей домово́й церкви; затѣмъ принималъ друзей и знакомыхъ; особенно часто навѣщали его графы Чернышевы и Панины, князь А. А. Вяземскій, Нарышкинъ, Мещерскіе и др.; не забывала старика и сама Государыня, которая иногда обѣдала у него, какъ говорится, за-просто, посемейному. Въ 1765 г. Неплюевъ, въ сопровожденіи сына Н. И., отправился въ Поддубье поклониться праху своихъ родителей и помолиться объ упокоеніи ихъ душъ; затѣмъ, проживъ въ Поддубьѣ 11 дней, онъ чрезъ Москву выѣхалъ въ Малороссію, а Н. И. возвратился въ С.-Петербургъ. Въ началѣ февраля того же года, Неплюевъ прибылъ въ Янполь, гдѣ вскорѣ заболѣлъ и написалъ о томъ сыну. Н. И. навѣстилъ больного отца и, видя его слабость, уговорилъ переѣхать въ Петербургъ.

чтобы жить съ нимъ вмѣстѣ. Въ январѣ 1766 г. Неплюевъ переѣхалъ въ Петербургъ и поселился было здѣсь на дачѣ; но ему скоро надоѣла бездѣятельная дачная жизнь, и онъ отправился въ свое родное село Поддубье, гдѣ заложилъ храмъ и, при помощи другихъ, занялся хлѣбосѣвомъ, а въ свободное время слушалъ чтеніе книгъ, для чего держалъ при себѣ особыхъ двоихъ чтецовъ. Впрочемъ новости и газеты его уже не интересовали; онъ самъ говорить: „о нихъ я уже не желалъ слышать, потому что считаю себя уже отшедшаго отъ міра“. Но И. И. и въ это время не жилъ затворникомъ: домъ его всегда былъ самымъ хлѣбосольнымъ пріютомъ для постороннихъ лицъ. Сосѣднее дворянство особенно любило посѣщать старика Неплюева, спрашивало его опытныхъ совѣтовъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни и находило большое удовольствіе слушать его рассказы о быломъ, а извѣстно, что старики гораздо лучше вспоминаютъ то, что случилось давнымъ-давно, чѣмъ то, что было недавно: И. И. рассказывалъ о былыхъ временахъ съ такимъ оживленіемъ и съ такими подробностями, какъ будто бы это было вчера. 24 іюня 1772 г. былъ освященъ построенный Неплюевымъ въ Поддубьѣ каменный храмъ, въ которомъ онъ указалъ себѣ и мѣсто для могилы. Въ слѣдующемъ году сынъ Неплюева, Н. И. получилъ чинъ д. ст. сов. и былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Сената, а внукъ его И. Н., получившій блестящее образованіе за границей, произведенъ въ секундъ-маіоры гвардіи. Неплюевъ, узнавъ о томъ и о бракосочетаніи Наслѣдника престола Павла Петровича, отправился, поддерживаемый подъ руки другими, въ новопостроенный храмъ, въ сопровожденіи бывшихъ у него гостей, и здѣсь попросилъ священника отслужить съ волѣнопреклоненіемъ благодарственный Господу Богу молебень о ниспосланіи благословенія Божія на новобрачныхъ, чтобы Господь, милуя Россію, „утвердилъ корень ихъ во вѣзъ вѣковъ“.— „Сколь ни усилились мои болѣзненные припадки, и сколько я уже былъ ни безнадеженъ о моей жизни“,—замѣчаетъ по этому случаю Неплюевъ,—„однако таковыя извѣстія наполняли меня

радостью, что судилъ мнѣ Господь Богъ дожидаться сего въ старости моей“.

Въ октябрѣ того же 1773 г. Неплюевъ, чувствуя необыкновенный упадокъ силъ, сталъ приготовляться къ смерти: „Се уже приближается вѣкъ мой“, писалъ онъ сыну: „слабость тѣла и памяти предвѣщаетъ разрушеніе всего тѣла, въ чемъ я предаюсь судьбамъ Вышняго; ожидаю смерти съ должнымъ повиновеніемъ и, на сколько возможно человѣку, сповойнымъ духомъ“. Недѣли за двѣ до своей кончины, Неплюевъ въ послѣдній разъ продиктовалъ слѣдующее письмо своему сыну:

„Николай Ивановичъ! Сохраняй св. вѣру, вразумляй о той дѣтей своихъ; исполняй, по возможности, заповѣди Господа. Онъ Всевышній есть Источникъ всѣхъ благъ, небесныхъ и земныхъ, и вѣруй въ Него никогда не постыдится. Сохраняй въ совершенствѣ вѣрность твою къ Ея Величеству и къ учреждаемымъ отъ Нея и чрезъ Нее наслѣдникамъ; соблюдай правду во всѣхъ твоихъ дѣлахъ и поступкахъ, хотя бы иногда и непріятное что тебѣ за то понести случилось; вѣдай, что Богъ и ея Величество правды твоя будутъ покровители,—если не въ это время, то послѣ тебѣ черезъ нихъ откроется. Люби свое отечество и, въ защищеніе того пользы, не щади не только благосостоянія, но и жизни. Подчиненнымъ твоимъ и, паче, крестьянамъ будь больше отецъ, нежели господинъ, имѣя присно въ памяти слово Божіе! „милости хочу, а не жертвы“, и что они такіе же люди, какъ и ты, кромѣ чиновъ и власти, данной тебѣ гражданскими законами. Наконецъ скажу: умѣрай свою вспыльчивость; она не токмо твоему здоровью вредна, но и познанію каждаго дѣла въ точномъ его видѣ препятствуетъ“. Въ концѣ своего письма, Неплюевъ, обращаясь съ молитвою къ Богу, говоритъ: „Къ Тебѣ, Отецъ щедротъ и милосердія, обращаю молитву мою: сохрани его, дѣтей его и весь родъ мой, и вразуми ихъ совершить теченіе сея жизни Тебѣ угодное, въ вѣрности къ Нашей Государынѣ и въ пользу Отечества“. Письмо заканчивается словами: „Еще

прости, мой любезный сынъ Н. И.; мысленно тебя обнимаю, цѣлюю,—да будетъ благодать Господня надъ тобою!“

Больной и ослабѣвшій старецъ цѣлые три дня диктоваль это письмо, а писали его жившіе при немъ племянники кн. Андрей Ивановичъ Мышецкій и Василій Васильевичъ Татищевъ; самъ И. И. Неплюевъ, при помощи Мышецкаго, только подписался.—Письмо было послано съ нарочнымъ въ Петербургъ 29 октября, а въ ночь на 30 октября сдѣлался съ Неплюевымъ жаръ и только на разсвѣтѣ онъ какъ-бы немного забылся; когда же очнулся, прежде всего спросилъ: „уѣхаль-ли человекъ съ письмомъ въ Петербургъ?“—Спустя дня три послѣ этого, И. И., чувствуя нѣкоторое облегченіе, громко спросилъ: „Кто тамъ стучить? Не пріѣхаль-ли Н. И.?—Но зачѣмъ ему ко мнѣ ѣхать?“ продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собою: „я съ нимъ уже простился и все, что имѣлъ, сказалъ и что бы теперь сказать ему могъ?—Уже ничего не осталось“.—Помолчавъ немного, старецъ снова заговорилъ, глубоко вздохнувши: „еслибы онъ и пріѣхалъ, то, кромѣ огорченія себѣ, ничего не найдетъ,—я знаю его нѣжное чувство: онъ, увидя меня въ таковой уже слабости, можетъ повредить своему здоровью, а меня своимъ присутствіемъ—отвлечь отъ моего дома“.

Говоря эти слова, И. И. обливался горькими слезами и съ глубокой вѣрой въ Бога воскликнулъ: „Ты Боже, ниспошли ему свою милость!“

Въ тотъ же день И. И., какъ истинный, убѣжденно и глубоко вѣрующій христіанинъ, попросилъ священника отслужить обѣдню и, раскаявшись чистосердечно въ своихъ человѣческихъ слабостяхъ, съ вѣрою и надеждою на милосердіе Божіе, пріобщился св. Тайнъ. Послѣ этого, больной въ теченіе цѣлой недѣли почти не поднималъ уже своей головы,—и только утромъ 11 ноября спросилъ: „будетъ-ли сегодня обѣдня?“—Когда ему сказали, что обѣдня будетъ отслужена, онъ съ глубокимъ смиреніемъ и тихою грустью проговорилъ: „помолитесь обо мнѣ грѣшномъ“! и вслѣдъ затѣмъ тихо и спокойно опочилъ вѣчнымъ сномъ. Не смотря на то,

что И. И. умеръ на 81 г. своей жизни, лицо его даже въ гробу сохранило слѣды нѣкогда дивной красоты, какъ свидѣтельствуемъ одинъ изъ присутствовавшихъ при его погребеніи; его положили въ гробъ въ мантии и цѣпи кавалеровъ ордена Св. Андрея Первозваннаго. Неплюевъ еще при жизни самъ сдѣлалъ подробныя наставленія относительно церемоніи погребенія и даже самъ продиктовалъ надгробную надпись. Погребеніе было совершено въ 9 день послѣ его кончины; гробъ былъ поставленъ въ указанномъ имъ еще при жизни мѣстѣ, внутри Поддубскаго храма, сдѣланнаго съ тѣхъ поръ фамильнымъ склепомъ рода Неплюевыхъ. Въ глубинѣ этого храма противъ алтаря, на лѣвой сторонѣ, доселѣ возвышается гробъ изъ лиловатаго камня, покрытый черною чугуною плитою, съ выпуклыми изображеніями человѣческихъ костей и черепа и съ слѣдующею надписью: „Зрите! Вся та тщетная слава, могущество и богатство исчезаютъ, и все то покрываетъ камень, тѣло же истлѣваетъ и въ прахъ обращается. Здѣсь лежитъ тѣло дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалера Ивана Неплюева. Умеръ въ селѣ Поддубѣ 80 лѣтъ и 6 дней, ноября 11 дня 1773 г.“

Такъ закопчилъ свою трудовую жизнь этотъ замѣчательный государственный человѣкъ! И. И. Неплюевъ былъ не только мудрый дипломатъ, энергичный и умный колонизаторъ, талантливый администраторъ, храбрый и опытный морякъ, искусный инженеръ, но и прекрасный отецъ семейства, искренно и убѣжденно вѣрующій христіанинъ,—это былъ человѣкъ не подкупный чести, который никогда ни отъ кого ничего не взялъ, и никто не смѣлъ никогда къ нему явиться съ какими-либо подарками; но доступъ до него былъ открытъ каждому, и всякаго онъ выслушивалъ со вниманіемъ и удивительнымъ терпѣніемъ. Интересы отечества онъ предпочиталъ своей жизни и благосостоянію, держась неуклонно правила служить Россіи до послѣдняго изнеможенія силъ, а потому и не сносны были ему всѣ, особенно въ молодыхъ лѣтахъ оставляющіе службу. Умирая, онъ просилъ „помолиться о немъ“;—и по-

томство помнить этотъ завѣтъ: жители городовъ и сель Оренбургскаго края не разъ молились объ упокоеніи его души. Не забудемъ еще одного желанія И. И. Неплюева. Онъ завѣщаль своему сыну быть „въ отношеніи къ подчиненнымъ своимъ, особенно же къ крестьянамъ болѣе отцемъ, чѣмъ господиномъ, не забывая, что они такіе же люди, какъ и онъ, кромѣ чиновъ и власти, данной ему гражданскими законами“, Неплюевъ какъ-бы предвидѣлъ необходимость помощи крестьянину со стороны интеллигентнаго человѣка. Внутреннія реформы минувшаго и настоящаго славнаго царствованія призвали къ совмѣстной дѣятельности на пользу народа всѣ классы общества. Духовенство, дворянство, земство, интеллигентный классъ,—всѣ дружно работаютъ на родной нивѣ, заботясь объ экономическомъ, умственномъ и религіозномъ развитіи простаго народа, силу и значеніе котораго такъ вѣрно и мѣтко опредѣлилъ гений нашего баснописца: „съ новою весною листъ новый народится, а если корень изсушится,—не станетъ дерева, ни вась“ (Листы и Корни), да и пословица говорить: „не будетъ пахатника,—не будетъ и бархатника“.— Не забудемъ совѣта И. И. Неплюева „помогать“ нашему ратаю полей и пожелаемъ, чтобы Русь не оскудѣвала такими умными, сердечными и религіозными тружениками, какимъ былъ вѣчнопамятный И. И. Неплюевъ!—Отъ лица всѣхъ, собравшихся здѣсь моихъ сочленовъ, обращаюсь къ тебѣ, великій государственный мужъ нашего Отечества! Миръ праху твоему, вѣрный и честный слуга Русскихъ Царей и Отечества, и царство небесное многотрудившейся душѣ твоей, глубокоовѣрующій христіанинъ и вѣрный членъ Св. Православной Церкви! Съ любовью и благодарностію шлемъ привѣтъ тебѣ съ земли на небо, будучи увѣрены въ твоей искренней и пламенной любви къ Россіи и въ загробной жизни, но „за могилой рѣчь безмолвна“!....

В. Н. Витевскій.

4 ноября 1893 г.
г. Казань.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ФИНАНСОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОЛОНИЗАЦОННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА ИВАНОВИЧА НЕПЛЮЕВА.

„Мы Петра Великаго ученики“...

Дѣнь день двухсотлѣтняго юбилея памяти Ивана Ивановича Неплюева, мнѣ хотѣлось бы подвести итоги его колонизаторской дѣятельности. Эта дѣятельность обстоятельно разработана въ специальной исторической литературѣ ¹⁾ и мнѣ нѣтъ нужды на юбилейномъ засѣданіи нашего общества утомлять Ваше вниманіе подробностями этихъ итоговъ. Я могу обѣщать только самую общую характеристику тѣхъ средствъ, какія были употреблены И. И. Неплюевымъ для успѣха русской колонизаціи въ Закамскомъ краѣ, и тѣхъ результатовъ, къ какимъ привели эти средства; но, чтобы по справедливости оцѣнить то и другое, средства и результаты, необходимо знать, съ чѣмъ и съ кѣмъ Ивану Ивановичу Неплюеву пришлось имѣть дѣло.

---

¹⁾ Ешевскій: «Русская колонизація Сѣверо-Восточнаго края» и его же: «Очеркъ царствованія императрицы Елизаветы Петровны», Н. А. Фирсовъ: «Иностранческое населеніе прежняго Казанскаго царства»; Витевскій: «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край».

Прежде всего,—что это за край, управлять которымъ послало Неплюева Елизаветинское правительство?

Это—обширная страна между Камой, Волгой, Каспійскимъ моремъ и Уральскимъ горнымъ хребтомъ. Только сѣверная часть этой страны изобиловала лѣсомъ, приблизительно до Самары, а остальное пространство представляетъ степь, примыкающую на юго-востокъ къ пескамъ Средней Азіи.

Русская колонизація этой окраины началась вскорѣ послѣ подчиненія восточныхъ татарскихъ царствъ, — Казанскаго и Астраханскаго, — Московскому государству; но въ началѣ движеніе русскаго населенія въ Яицкія степи не только не встрѣчало одобренія со стороны московскаго правительства, но даже прямо шло въ разрѣзъ съ его видами. Колонизація огромныхъ пространствъ за Волгой и Камой была вовсе не въ интересахъ Московскаго государства въ XVI и XVII стол., страдавшаго не избыткомъ населенія, а его недостаткомъ и, притомъ, почти полнымъ отсутствіемъ широкой промышленной предприимчивости.

Но такъ какъ, кромѣ того, Московское государство болѣло и другими общественными болѣзнями, то колонизація, по необходимости, сдѣлалась „вольной“. Новыя мѣста начали заселять люди, убѣжавшіе изъ государства и назвавшіе себя „вольными людьми“. Съ тихаго Дона избытокъ такихъ бѣглецовъ перекочевалъ на широкую Волгу, а съ Волги—на укромный Яицъ. Казацкія общины, созданныя этими любителями степного простора, заняли на окраинахъ весьма двусмысленное положеніе. Онѣ называли себя подданными „великаго государя московскаго“,—особенно, если имъ удавалось казое-либо предпріятіе противъ сосѣднихъ государствъ или враждебныхъ Россіи инородцевъ: тогда казаки настойчиво заявляли о своемъ подданствѣ, рассчитывая получить жалованье отъ великаго государя за службу; но зато въ другое время казаки считали себя вполне независимыми отъ Москвы и въ такіе моменты въ глазахъ московскаго правительства являлись „ворами“ или „воровскими казаками“, противъ которыхъ посылались царскіе

воеводы для наказанія ихъ за разбой. Независимѣ другихъ казацкихъ общинъ вела себя та, которая осѣла на Яикѣ, потому-что эта община наиболѣе была отдалена отъ надзора московской администраціи, очень слабой въ тѣ времена на окраинахъ. Вплоть до разинскаго мятежа яицкіе казаки *de facto* совершенно не признавали надъ собой московской власти. Община, принявъ въ свой составъ довольно значительный инородческій элементъ, управлялась обычнымъ правомъ казацкихъ круговъ, съ ихъ выборными излюбленными начальными людьми, правомъ, приравленнымъ къ условіямъ общественнаго казацкаго хозяйства. Все богатство яицкихъ казаковъ заключалось въ рѣкѣ, изобиловавшей рыбой, и вотъ кормилецъ—Яикъ явился центромъ, къ которому тянулись всѣ нити правовыхъ нормъ, стремившихся къ возможно безпристрастному дѣлежу общиннаго богатства. Московское правительство, кососмотрѣвшее на фактическую независимость яицкихъ казаковъ, рѣшило подкопаться подъ ихъ экономическое благосостояніе. Въ половинѣ XVII ст., по приказанію государя, на устьѣ Яика былъ построенъ служилыми людьми Гурьевъ городокъ, и сдѣланъ учугъ въ рѣкѣ: городокъ началъ заграждать яицкимъ казакамъ путь къ ихъ грабительскимъ операціямъ на Каспійскомъ морѣ, а „учугъ“ или „перебой“ началъ заграждать путь рыбѣ, идущей изъ моря вверхъ по рѣкѣ. Казаки почувствовали, что родная почва заколебалась подъ ними. Они инстинктивно понимали, что на нихъ надвигается сила, по своей сущности враждебная ихъ волѣ и обычному праву, сила государственности противъ своеволія.

Но, не смотря на то, что при Петрѣ Великомъ яицкое войско было втиснуто въ категорію служилыхъ людей, пользы отъ нихъ государству было немного, потому что Императоръ Петръ не кончилъ устройства казацкаго войска на новыхъ началахъ, а послѣ него представителямъ верховной власти было не до казацкихъ дѣлъ, когда ихъ собственныя—были болѣе, чѣмъ сомнительны. Между тѣмъ, устройство яицкой общины и окончательное обращеніе казаковъ въ слугъ прави-

тельства было тѣмъ болѣе своевременно, что они могли бы помочь русской мѣстной администраціи въ другомъ, еще болѣе важномъ, государственномъ дѣлѣ, — въ дѣлѣ умиротворенія инородцевъ въ Оренбургскомъ краѣ, которые доставляли правительству множество величайшихъ хлопотъ.

Такъ называемый Закамскій край съ давнихъ временъ былъ населенъ татарами, башкирами, киргизами и др. инородцами. Всѣ эти инородцы платили ясакъ правительству, и это обстоятельство сдѣлалось причиной появленія въ ихъ средѣ сначала только однихъ служилыхъ людей для сбора „даней“, а затѣмъ и русскихъ промышленниковъ. Тѣ и другіе очень нерѣдко вызывали возстанія инородцевъ противъ русской власти; изъ всѣхъ инородцевъ, наиболѣе неукротимыми и всегда готовыми составить заговоръ противъ русскихъ, были башкиры. „Оный Башкирскій народъ, — пишетъ хорошо его узнавшій И. И. Неплюевъ, — съ начала подданства царю Ивану Васильевичу, по ихъ природному звѣрству, прежде бытности моей, въ разныя времена бунтовалъ 6 разъ“. Если мы ко всему сказанному прибавимъ, что русское населеніе въ Оренбургскомъ краѣ было незначительно, крѣпостей, особенно по яицкой линіи, было тоже немного, да и тѣ въ неисправности, то мы составимъ себѣ приблизительное понятіе о полной неустойчивости русскаго вліянія на юго-восточной окраинѣ до Неплюева, несмотря на усердную здѣсь дѣятельность его предшественниковъ — Кириллова и Татищева.

Итакъ, теперъ мы можемъ болѣе или менѣе ясно представить себѣ эту обширную территорію, на которой совершенно затерялись русскія поселенія или убогія крѣпостцы съ заборами „изъ плетня“ и земляными валами; по этой территоріи кочуютъ полудикіе народцы, всегда, при первомъ удобномъ случаѣ, готовые перерѣзать ничтожные гарнизоны еще болѣе ничтожныхъ крѣпостей и перейти за „Камень“, навсегда, такимъ образомъ, разставшись съ Россійскою Имперіей; только въ одной части этой территоріи замѣтны слѣды энергичной жизни, несмущающейся сосѣдствомъ кочевниковъ: это — Яицкій городокъ

и прилегающія къ нему казація станицы; но тамъ слышатся постоянныя угрозы по старому адресу,—къ „Москвѣ“,—слышатся призывы: оставить родину и переселиться въ киргизскія степи для независимаго существованія. Словомъ, намъ необходимо представить картину края, почти нетронутаго земледѣльческой и промышленной культурой, съ колеблющимися и враждебными русскому правительству элементами.

Такимъ образомъ, состояніе Оренбургскаго края ставило передъ Неплюевымъ трудную и сложную задачу: 1) колонизировать и культивировать край и 2) приручить найденное имъ здѣсь населеніе къ русской власти и навсегда закрѣпить его за территоріей. Трудность этого дѣла будетъ для насъ еще болѣе понятна, если мы примемъ въ соображеніе, что первая часть означенной задачи стояла на первыхъ порахъ въ радикальномъ противорѣчьи со второй. Нужно помнить, что казачье и инородческое населеніе и отнеслось къ русской власти особенно враждебно съ тѣхъ поръ, какъ увидѣло, что правительство намѣрено, какъ можно тѣснѣе, сплотить юго-восточную окраину съ ядромъ государства административными и культурными способами. По правительственному плану, распространеніе русской культуры въ этихъ дикихъ степяхъ должно было содѣйствовать возвышенію въ нихъ административнаго режима, и будущее вполне оправдало этотъ естественный планъ устройства Оренбургскаго края; но на первыхъ порахъ культурная колонизація вызвала рѣзкій степной протестъ, такъ какъ она неизбѣжно потребовала отчужденія инородческихъ земель въ пользу русскихъ промышленныхъ людей. Кромѣ того, вопросъ колонизаціи осложнялся еще тѣмъ, что административный режимъ, къ которому колонизація стремилась, одинаково былъ ненавистенъ и „вольному“ казачеству, и инородцамъ. Съ этой точки зрѣнія интересы обоихъ элементовъ степи были солидарны.

Неплюевъ понялъ, что для успѣха административной и культурной дѣятельности въ край необходимо прежде всего разъединить интересы казаковъ и инородцевъ: пріохотить пер-

выхъ къ государственной службѣ и при ихъ помощи дѣйствовать на вторыхъ. Неплюевъ видѣлъ, что казаки гораздо болѣе могутъ помочь ему въ дѣлѣ военной колонизаціи края, чѣмъ переселенныя сюда малочисленныя и не привыкшія къ мѣстнымъ условіямъ регулярныя войска. Но, чтобы пріохотить казаковъ дѣйствовать за одно съ намѣреніями русской власти, необходимо было показать имъ, что правительство заботится объ ихъ благосостояніи, необходимо было привлечь казаковъ къ обще-русской работѣ въ странѣ не репрессаліями, а экономическими льготами. Это убѣжденіе и было положено Неплюевымъ въ основу его заботъ объ яицкомъ войскѣ. Неплюевъ хорошо зналъ, въ чемъ заключается большое мѣсто общественнаго хозяйства яицкихъ казаковъ,—именно въ существованіи казенныхъ учуговъ на устьѣ Яика. Это-то большое мѣсто Неплюевъ рѣшился залѣчить съ условіемъ, чтобы казаки заплатили за это добротной службой государству. Онъ обѣщаль за казацкую службу отпереть гурьевскіе учуги на восемь сажень отъ каждаго берега. Эти учуги на столько подрывали яицкое хозяйство, что довольно было такого скромнаго, одобреннаго правительствомъ, предложенія Неплюева, чтобы казаки съ готовностью согласились не только защищать такъ называемую Ниже-Яицкую линію, но и соорудить на свой счетъ двѣ крѣпости съ постоянными казацкими гарнизонами по 500 человѣкъ. Дѣло пошло на ладъ: узелъ военной колонизаціи началъ завязываться весьма успѣшно. Чтобы еще болѣе связать интересы казаковъ съ интересами правительства, Неплюевъ выхлопоталь у него для нихъ ежегодную субсидію въ 2,000 руб., которую они начали получать въ добавленіе къ опредѣленному имъ жалованью. Вѣрный своему убѣжденію, Неплюевъ пошелъ въ своихъ заботахъ объ яицкомъ войскѣ даже дальше правительства, не согласившагося съ его предложеніемъ отдать гурьевскіе учуги яицкому войску въ вѣчное владѣніе и, притомъ, безъ платежа оброка и пошлинъ; но зато Неплюеву удалось провести другую мѣру своей дальновидной политики, именно: названныя учуги, вмѣстѣ съ рыбными ловлями, съ

таможенными и питейными сборами, были отданы въ содержаніе яицкому войску съ платой въ казну за то и другое по 5,446 р. 79 к. въ годъ, что было очень выгодно и казацкой общинѣ и правительству. Эта политика Неплюева была столько же гуманна, сколько и правична. Она положила рѣзкую грань между казаками и инородцами въ ихъ отношеніяхъ къ русской администраціи. Казаки, ясно увидавъ, на чьей сторонѣ лежатъ ихъ интересы, начали усердно охранять русскія поселенія отъ инородцевъ и даже быстро подчинились тому устройству ихъ общины, которое было введено Неплюевымъ и которое во многомъ рѣшительно расходилось со старинными казацкими обычаями; довольно указать на то, что войсковою атаманъ яицкихъ казаковъ былъ поставленъ подъ „команду“ оренбургскаго губернатора.

Такимъ образомъ, одинъ изъ вопросовъ программы, зародившейся еще въ умѣ Петра Великаго, если и не былъ рѣшенъ окончательно, то во всякомъ случаѣ, для его успѣшнаго разрѣшенія были выдвинуты наиболѣе удачныя средства. Благодаря этимъ средствамъ, Неплюевъ могъ твердо повести дѣло военной колонизаціи. Прѣжнее топографическое направленіе этой колонизаціи, намѣченное Кириловымъ, Неплюевъ нашелъ весьма удовлетворительнымъ, но онъ значительно увеличилъ число крѣпостей, благодаря полученной имъ самимъ возможности располагать мѣстными казацкими силами.

Одобривъ общее направленіе укрѣпленій, Неплюевъ не нашелъ, однако, удобнымъ главный пунктъ ихъ, основанный Кириловымъ подъ именемъ „Оренбурга“ на верховьяхъ Яица,—пунктъ, дѣйствительно, весьма неправично выбранный, главнымъ образомъ вслѣдствіе его отдаленности отъ той опорной силы, которую Неплюевъ положилъ въ основу колонизаціи, отъ Яицкаго казачества. Вслѣдствіе этого и другихъ недостатковъ Кириловскаго Оренбурга („недовольство“ лѣса, вредныя испаренія и т. д.), Неплюевъ разжаловалъ этотъ пунктъ изъ Оренбурга въ Орскую крѣпость, а Оренбургъ перенесъ на 200 верстъ ниже по Яику, къ рѣчкѣ Савмаркѣ. Стратегиче-

ское достоинство Неплюевского Оренбурга несомнѣнно: онъ находился почти въ центрѣ тѣхъ укрѣпленныхъ линій, которыми киргизы были отдѣлены отъ башкирцевъ, запертыхъ крѣпостями, какъ въ западнѣ, между Камой, Волгой и Яикомъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя было ожидать отъ привыкшаго къ мятежамъ, энергичнаго башкирскаго народа, чтобы онъ безъ борьбы подчинился своему положенію.

Теперь къ прежнимъ причинамъ волненія башкирцевъ,— причинамъ, сводившимся къ давленію со стороны представителей русской администраціи, присоединились новыя, которыя заключались въ сильномъ развитіи здѣсь промышленной колонизаціи. Мысль объ отысканіи руды въ башкирскомъ краѣ принадлежитъ Петровскому времени; ее старался примѣнить къ дѣлу Кирилловъ, но дѣло шло плохо до Неплюева, который имѣлъ полное право въ послѣдствіи говорить: „Во многихъ мѣстахъ лежащіе отъ начала праздно въ нѣдрахъ земныхъ минераллы стараніемъ моимъ были открыты, а посему явились желающіе заводить разные заводы, коихъ польза, какъ общая, такъ и частная заводчиковъ всѣмъ уже извѣстна“.

Впрочемъ, прежде чѣмъ случилось это, Неплюеву пришлось выдержать борьбу съ Бергъ—коллегіей, управлявшей горно-заводской промышленностью и доказывавшей центральному правительству, что разработка праздно лежащихъ „подземныхъ богатствъ“ должна находиться въ рукахъ казны. Неплюевъ, напротивъ, доказывалъ, что въ интересахъ послѣдней слѣдуетъ отдать это дѣло въ руки частныхъ лицъ; споръ былъ рѣшенъ сенатомъ въ пользу Неплюевского мнѣнія, и вотъ въ Оренбургскомъ краѣ, съ легкой руки симбирскаго купца Твердышева, получившаго за успѣшную эксплуатацію „нѣдръ земныхъ“ дворянское званіе, и настоящіе дворяне обратились къ выгодному промыслу, доставившему Твердышеву, кромѣ дворянства, и весьма большое богатство; на башкирскихъ земляхъ появились заводы графовъ Шуваловыхъ, Сиверса, Строганова, генераль-прокурора Глѣбова, дворянъ Демидовыхъ и др., съ огромнымъ количествомъ приписанныхъ къ этимъ

привилегированнымъ заводамъ государственныхъ крестьянъ. Вообще, со времени зарожденія въ юго-восточной окраинѣ культурно-экономической дѣятельности, правительство начало не только вызывать и насильно переселять сюда колонистовъ, но и очень снисходительно смотрѣть на бѣглыхъ, разъ они пріютились на мѣдныхъ или желѣзныхъ заводахъ.

Правительство отлично стало понимать, какую значительную выгоду доставить край государственному и народному хозяйству, когда природные дары Башкиріи будутъ широко разработаны.

Однако сама Башкирія всѣми этими колонизаторскими стремленіями русскихъ была настроена далеко не мирно. Явились русскіе,—исконные ея враги,—уже не для того только, чтобы получить ясакъ и затѣмъ уйти въ свои острожки, не захватывавшіе много земли; нѣтъ,—эти люди пришли основательно поселиться въ Башкиріи, отнять у свободнаго народа его лѣса и степи, взрыть ихъ родныя земли по всѣмъ направленіямъ и создать совершенно иной складъ жизни, соясѣмъ не похожій на обычаи кочевника. Наблюдатель и хорошій знатокъ Башкирскаго края въ тѣ времена, капитанъ Рычковъ, свидѣтельствуетъ, что башкирскій народъ „ничто столь много не уважаетъ и не берзжетъ, какъ старинныя свои вотчинныя земли и отхожія, т. е. лѣсныя угоды“. Отсюда можно заключить, что ненависть, которую башкирцы сначала затаили въ своихъ сердцахъ, а потомъ свирѣпо выразили въ открытомъ мятежѣ противъ русскихъ, вытекала, главнымъ образомъ, изъ экономическихъ причинъ, изъ условій промышленной русской колонизаціи и соединеннаго съ ней перехода башкирскихъ земель въ руки людей, причипавшихъ имъ вдобавокъ всевозможныя вымогательства. Это очень хорошо понимало въ то время само правительство, запрещавшее заводчикамъ пріобрѣтать у башкирцевъ лишнія земли, которыя доставались русскимъ чуть-ли не даромъ,—особенно лицамъ, власть имѣющимъ. Что вопросъ о башкирскихъ земляхъ былъ очень щекотливый вопросъ и въ тѣ времена, ясно показываютъ слова

того-же капитана Рычкова. „Безпристрастно можно сказать,— пишетъ онъ,— что при первомъ заведеніи горныхъ заводовъ, къ коимъ на всякія строенія, такожь на дрова и уголья, множество лѣсовъ необходимо требуется“, нужна „великая осмотрительность и всякая ласковость, справедливость и умѣренность съ башкирцами, дабы по ихъ дикости и легкомыслію, отъ новѣсти на земляхъ ихъ такихъ заводовъ затрудненій не было и вновь бы безпокойство не отрыгнуло“.

Предвидя, что „безпокойство“, дѣйствительно, можетъ „отрыгнуться“, Неплюевъ всю свою политику по отношенію въ инородцамъ построилъ на принципѣ разъединенія ихъ интересовъ. Подобно тому какъ экономическими льготами онъ связалъ интересы яицкихъ казаковъ съ интересами правительства, Неплюевъ социальными и финансовыми мѣрами стремился разорвать связь, которая соединяла башкирцевъ и другихъ многочисленныхъ инородцевъ, называвшихся на официальномъ языкѣ (по ихъ социальному положенію, а не этнографическимъ особенностямъ) „тептерями“ и „бобылями“. По свидѣтельству Рычкова, тептери и бобыли, живя на земляхъ богатыхъ башкирцевъ и платя за это имъ оброкъ, находились въ такомъ положеніи, что башкирцы „ихъ почти за своихъ крестьянъ почитали“. Неплюевъ выхлопоталъ у правительства освобожденіе для тептерей и бобылей отъ башкирской крѣпостной зависимости, но за то обложилъ ихъ 80-ти гривенной подушной податью, которая не была съ нихъ снята и тогда, когда правительство, по представленію Неплюева, замѣнило прямой налогъ на инородцевъ косвеннымъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Неплюевъ руководствовался какъ финансовымъ расчетомъ, такъ и политикой разъединенія инородцевъ посредствомъ установленія различныхъ съ нихъ финансовыхъ требованій. Предлагая правительству, вмѣсто сбора ясака съ мещеряковъ и башкирцевъ, ввести обязательную для нихъ продажу казенной соли, Неплюевъ доказывалъ, что ясакъ съ мещеряковъ и башкирцевъ, платившихъ лишь 4392 р. 65 к. ежегодно съ 123. 122 чел., не такъ выгоденъ для казны, какъ введеніе обязатель-

ной продажи казенной соли; но за-то прямой налогъ на тептерей и бобылей, при восьмигривенномъ окладѣ, по показанію Неплюева, давалъ казнѣ 23,105 р., каковыхъ нельзя было получить съ нихъ отъ продажи имъ казенной соли; кромѣ того, снимать ясакъ съ бобылей и тептерей Неплюевъ считалъ невыгоднымъ и потому, чтобы не возникло между ними и башкирцами солидарности.

Такая социальная и финансовая политика Неплюева по отношенію къ инородцамъ до извѣстной степени достигла цѣли, я говорю—до извѣстной степени, потому что въ этомъ случаѣ не было такого успѣха, какимъ сопровождалась покровительственная система, предпринятая нашимъ колонизаторомъ по отношенію къ яццкому войску. Не смотря на социальный и финансовый тактъ Неплюева, все же инородцы объединялись общимъ имъ всѣмъ недовольствомъ русскою властью, выражавшеюся для нихъ въ сборѣ ясака съ древнихъ временъ, въ военной и особенно промышленной колонизаціи новаго времени. Введеніе обязательной продажи казенной соли усиливало еще болѣе общенородческое недовольство, такъ какъ этотъ налогъ былъ одинаково тяжелъ для всѣхъ; можно даже сказать, что онъ явился послѣднимъ толчкомъ къ башкирскому мятежу 1755 года. Хотя руководитель этого мятежа Батырша и призывалъ башкирцевъ къ возстанію во имя ислама, но они, понимавшіе свои реальные интересы гораздо лучше, чѣмъ религію Магомета, хорошо знали, за что они главнымъ образомъ мстили русскимъ. Батырша впоследствии показывалъ, что встрѣченная имъ толпа башкирцевъ, жалуясь ему, кричала: „Злой воръ, заводскій командиръ, имѣніе наше покралъ и разграбилъ, земли и воды наши отнялъ, женъ и дочерей нашихъ предъ нашими глазами блудилъ“... Не даромъ ненависть башкирцевъ обрушилась на заводы, причемъ ими былъ сожженъ заводъ гр. А. И. Шувалова. Рассказывать о мятежѣ Батырши не входило въ мои намѣренія; не имѣя также возможности, по недостатку времени, подробно останавливаться на средствахъ, которыя были употреблены Неплюевымъ для усмиренія мятежа, я, однако,

считаю своею обязанностью замѣтить, что Неплюеву, кромѣ устроенныхъ имъ укрѣпленныхъ линій и вызванныхъ имъ же воинскихъ командъ съ донскими казаками, много помогло и его замѣчательное умѣніе пользоваться самими инородцами противъ ихъ же собратій. Такъ, ему удалось возбудить противъ башкирцевъ — тептерей, мещеряковъ и особенно киргизовъ; послѣднихъ Неплюевъ сдѣлалъ непримиримыми врагами башкирцевъ, на которыхъ онъ направилъ аичность киргизовъ въ то время, когда башкирцы надѣялись на ихъ помощь. Съ другой стороны, послѣ отнятія киргизами у башкирцевъ имѣній, женъ и дочерей, Неплюевъ „подъ рукой“ далъ понять башкирцамъ, что, если они захотятъ отмстить своимъ оскорбителямъ, то русская администрація не станетъ привлекать ихъ къ отвѣту. Башкирцы бросились на киргизовъ, и началась новая рѣзня... Такимъ образомъ, кочевники сами обезсиливали другъ друга, заплативъ за протестъ противъ русской колонизаціи въ ихъ край безпощадной враждой другъ къ другу. Неплюевъ хорошо сознавалъ значеніе этихъ блестящихъ, но кровавыхъ результатовъ своей политики для утвержденія русскаго господства на юго-восточной окраинѣ Европы; онъ занесъ въ свои записки мнѣніе, что инородческая усобица „положила“ между ними такую вражду, „что Россія отъ ихъ согласія навсегда можетъ быть безопасна“.

Имѣя въ виду пользу отечества, отождествлявшагося въ его сознаніи съ государствомъ, И. И. Неплюевъ и на народное хозяйство смотрѣлъ съ государственной точки зрѣнія. Всѣ его заботы о развитіи горно-заводской промышленности въ краѣ воодушевлялись его стремленіемъ доставить наибольшую прибыль казнѣ. Его заботы о торговлѣ говорятъ о томъ же самомъ. Неплюевъ съ гордостью заноситъ въ свои записки, что при немъ начался „знатный торгъ“ въ Оренбургѣ (въ 1745 г.). Раньше приходилось содержать оренбургскую экспедицію на казенную субсидію въ 30.000 рублей; теперь Неплюевъ могъ обходиться при помощи одного пошлиннаго сбора съ товаровъ, подыавшагося до 50.000 рублей. „Прежде

меня,—замѣчаетъ съ гордостью Неплюевъ,—отъ бывшей коммерціи никогда трехъ тысячъ въ годъ не приходило“. „Казна“ для Неплюева, дѣйствительно, была гордостью, потому что въ его глазахъ она являлась олицетвореніемъ государства, его богатства и политическаго могущества. Это былъ своего рода культъ „казны“, которымъ въ XVIII ст. прикрывалось много своекорыстныхъ дѣятелей,—но не къ ихъ числу принадлежалъ Неплюевъ, беззавѣтно преданный памяти своего великаго учителя, приказывавшаго „деньги, какъ можно, собирать, ибо они суть артерія войны“.

И Неплюевъ „сбиралъ деньги“ очень успѣшно. Сборы въ только что основанномъ и получившемъ значительныя автономныя права Оренбургѣ при Неплюевѣ все время быстро возвышались и, наконецъ, достигли очень крупной цифры. Изъ вѣдомости, заимствованной мной изъ дѣлъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, видно, что разнаго рода сборы и подушныя деньги за 10 лѣтъ Неплюевскаго управленія достигли, беря круглыя цифры, съ 5000 р. до 100,000 р.

Приводимъ эту вѣдомость цѣликомъ, такъ какъ она даже въ своихъ абсолютныхъ числахъ очень наглядно представляетъ быстрое прогрессируванье казенныхъ доходовъ съ Оренбурга:

Въ 1738 г.	1,375 р. ¹⁾
„ 1739 „	2,543 р.
„ 1740 „	4,313 р.
„ 1741 „	4,524 р.
„ 1742 „	4,799 р.
„ 1743 „	6,411 р.
„ 1744 „	6,835 р.
„ 1745 „	10,712 р.
„ 1746 „	13,645 р.
„ 1747 „	21,458 р.
„ 1748 „	33,000 р.

¹⁾ Копѣйки отбрасываю,

Въ 1749 г.	60,267 р.
„ 1750 „.	72,404 р.
„ 1751 „.	106,569 р.
„ 1752 „.	90,832 р.

Эти цифры, краснорѣчиво свидѣтельствуя о финансовой старательности Неплюева, вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, насколько политическіе успѣхи колонизаціонной дѣятельности Неплюева увеличили доходность отъ Оренбургскаго края для казны.

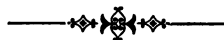
Будучи истиннымъ послѣдователемъ Петра Великаго, И. И. Неплюевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ честныхъ людей, для которыхъ общее благо, такъ или иначе понимаемое ими, остается навсегда основнымъ лозунгомъ жизни. И. И. Неплюевъ, сообразно съ идейной стороной своего времени, подъ общимъ благомъ разумѣлъ политическое могущество Россіи и хорошее состояніе ея финансовъ, и съ этой точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на свою колонизаціонную дѣятельность.

Это былъ великій провинціальный собиратель еще хорошенько не скрѣпленныхъ русскимъ авторитетомъ земель и денегъ для государственнаго казначейства.

И. И. Неплюевъ, посвятившій всю свою жизнь по завѣту Петра Великаго, неустанной дѣятельности, „не покладая рукъ“, —могъ смѣло бросить упрекъ слѣдующему времени, когда онъ, уже лишившись зрѣнія, многое видѣлъ гораздо лучше зрячихъ, не побоялся отказаться отъ предложенія Екатерины II-й снова поступить на службу и высказалъ самой Императрицѣ то, что „чувствовалъ“:

—Нѣтъ, государыня,—сказалъ заслуженный старикъ-колонизаторъ,—мы, Петра Великаго ученики, проведены имъ сквозь огонь и воду: инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а нынѣ инако воспитываются и инако ведутъ себя и инако мыслятъ; итакъ, я не могу ни за кого, ниже за сына моего, ручаться“...

Н. Н. Оирсовъ.

ТЕЛЕГРАММА,

*полученная председателемъ Общества въ
ответъ на привѣтствіе, посланное по том-
ку Н. Н. Неплюева Н. Н. Неплюеву.*

Прошу Васъ принять и передать членамъ Общества мою сердечную благодарность за привѣтствіе, коимъ благоволили меня почтить по поводу юбилея нашего предка. Чествуемъ память Ивана Ивановича молитвеннымъ собраніемъ, на которомъ члены Крестовоздвиженскаго трудового братства, воспитанники и воспитанницы нашихъ школъ, молясь о немъ, будутъ молиться и о тѣхъ, кто въ Казани и Оренбургѣ съ любовію чествуютъ его память.

Николай Неплюевъ.

Приложеніе II.

ОТЧЕТЪ

ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

при Императорскомъ Казанскомъ
Университетѣ

за 1893 годъ.

~~~~~
СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА

КЪ 15 АПРѢЛЯ 1894 Г.

О Т Ч Е Т Ъ

Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ за 1893 годъ.

Составъ Общества. Общество имѣло къ 1 января 1894 года 15 почетныхъ членовъ, 4 члена-соревнователя, 94 дѣйствительныхъ члена и 75 членовъ-сотрудниковъ. За время съ 1 января 1893 г. по 1 января 1894 г. вновь избраны: 2 дѣйствительныхъ члена: 1) Никаноръ, епископъ Чебоксарскій (нынѣ Архангельскій). 2) Леонъ Сиклеръ, преподаватель казанской гимназіи, и 2 члена-сотрудника: 1) Евгенийъ Ѳедоровичъ Будде, приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго Университета, и 2) Гайнитдинъ Ахмаровъ, учитель Пороховскаго татарскаго училища.

За отчетный періодъ общество понесло тяжелыя утраты въ лицѣ члена Совѣта А. И. Соколова, члена-учредителя Ѳ. Ѳ. Чекалина, дѣйствительнаго члена Д. Д. Смышляева и члена-сотрудника Н. А. Казаринова. Выбылъ изъ состава Общества по личному желанію Д. М. Львовъ.

Составъ Совѣта. Совѣтъ Общества въ отчетный періодъ составляли: предсѣдатель Общества Н. А. Ѳирсовъ, товарищъ предсѣдателя И. А. Износковъ, члены Совѣта П. А. Пономаревъ, А. И. Александровъ, И. Н. Смирновъ, А. И. Соколовъ, а по смерти его Ѳ. Г. Мищенко, и А. А. Штукенбергъ, секретарь Н. З. Тиховъ. Вслѣдствіе отъѣзда Н. З. Тихова для учебныхъ занятій въ Варшаву, обязанности секретаря были поручены члену Совѣта И. Н. Смирнову. Обязанности казначея исполнялъ А. Т. Соловьевъ. Ревизионную комиссію составляли: А. К. Кулагинъ, Н. Н. Ѳирсовъ и Н. С. Кукурановъ. Членами редакціонной комиссіи были: И. Н. Смирновъ, А. И. Соколовъ, а по смерти его Ѳ. Г. Мищенко. Музеумъ Общества завѣдывалъ А. А. Штукенбергъ, бібліотекой И. Н. Смирновъ, отдѣломъ рукописей А. И. Соколовъ.

Дѣятельность Общества. За отчетный годъ общество имѣло 9 засѣданій Совѣта, 7 общихъ собраній и одно чрезвычайное, посвященное памяти И. И. Неплюева по случаю исполнившагося 200-лѣтія со дня его рожденія. На общихъ собраніяхъ были доложены слѣдующія научныя сообщенія:

- 1) И. Н. Смирнова: «Очеркъ исторіи Мордвы».
- 2) В. Н. Поливанова: «Муранковскій могильникъ».
- 3) А. Обрѣзкова: «Еще о слѣдахъ древняго поселенія въ Спасскомъ уѣздѣ».
- 4) Н. Э. Акаимова: «Очеркъ исторіи города Курмыша».
- 5) А. А. Штукенберга: «О находкѣ въ Болгарахъ конического сосуда съ ртутью и въ Осинскомъ уѣздѣ Пермской губерніи Чудскихъ древностей».
- 6) В. А. Мошкова: «Этнографическія данныя о бытѣ Ногайскихъ и Оренбургскихъ татаръ».
- 7) Н. Н. Эйрсова: «Значеніе колонизаторской дѣятельности И. И. Неплюева».
- 8) В. Н. Витевскаго: «И. И. Неплюевъ (біографическія данныя)».
- 9) Н. А. Эйрсова: «Нѣсколько словъ объ И. И. Неплюевѣ въ связи съ эпохой Петра Великаго».
- 10) И. Н. Смирнова: «Семейный и общественный бытъ Мордвы».
- 11) И. д. Секретаря: «Отчетъ о раскопкахъ въ с. Болгарахъ Успенскомъ, произведенныхъ лѣтомъ 1893 г.».

Помимо научно-литературной дѣятельности членовъ Общества за отчетные періоды слѣдуетъ отмѣтить раскопки «Городка» въ с. Болгарахъ-Успенскомъ Спасскаго уѣзда Казанской губ., производившіяся на средства Императорской Археологической Комиссіи по опредѣленію Совѣта Н. А. Эйрсовымъ, А. И. Александровымъ, И. Н. Смирновымъ и П. А. Пономаревымъ.

Музей Общества обогатился въ теченія 1893 г. предметами Булгарской культуры, добытыми при раскопкахъ 1892 г. и любезно предоставленными въ распоряженіе Общества Императорской Археологической Комиссіей, коллекціей фотографій съ мѣдныхъ и бронзовыхъ орудій Минусинскаго музея, пожертвованной Обществу Н. М. Мартыановымъ. Обширныя археологическія коллекціи Общества были въ отчетномъ году внимательно изучены извѣстнымъ финскимъ археологомъ А. К. Гейкелемъ, который сдѣлалъ съ нихъ до 50 таблицъ снимковъ.

Библиотека Общества значительно увеличилась, благодаря обмѣну изданіями съ русскими и иностранными учеными учрежденіями и изданіями. Общество обмѣнивалось въ отчетномъ году съ университетами: Варшавскимъ, Казанскимъ, Кіевскимъ, Харьковскимъ, Новороссійскимъ и Юрьевскимъ, съ обществами Императорскимъ Русскимъ Географическимъ и его отдѣлами Оренбургскимъ, Кавказскимъ, Западно-Сибирскимъ и Восточно-Сибирскимъ, съ Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ, съ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ, съ Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, съ Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ обществомъ естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, съ Уральскимъ—Любителей естествознанія, съ Историческимъ—при Императорскомъ Петербургскомъ Университетѣ, Историческимъ—Нестора-Лѣтописца въ Кіевѣ, Одесскимъ—Исторіи и Древностей, Финляндскимъ Археологическимъ,

Финно-Угорскимъ, Историко-филологическимъ — при Харьковскомъ Университетѣ, Физико-экономическимъ — въ Кенигсбергѣ, Антропологическимъ Берлинскимъ, Музеемъ Королевства Чешскаго, съ Императорской Академіей Наукъ, съ Императорской Археологической Коммиссіей, съ Археологическимъ Институтомъ, съ Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи съ Кіевской Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, съ музеями Ростовскимъ, Минусинскимъ и Тобольскимъ, съ Вятскимъ земскимъ статистическимъ Бюро, съ статистическими комитетами Курляндскимъ, Костромскимъ, Пермскимъ, Пензенскимъ и Воронежскимъ, съ Архивными Коммиссіями Костромской, Нижегородской, Пермской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской и Ярославской, съ Петровскимъ Обществомъ изслѣдователей Астраханскаго Края, съ редакціями губернскихъ вѣдомостей Нижегородскихъ, Пензенскихъ, Уфимскихъ, Саратовскихъ, Оренбургскихъ, Пермскихъ, Вятскихъ, Томскихъ, Якутскихъ областныхъ, Тургайскихъ областныхъ, — Епархіальныхъ Вѣдомостей Нижегородскихъ, Казанскихъ, Самарскихъ, Астраханскихъ, Тобольскихъ, Томскихъ, Тамбовскихъ, — газетъ и журналовъ: «Вѣстникъ Европы», «Сѣверный Вѣстникъ», «Русское Обзорѣніе», «Живая Старина», «Кіевская Старина», «Чтенія въ обществѣ любителей Духовнаго Просвѣщенія», «Этнографическое Обзорѣніе», «Wisła», «Česky lid», «Православный Собесѣдникъ», «Дальній Востокъ», «Сибирскій Вѣстникъ», «Сибирскій Листокъ», «Восточное Обзорѣніе», «Енисейскій Листокъ», «Оренбургскій Край», «Оренбургскій Листокъ», «Саратовскій Дневникъ», и «Волгарь».

По опредѣленію Совѣта издано 6 выпусковъ XI-го тома «Извѣстій общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ», занимающихъ около 45 печатныхъ листовъ.

Денежныя средства общества представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Къ 1 января 1893 г. въ кассѣ состояло	657 р. 75 к.
Въ томъ числѣ неприкосновеннаго капитала	600 « — «
И текущихъ суммъ	57 « 75 «
Въ 1893 г. поступило на приходъ:	
Членскихъ взносов за 1893 г.	175 « — «
Отъ продажи изданій Общества	292 « 55 «
Изъ государственнаго казначейства на охрану Болгарскихъ Развалинъ	300 « — «
Отъ Императорской Археологической Коммисіи на распку «Городка» въ с. Болгарахъ	300 « — «
Отъ операціи съ процентными бумагами	9 « — «
И т о г о	1076 р. 55 к.
Съ остаткомъ отъ прошлаго года	1734 « 30 «
Въ теченіе 1893 г. израсходовано.	
Въ уплату типографіи за печатаніе «Извѣстій» и въ погашеніе мелкихъ долговъ	463 р. 33 к.

На раскопки «Городка» въ с. Болгарахъ съ возвратомъ остатка въ Императорскую Археологическую Коммисію.	300 р. — к.
За охрану и ремонтъ Болгарскихъ развалинъ	175 « — «
Въ неприкосновенный капиталъ въ возмѣщеніе займа, сдѣланнаго на ремонтъ болгарскихъ развалинъ.	105 « 67 «
На вознагражденіе сторожу и письмоводителю.	38 « — «
На канцелярскіе почтовые расходы и телеграммы	23 « 70 «
На праздничное вознагражденіе наборщиковъ и типографскихъ служащихъ	18 « — «
Итого	1123 р. 70 к.
Къ 1 января 1894 г. въ кассѣ состояло.	610 « 60 «
А съ возмѣщеннымъ долгомъ.	716 « 27 «
Изъ коихъ въ неприкосновенномъ капиталѣ.	700 « — «
А на текущемъ счету	16 « 27 «

Предсѣдатель Н. Смирновъ.

И. Д. Секретаря И. Смирновъ.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ

*Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при
Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ*

къ 15 апрѣля 1894 года

*съ указаніемъ времени вступленія въ Общество и мѣста жи-
тельства.*

І. ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

- 1 Аспелинъ, проф. универс. (4 окт. 1884 г.). *Гельсингфорсъ.*
Буслаевъ, Ѳеодоръ Ивановичъ, академикъ, (4 нояб. 1888 г.). *Москва.*
Бычковъ, Аеонасій Ѳеодоровичъ, академикъ, директоръ Импер. Пу-
бличн. бібліотеки (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*
Бюлеръ, Ѳ. А. почетн. членъ Импер. Академіи Наукъ, директоръ
Главнаго Архива Министерства Иностр. Дѣлъ (14 февр. 1888 г.)
Москва.
- 5 Васильевъ, Василій Павловичъ, академикъ, заслуж. ордин. проф.
Импер. С.-Петер. унив. (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*
Вирховъ, проф. универс. (30 окт. 1881 г.). *Берлинъ.*
Доннеръ, проф. универс. (4 окт. 1884 г.). *Гельсингфорсъ.*
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, предсѣдатель Импер. Общества Исто-
ріи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ универ. (16 мая
1884 г.). *Москва.*
Мещериновъ, Григорій Васильевичъ, командующій войсками Ка-
зан. Воен. Округа (22 дек. 1889 г.). *Казань.*
- 10 Островскій, Андрей Николаевичъ, кандидатъ естеств. наукъ (16
мая 1884 г.). *Казань.*
Полтарацкій, Петръ Алексѣевичъ, Казанскій губернаторъ (22 дек.
1889 г.). *Казань.*
Леонъ де Рони, Сенаторъ франц. республики, предсѣдатель Па-
риж. Этнографическаго Общества (30 окт. 1881 г.). *Парижъ.*

- Савваитовъ, П. И., Членъ Импер. Русскаго Археологическаго Общества (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*
- Тизенгаузенъ, Владиміръ Густавовичъ, баронъ членъ Императ. Археологической Коммисіи (11 апр. 1891 г.). *С.-Петербургъ.*
- 15 Штида, Людвигъ Христіановичъ, проф. универ. (27 апрѣля 1890 г.). *Кенигсбергъ.*

II. ЧЛЕНЫ-СОРЕВНОВАТЕЛИ.

- 1 Горемыкинъ, Игнатій Ивановичъ, Членъ Окружн. Суда (16 апр. 1879 г.). *Казань.*
- Кеккина, Анна Авксентьевна, Потомст. поч. гражд. (27 янв. 1882 г.). *Казань.*
- Унженинъ, Василій Авксентьевичъ, Потомств. поч. гражд. (16 мая 1881 г.). *Казань.*
- 4 Шимановскій, Митроф. Васильевичъ, Членъ суд. Пал. (28 сент. 1879 г.). *Одесса.*

III. ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ.

а) Городскіе:

- 1 Айналовъ, Дмитрій Власевичъ, прив. доц. унив. (11 апр. 1891 г.).
- Александровъ Александръ Иванъ, проф. унив. (20 апр. 1889 г.).
- Архангельскій, Александръ Семен., проф. унив. (3 нояб. 1885 г.).
- Ахмеровъ, Шахбасъ-Гирей Измаиловичъ, инспекторъ татарской учительской школы (23 нояб. 1889 г.).
- 5*Бекетовъ, Андрей Николаев., д. с. с. (5 сент. 1878 г.).
- Бѣляевъ, Дмитрій Ѳедоров., проф. унив. (16 мая 1884 г.).
- Васильевъ, Александръ Васильев., проф. унив. (3 мая 1886 г.).
- Витевскій, Владиміръ Никол., препод. гимназ. (11 апр. 1879 г.).
- Воронцовъ, Константинъ Иванов., препод. гимн. (27 февр. 1892 г.).
- 10 Ворченко, И. И., (съ 12 февр. 1894 г.).
- Газенвинкель, Константинъ Борисов., товар. прокурора Судебн. Палаты (19 дек. 1891 г.).
- Галкинъ-Врасскій, Николай Никол., членъ Суд. пал. (членъ-основатель).
- Горталовъ, Николай Констан., преп. гимн. (27 февр. 1892 г.).
- Готвальдъ, Осипъ Ѳедоров., библиот. унив. (членъ-основ.).
- 15 Дормидонтовъ, Григорій Ѳедоров., проф. унив. (29 дек. 1885 г.).
- Загоскинъ, Николай Павл., проф. унив. (членъ-основатель).
- Заусайловъ, Василій Иванов., пот. поч. гражд. (30 нояб. 1878 г.).
- Износковъ, Илюдоръ Александр., директ. реальн. уч. (членъ-основ.).
- Корсаковъ, Дмитрій Александр., проф. унив. (членъ-основ.).
- 20 Корсакова, Варвара Дмитріевна (4 нояб. 1888 г.).
- Кирилловъ, Никол. Яковл., надзир. 1-й гимн. (11 апр. 1891 г.).

- К р о т о в ъ, Петръ Ивановъ, проф. унив. (10 нояб. 1891 г.).
 К у к у р а н о в ъ, Никол. Сергѣевъ, препод. реал. уч. (23 нояб. 1889 г.).
 К у л а г и н ъ, Александръ Корниловъ, преп. гимн. (12 дек. 1891 г.).
 25 Л а т ы ш е в ъ, Василій Васильевъ, пом. поп. округа (8 марта 1891 г.).
 М а ш а н о в ъ, Михаилъ Александровичъ, проф. Казанской Духовной.
 Академіи (29 января 1894 г.).
 М и х а й л о в ъ, Митрофанъ Дмитр., гражданскій инженеръ (12 дек.
 1891 года).
 М и щ е н к о, Федоръ Герасимовичъ, проф. унив. (22 дек. 1889 г.).
 М о л о с т в о в ъ, Владиміръ Вадимовичъ, (10 нояб. 1891 года)
 30 Н а г у е в с к і й, Дарій Ильичъ, проф. унив. (16 дек. 1886 г.).
 Н а с ы р о в ъ, Абдуль-Каюмъ Насыровичъ, казан. купец. (3 нояб. 1885 г.).
 О б р а з ц о в ъ, Дмитрій Иларіевичъ (14 февр. 1888 г.).
 О с о к и н ъ, Николай Алексѣевъ, проф. унив. (членъ-основ.).
 П е л ь ц а м ъ, Эммануилъ Даниловичъ (30 нояб. 1878 года).
 35 П и н е г и н ъ, Михаилъ Николаевичъ, надзир. татарск. школы (19 дек.
 1891 года).
 П о н о м а р е в ъ, Петръ Алексѣевъ, преп. Родіон. инст. (членъ-основ.).
 Р о з е н ъ, баронъ Фридрихъ Фридриховичъ, проф. ун. (членъ-основ.).
 С и к л е р ъ, Левъ Осиповичъ, (15 дек. 1893 г.).
 С л а с т н и к о в ъ, Семень Ивановъ, канд. мат. наукъ (17 дек. 1886 г.).
 40 С м и р н о в ъ, Аполлонъ Ивановичъ, проф. унив. (3 мая 1886 г.).
 С м и р н о в ъ, Иванъ Николаевичъ, проф. унив. (29 дек. 1885 г.).
 С о л о в ь е в ъ, Александръ Титовичъ, казн. унив. (16 мая 1884 г.).
 С о р о к и н ъ, Николай Васильевъ, проф. унив. (членъ-основ.).
 Т и л е, З. З. (съ 12 февр. 1894 г.).
 45 Т и х о в ъ, Николай Захаровичъ, канд. истор. - филол. наукъ (17 дек.
 1890 года).
 Т о л м а ч е в ъ, Николай Александровичъ, проф. унив. (членъ-основ.).
 Т р а у б е н б е р г ъ, Петръ Викторовичъ, преподав. татарской школы.
 (27 февр. 1887 г.).
 Х р щ а н о в и ч ъ, Левъ Казиміровичъ, губерн. инж. (29 дек. 1885 г.).
 Ш е р ш е н е в и ч ъ, Гавріиль Феликсовъ, проф. унив. (11 апр. 1891 г.).
 50 Ш т е р ъ, Георгій Карловичъ, проф. унив. (12 дек. 1891 г.).
 Ш т у к е н б е р г ъ, Александръ Антоновъ, проф. унив. (членъ-основ.).
 Щ е г о л е в ъ, Николай Ивановъ, казан. землевл. (23 дек. 1885 г.).
 *Ю ш к о в ъ, Николай Ойрсовичъ (членъ-основ.).
 *Я р ы г и н ъ, Иванъ Александровъ, чиновн. отд. госуд. банка (19 марта
 1881 года).
 55 О и р с о в ъ, Николай Алексѣевичъ, заслуж. орд. проф. университета.
 (членъ-основатель).
 О и р с о в ъ, Николай Николаевичъ, прив. - доцентъ универ. (8 марта
 1891 года).

б) иногородніе:

- Б у л и ч ъ, Николай Никитичъ, т. с. (членъ-основ.). *Спаскъ* Каз. губ.
 В а х р а м ѣ в ъ, И. А., (14 февр. 1888 г.). *Ярославъ*.

- Владиміровъ, Петръ Владиміров. проф. Кіевск. универс. (членъ-основатель). *Кіевъ*.
- 60 Зайцевъ, Алексѣй Михайловичъ, проф. Томск. универс. (3 ноября 1885 года). *Томскъ*.
- Измайловъ, Александръ Силовичъ, магистръ ветер. наукъ (членъ-основатель). *С.-Петербургъ*.
- Качановскій, Владиміръ Васильевичъ, проф. Нѣж. института (17 декаб. 1886 г.). *Нѣжинъ* Черниг. губ.
- *Кедровъ, С. И.
- Красносельцевъ, Николай Ѳомичъ, проф. Новорос. университета (3 мая 1886 г.). *Одесса*.
- 65 Кремлевъ, Николай Александровичъ, заслуж. орд. проф. (17 дек. 1886 г.). *С.-Петербургъ*.
- Кривошапкинъ, Михаилъ Ѳомичъ (членъ-основатель).
- Кузнецовъ, Степанъ Кировичъ, бібліотекаръ университета (25 окт. 1884 года). *Томскъ*.
- Кузнецовъ, Е. В.
- Лихачевъ, Иванъ Ѳедоровичъ, в-адмир. (25 нояб. 1884 г.). *Москва*.
- 70 Магницкій, Василій Константин., инспекторъ нар. учил. (3 нояб. 1885 года). *Елабуга* Вятск. губ.
- Мазунинъ, Николай Михайловичъ, землемѣръ (29 сент. 1889 года). *Глазовъ* Вятск. губ.
- Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, помощн. директора Императ. Публичн. бібліот., д. с. с. (27 января 1879 г.). *С.-Петербургъ*.
- Можаровскій, Александръ Ѳедоровичъ, инспекторъ нар. училищ. (4 сент. 1878 года).
- Можаровскій, Аполлонъ Ѳедоров., преподават. семинаріи (4 сент. 1878 года). *Нижній-Новгородъ*.
- 75 Мошковъ, В. А.
- Никаноръ, Епископъ Архангельскій и Холмогорскій.
- Овсянко-Куликовскій, Дмитрій Николаев., проф. универс. (14 февр. 1888 года). *Харьковъ*.
- Пантусовъ, Николай Николаевичъ, правит. канцеляріи Семирѣч. воен. губерніи. (3 мая 1886 года). *Вѣрный*.
- Петровъ, Александръ Александровичъ, преподават. промышленнаго училища (22 дек. 1889 года). *Красноуфимскъ* Пермск. губ.
- 80 Подтягинъ, Григорій Иванов., инженеръ (10 апр. 1880 г.). *Петро Александровскъ*, Тургайск. обл.
- *Поливановъ, Владиміръ Николаев., камеръ-юнкеръ двора Е. И. В. (членъ-основ.). *Симбирскъ*.
- Путиловъ, Александръ Аристархов., землевл. Самар. губ. (27 янв. 1879 года). *Самара*.
- Радловъ, Василій Васильевичъ, академикъ (членъ-основатель). *С.-Петербургъ*.
- Рамбо, Альфредъ, докторъ рус. истор., проф. слов. факультета въ Парижѣ (членъ-основ.). *Парижъ*.

- Сверчковъ Николай Дмитриевичъ, уѣздн. предв. дворян. (27 янв. 1879 года). *Тетюши*. Казанск. губ.
- Спасскій, Николай Александров., секрет. губ. стат. комит. (22 дек. 1889 года). *Вятка*.
- *Тимаевъ, Евгенийъ Матвѣевичъ, драгоманъ азіатскаго Департ. Мин. Иностран. дѣлъ (членъ-основ.). *С.-Петербургъ*.
- Титовъ, Андрей Александровичъ, потом. почетн. гражд. (27 февр. 1887 года). *Ростовъ* Ярослав. губ.
- Толстой, Александръ Васильевичъ, землевл. Саратов. губ. (27 апр. 1890 года). *Сызрань* Симбирск. губ.
- 90 Трубниковъ, Юрій Владиміровичъ, землевл. казан. губ. (25 окт. 1885 года). *Спасскъ* Казанск. губ.
- Трутовскій, Владиміръ Констант., членъ Москов. Арх. Общ. (17 дек. 1886 года). *Москва*.
- Хорошавинъ, Сергѣй Александровичъ, (членъ-основ.).
- Шишкинъ, Ѳеодоръ Ростиславов., (29 дек. 1885 г.). *Тетюши* Каз. г.
- Шпилевскій, Сергѣй Михайловичъ, директоръ Демидовск. лицея (членъ-основ.). *Ярославль*.
- Якоби, П. И.

IV. ЧЛЕНЫ СОТРУДНИКИ ОБЩЕСТВА.

а) городскіе:

- 1 Ахмаровъ, Гайнитдинъ.
- Буддѣ, Евгенийъ Ѳеодоровичъ, прив.-доц. Казан. университета.
- Вагинъ, Петръ Константинов., учитель (15 дек. 1879 г.).
- Геркенъ, Вѣра Александровна (18 апр. 1887 г.).
- 5 Ивановъ, Александръ Павловичъ, преподав. Ксеніинской гимназіи. (25 дек. 1878 г.).
- Канонниковъ, Инокентій Иванов., проф. унив. (28 апр. 1881 г.).
- Кобаевъ, Макарь Евсѣевичъ, учитель (3 апр. 1889 г.).
- Кунгурцевъ, Ипполитъ Семеновичъ, преподават. реальн. училища (31 янв. 1890 г.).
- Лихачевъ, Николай Петровичъ, прив.-доц. унив. (22 апр. 1881 г.).
- 10 Люстрицкій, Викторъ Ѳеодоровичъ, инспекторъ народн. училищъ (16 окт. 1882 года).
- Маловъ, Ефимій Александровичъ, прот., професс. Академіи (2 апр. 1884 года).
- Нелидова, Раиса Александровна (16 мар. 1890 года).
- Никитскій,
- Пашковскій, Христофоръ Григорьевичъ, архитекторъ, преподав. реальн. училища (22 нояб. 1880 года).
- 15 Семеновъ, Тимофѣй Семеновичъ, о. діаконъ (3 апр. 1889 г.).
- Смирновъ, Сергѣй Михайлов., хранит. бот. каб. (2 мая 1890 г.).
- Софоновъ, Константинъ Трифоновичъ (2 мая 1890 г.). Адмир. сл.

Стефановичъ Я. А.

Суринъ, Ѳедоръ Осиповичъ, подполк. артиллер. (18 дек. 1880 г.).

20 Щербаковъ, Арсеній Яковл., проф. унив. (28 апр. 1882 г.).

Эрахтинъ, Алексѣй Петровичъ (29 дек. 1885 года).

Юртовъ, Авксентій Филиппов., препод. учит. семин. (1 февр. 84 г.).

б) иногородніе:

Аптievъ, Гавріилъ Андреевичъ, учитель дер. *Варяшъ*, Бирск. уѣзда (19 нояб. 1889 года).

Аристовъ, Михаилъ Николаевичъ, Мировой судья (22 мар. 1879 г.)
Чистополь Казанск. губ.

25 Архангельскій, Иванъ Васильевичъ, штатн. смотрит. Тетюшскаго уѣздн. учил. *Тетюши*.

Балабановъ, Иванъ Петров., редакторъ «Саратов. губерн. Вѣдом.» (4 окт. 1880 г.). *Саратовъ*.

Батьковскій, Василій Ефимов., священ. (1 янв. 1880 г.) с. *Воронешское*, Казан. губ.

Вакуловскій, Николай Никол., (27 янв. 1882 г.). *С.-Петербургъ*.

Васильевъ, Егоръ Васильев., учитель Бичуринск. учил. Казанской губерніи (10 мая 1887 года).

30 Веселицкій, Владиміръ, священ. села *Богородскаго* Казанск. уѣзда (8 сент. 1889 года).

Виxманъ, Георгъ, магистръ Гельсингфорск. унив. (15 окт. 1891 г.).
Гельсингфорсъ.

Владимірскій, Василій Ѳедоровичъ, священ. (29 дек. 1885 года) село *Богаево*, Свіяжск. уѣзда.

Гейкель, магистръ философіи Гельсингфорск. университета (30 сент. 1884 года). *Гельсингфорсъ*.

Гуляевъ, Константинъ Ивановичъ (28 мая 1881 года).

35 Дмитріевъ, Александръ Алексѣевичъ, инспект. народн. училищъ (3 нояб. 1885 года). *Пермь*.

Дмитріевскій, Николай Ивановичъ, сельскій учитель (22 ноября 1881 года) с. *Биллярскъ*.

Дубасовъ, Иванъ Ивановичъ. *Тамбовъ*.

Дьяконовъ, Павелъ Иванов., священ. (22 сент. 1879 г.) с. *Можарово* Тетюшскаго уѣзда.

Ефимовъ, Николай Ефимовичъ, учитель народнаго училища (16 мая 1889 года).

40 Жилинъ, Алексѣй Дмитріев., священ. (22 мар. 1879 г.) село *Верхъ-Ушнуръ*, Вятской губерніи.

Жизневскій, А. К., предсѣдатель архивн. комиссіи. *Тверь*.

Зайтовъ, Мухаметзянъ Биккининъ, указный мулла (8 мар. 1880 г.).
Куларчино, Лаишевскаго уѣзда.

Зайцевъ, Иванъ Яковлевичъ, сельскій учитель (30 сент. 1884 года).
Тетюшск. уѣзда.

- Извощиковъ, Михаилъ Иванов., полицейск. урядн. (8 нояб. 1879 г.)
с. *Новодъвичье* Сенг. у., Симб. г.
- 45 Ильченко, Дмитрій Васильевичъ, директоръ народн. учил. (28 апр. 1882 г.). *Тамбовъ*.
- Каратаевъ, Бахитъ-Джанъ Джинсевичъ (30 сент. 1885 г.). *Оренбургъ*.
- Катановъ, Николай Ѳедоров. (8 дек. 1884 г.) *С.-Петербургъ*.
- Логачевъ, учитель с. *Йога*, Соликамскаго уѣзда (1 нояб. 1890 г.).
- Любимовъ, Николай Александр., священ. (8 мар. 1880 г.). *Арскъ*.
- 50 Маліевъ, Николай Михайлов., проф. унив. (8 нояб. 1879 г.). *Томскъ*.
- Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ, проф. унив. (27 окт. 1888 года). *Дертъ*.
- Мелетій, Епископъ Селенгинскій (20 іюля 1878 года).
- Наливкинъ, Владиміръ Петров., преподав. учит. семин. (5 февр. 1888 года). *Ташкентъ*.
- Нохратскій, Еасилій Михайлов., сельскій учитель (22 нояб. 1880 г.)
Чистоп. уѣзда.
- 55 Остроумовъ, Николай Петров., директоръ гимназіи (8 мар. 1880 г.)
Ташкентъ.
- Пасынковъ, Павелъ Петров., помощ. испр. (28 сент. 1889 г.). *Вятка*.
- Пироговъ, П. Г., правитель дѣлъ архив. комиссіи. *Рязань*.
- Потанинъ, Григорій Николаев. (17 дек. 1880 г.). *Иркутскъ*.
- Радаковъ, Александръ Николаев., (28 сент. 1879 г.). *Вятка*.
- 60 Рейнгольмъ, художникъ (30 сент. 1884 года). *Гельсингфорсъ*.
- Рябинскій, Константинъ Сергѣевичъ, инспект. городск. училища
(16 окт. 1882 года). *Козмодемьянскъ*.
- Сабуровъ, Василій Васильев., землевл. Пензенск. губерн. (22 марта 1879 года). *Пенза*.
- Сапожниковъ, Василій Васильев., (28 сент. 1879 г.). *Рынь-Пески*.
- Селивановъ, А. В., правитель дѣлъ архив. комиссіи. *Рязань*.
- 65 Семеновъ, Александръ Ѳедоров., препод. реал. училища (3 февр. 1883 года). *Владикавказъ*.
- Скопинъ, Василій Никигичъ, (16 апр. 1879 года). *Чемкентъ*. Сыръ-Дарьинской области.
- Спицынъ, Александръ Андреевичъ членъ Импер. Археол. Комиссіи (4 ноября 1881 года). *С.-Петербургъ*.
- Троицкая, учительница въ *Царевкокиш*. уѣздѣ (1 нояб. 1890 г.).
- Фанагорскій, Петръ Иванов., священ. (27 янв. 1878 г.) село *Бозяково* Спасск. у.
- 70 Фатяновъ, Михаилъ Иванов., землевл. (15 дек. 1879 г.) *Сенгилеевск.* у. Симбир. губ.
- Хорошевъ, учитель въ с. *Ошибъ*, Соликамск. у. (1 нояб. 1890 г.).
- Шкапскій, Евлампій Семеновичъ, учит. уѣздн. училища. *Ядринъ*.
- Шляковъ, И. А. членъ музея въ *Ростовъ*.
- Яковлевъ, Трифонъ Степанов., сельскій учитель села *Астраханки*.
Лаишевскаго уѣзда.

- Ш Ы р ч Ы к (чув. шырчык) сверчокъ.
 Ш Ы р ч Ы н ъ м замокаю, разбухаю.
 Ш Ы р ч е Вас. ясли.
 Ш э г э Крок. см. шагэ.
 Ш ю шея; у Вас. шю корэм затылокъ; см. шюй корэм.
 Ш ю холодный, черный уголь.
 Ш ю гной.
 Ш ю а м гн ю, тлѣю.
 Ш ю а л т а ш Крок. полоскать.
 Ш ю а ш г.чер. воротникъ см. согá; шюаш-вочик Земл. остевка на воротникѣ.
 Ш ю б у р Земл. см. шывыр.
 Ш ю в я л ъ м плюю; шюведам наговариваю, заговариваю; шювюль выдсюна.
 Ш ю г о р Вас. см. согá.
 Ш ю г а р т л а кладбище.
 Ш ю д о сто; шюдо-вич-ур тридцать копѣекъ; шюдо-нѣль - лур сорокъ копѣекъ; шюдо-пачаш коровій рубецъ, книжка.
 Ш ю д ъ м (г.чер. келесём) приказываю.
 Ш ю д у р т-шюдурт звуки при жеваніи лошадыю.
 Ш ю д у к ш вѣнокъ, обручъ.
 Ш ю д ѳ р веретено, у Вас. также звѣзда, см. шывыр; оравá шюдур ось телѣги; шюдурём пряду; шюдурнём волокусь; кышке шюдурнэн кая—змѣя ползеть.
 Ш ю д ѳ ш Вас. см. шюдүкш.
 Ш ю й Вас. см. шю 2-е.
 Ш ю и р у к т а ш Земл. истереть въ порошокъ.
 Ш ю к ъ м толкаю; шюкялям отодвигаю, отталкиваю; шюкялтѣш задвижка.
 Ш ю к ѣ Вас. (тат. чупь) см. сюкъ.
 Ш ю к т ъ м гною; шюкше гнилой, ветхій; шюкше черъ гнилая болѣзнь.
 Ш ю л е маховая сажень.
 Ш ю л ю (чув. суюлю) овесъ; шюлю-каиқ овсянка (птица); куп-шюлю-каиқ сойка, ронжа.
 Ш ю л ъ м Вас. дышу.
 Ш ю л л е м Вас. см. шбмьлём.
 Ш ю л и п духъ (существо), воздухъ; ошим-шюлиш шмель; шюлештѣлам задыхаюсь; чѣж-чаж-шюлём хриплю; шюлялтѣм см. шюлём; Св. шюлиш Св. Духъ.
 Ш ю м ъ сердце, у Вас. также скорлупа, см. шомъ; шюмъ коршта болить подъ ложечкой (при катаррѣ желудка); шюмян сердечный, ласковый.
 Ш ю л я л ь т а р ѳ н - колташ, шюлялтѣктѣн-колташ Крок. задуть.
 Ш ю м а л а Земл. тлѣнный; шюмедаш гноиться.
 Ш ю м е ш т а р а ш Земл. угождать.
 Ш ю н Земл. см. шби.
 Ш ю н ь г а Земл. птичій полеть.
 Ш ю н а Крок. стукъ; холмъ; шюнгяш стучать, перебирать, рыться, шарить.
 Ш ю р Вас. см. лем.
 Ш ю р г ѳ чернолѣсье, ср. чодра.
 Ш ю р г ю (лицо у чловѣка), шюр-гюштыш полотенецъ, шюргю-тачкащца.
 Ш ю р г е д а ш Земл. тыкать, колоть.
 Ш ю р ѳ Земл. картина.
 Ш ю р ѳ т Смирн. см. шюрѳ.
 Ш ю р к а л а ш Земл. подмазывать.
 Ш ю р л а Вас. мурлыкаеть.
 Ш ю р т о нитка.
 Ш ю р т у ш Земл. см. шуртуш.
 Ш ю р я к ш крупа.
 Ш ю р ѳ вост. чер. неводъ.
 Ш ю р ѳ м (чув. суюрь) мажу.
 Ш ю р е м а м Вас. угораю.
 Ш ю р т н е м спотыкаюсь.
 Ш ю ч сажá; шючангдём копчу; шючедам счишаю копоть.
 Ш ю ш к а м пахтаю, набиваю, заряжаю (ружье шомполомъ); шюшма торок прессованный творогъ.
 Ш ю ш к ю л ѣ м закалываю скотину.

Ш ю ш к ю л ь т а м зарѣзываются.
 Ш ю ш п ю к см. шѣшпѣк.
 Ш ю ш т ъ ремень; шюштѣ ковѣштѣ
 смятая кожа.
 Ш ю я' Смирн. шея.
 Ш ш ю р Крок. қалъ, пометъ.
 Ш ю т ѣ м распутываю, развязываю,
 развиваю, шютнѣм разматываюсь и. т. п.
 у Вас. шютѣм вытягиваюсь; у Смирн.
 долблю; шютѣн - лектѣн вылупился
 (птенчикъ изъ яйца); шютлѣм Крок.
 развязываюсь.

Ы.

Ы в ы р т ѣ м (чув. хиберде) радуюсь;
 ывыртыктѣм радую.
 Ы з ѣ й см. изьяй.
 Ы й ледъ; золото.
 Ы и п искра.
 Ы л Земл. см. йыл.
 Ы л а м см. улам.
 Ы л е было отъ йлам.
 Ы л и к полѣно для лучины.
 Ы л ь ч ѣ к ость у мѣха.
 Ы м не лошадь.
 Ы н л ѣ м см. унглѣм.
 Ы н ѣ р (г. чер. йнѣгылъ, чув. йнѣгылъ)
 колокольчикъ у дуги, ѣнѣр-пю корен-
 ной зубъ.
 Ы н д ѣ (чув. инде) вотъ уже теперь,
 послѣ этого.
 Ы н д ѣ н ш е девять; ындѣншлу
 девяносто.
 Ы н д р ѣ м см. ундрѣм.
 Ы р а (чув. ыра) пазъ.
 Ы р а к Вас. см. рагѣ.
 Ы р в ѣ з е см. рвезе.
 Ы р д а н д ѣ м, ѣрдандарѣм Земл.
 см. рюданѣм.
 Ы р д ѣ Земл. см. рюдо.

Ы р е а ш Земл. см. ѣрѣктѣм.
 Ы р з а ш Земл. см. рюзем, ѣраен-
 каштѣш кадитъ.
 Ы р л ѣ м см. лыргѣм.
 Ы р у а м Земл. см. рюдѣм.
 Ы р ы к т ѣ м грѣю, ѣрѣм грѣюсь.
 Ы ч и к см. ичик.
 Ы ф л а ш Земл. дуть.
 Ы ш отрицаніе не, ставится въ 3
 лицѣ прошедшаго времени.
 Ы ш л а н д а р ѣ м нѣжу, балую.
 Ы ш т ѣ л т а р а ш Земл. освисты-
 вать, ошикивать.
 Ы ш т ѣ р (тат. ыштыр) Вас., см.
 штыр.
 Ы ѣ (чув. ые) см. ія.
 Ы ѣ м см. іѣм.

Э.

Э да, такъ! ба!
 Э б а л д а Земл. дурной человѣкъ.
 Э г е р ц е Крок. чашка въ колѣнкѣ.
 Э г е р ч е Смирн. творожникъ, у
 Вас. лепешка.
 Э г е ч е (чув. игерч) слобный хлѣбъ,
 также лепешки для молнія керемети.
 Э г е л е (чув. йигель, тат. ақала)
 шишки хвойныхъ деревь, кож-эгеле;
 елевая шишка; кож эгеле-каиқ иволга;
 тумэгеле желудъ.
 Э г р ѣ м ш е (чув. эрешмен) паукъ;
 эгрѣмше-вог паутина.
 Э д ѣ м (тат. адам) см. айдѣмо; адѣм-
 лукъ человѣческое сѣмя, зародышъ
 младенца; адѣмемялтѣш вочеловѣчить-
 ся.
 Э ж и н, ѣжжиг Крок. қолѣнце въ
 растеніяхъ, см. йѣжжиг.
 Э ж и л ь Земл. стебель растеній.
 Э ж и н ь Земл. см. йѣжжиг.

Эи н д а л а м (г.чер. эьталэм) обни-
маю.

Эл ё к (тат. алак) см. аляк.

Эл е р т э м соблазняю, прельщаю.

Эл ь л ъ р т э м см элертэм.

Эл т а л э м Вас. см. эйндалам.

Эк ц е л ь Смирн. жалоба; экпелэм
жалуюсь

Эк с е к Земл. тощій, худой; эксе-
клянаш тощаты; эксекляндараш изну-
рять.

Э л а х а й Земл. см. йолагай.

Э л е Смирн. йылё.

Э л ь т э м г.чер. охабка, обхватъ.

Э м ь лѣкарство.

Э м р а т а ш Земл. утѣшать.

Эн предсловіе-служить признакомъ
превосходной степени: эн первой—са-
мый первый; эн турюшто въ самомъ
началѣ.

Э н а й Вас. см. ййнгай.

Э н ж а Земл. крюкъ.

Э н ё ж малина; энёж-вондо мали-
новый кустъ; шеме-энёж ежевика.

Э н р ё м ы ш Вас. см. эгрёмше.

Э н д э м опаляю.

Э н ё р ь (г.чер. агыр) удочка; энге-
рям жужу; энёръ-вот лѣса; энёръ вазэ
удилище (лукъ удочки).

Э н ё р рѣчка.

Э н е р т а ш Земл. надѣяться.

Э н э р ё м ш е Земл. см. эгрёмше.

Э н е р ч а к (тат. ыгырчик, чув.
йынерчек, г.чер. сель тэка) сѣделка.

Э н ё р ь (тат. эяръ, чув. йынеръ г.
чер. бртнёръ) сѣдло.

Э н е р ѝ мычить (корова).

Э н е р т э м прислоняюсь, прикаса-
юсь.

Э н ѝ т Земл. см. анят.

Э п е р е праздно, по пустому, на-
прасно.

Э п к а л а ш Земл. (тат. ушкалэйем),
бпкалэм.

Э р а ш Земл. заставить.

Э р г э сынъ; эргэ-вель пасынокъ;
эргалуқ Земл. усыновление.

Э р г ё м бодаю; эргйшэ бодливый.

Э р г ё м навиваю нитки на мотови-
ло.

Э р д а м Смирн. тучнѣю.

Э р д э бедро; у Смирн. тучный.

Э р д ы ж Земл. см. брдыж.

Э р з а Земл. голубой, лазуровый.

Э р е постоянно: чистый.

Э р и к (чув. ирик) воля, свобода; у
Смирн. власть.

Э р и к т э м очищаю, эрикталтам
очищаюсь.

Э р к а Земл. лѣнь.

Э р к е н тихо, неторопливо. чинно,
осторожно.

Э р л е х а н д а ш Земл. покрывать
корью; эрлехангаш покрываться корью.

Э р л ѝ завтра; эрляшйн на другой
день, вост. ч. эрла.

Э р м а Земл. удивительный.

Э р н е л а м Смирн. сѣдлаю; эрнёръ
сѣдло.

Э р т ё н мимо; эртарэм обгоняю,
пропускаю, у Вас. провожу (мимо).

Э р т полынья.

Э р ь, утро; эрьдэнэ утромъ.

Э р ѝ н (тат. айрян) см. орён.

Э с к е р а ш Земл. остерегаться.

Э с к е р е м Смирн. наблюдаю.

Э с т а пойдемте; ср. айда.

Э с к ы р т э м см элертэм.

Э т а р п ё ч Земл. крыса.

Э ш а Земл. сухой лещъ.

Э ш ё Земл. еще.

В. Прошкйй.

Въ 1894 г. „Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1-й выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азии и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическія, историческія и этнографическія, относящіяся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. О. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Казанскій), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, пр.-доц. Е. О. Будде, К. В. Виллондъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцевъ, К. Б. Газенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, О. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. К. Катаневъ (Омскъ), Н. О. Катановъ, С. И. Келдровъ, А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ) Н. М. Мартыновъ (Минусинскъ), П. Медоксъ, В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спичинъ, О. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Эйрсовъ, пр.-доц. Н. Н. Эйрсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и приобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсъ, Буда-Пештъ и Упсалѣ (для отчетовъ о новостяхъ скандинавской литературы).

Въ видѣ приложений къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься:

Матеріалы для этнографіи Поволжья. «Мордовско-русскій словарь» и «Мокшанскія пѣсни» М. Е. Евсевьева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 июля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе бесплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна выпуска 1 руб.

km

RETURN CIRCULATION DEPARTMENT

TO → 202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE		
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

RENEWALS AND RECHARGES MAY BE MADE 4 DAYS PRIOR TO DUE DATE.
LOAN PERIODS ARE 1-MONTH, 3-MONTHS, AND 1-YEAR.
RENEWALS: CALL (415) 642-3405

DUE AS STAMPED BELOW

OCT 13 1990		
JAN 14 1991	-	
APR 08 '91		
AUTO DISC AUG 22 '91		
JAN 04 1993		
AUTO DISC CIRC JUL 13 '93		

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
FORM NO. DD6, 60m, 1/83   BERKELEY, CA 94720   ©s

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C031946622

